IV-й годъ изда

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

П. МАСЛОВЪ. О теоріи заработной платы.

Н. Н—ИЧЪ. „Погибшіе и погибающіе".

Х—И. Выборы на Кавказѣ.

К. ОРАНСКІЙ. Какъ осуществить единство.

В. ЛЕВИЦКІЙ. Политическое самоопредѣленіе русской буржуазіи.

ВЛ. КОСОВСКІЙ. Дѣло свободы и культуры.

Иностранное обозрѣніе.

П—КІЙ. Либералы и соціалъ-демократы (письмо изъ Германіи).

Внутреннее обозрѣніе.

В. МИРОВЪ. Первые шаги с.-дем. фракціи въ IV Гос. Думѣ.

М. Б—ОВЪ. Государственный Совѣтъ и приказчики.

VELOX. Письмо въ редакцію.

Библіографія.—М. Х.

Объявленія.

№ 1. СПБ. 1913. Ц. 45 к.

ствомъ 900 голосовъ. Выборы по Кутаисской губерніи были тріумфомъ для соц.-демократіи; во многихъ мѣстахъ масса сама проводила избирательную кампанію безъ руководителей, безъ достаточныхъ средствъ, безъ періодическаго органа, тогда, какъ противники были вооружены всѣми этими средствами. Никогда послѣ 1905 года, с.-д. партія не соприкасалась такъ близко съ массами, какъ въ дни выборовъ, когда знакомая картина оживленія какъ будто совсѣмъ воскресла. И если, не смотря на это, отъ Кутаисской губ. прошелъ націоналистъ, то это благодаря насилію и механическому устраненію соц.-дем. выборщиковъ.

Выборы въ 4-ю Думу показали, что народныя массы признаютъ своей руководительницей рабочую партію и поддерживаютъ ея политическія выступленія. Это былъ лучшій отвѣтъ, какой только могли дать онѣ бюрократіи и нашему дворянству.

Х—и.

Какъ осуществить единство?

Вопросъ объ *единствѣ* поистинѣ сталъ модньмъ вопросомъ въ марксистской прессѣ и практикѣ. Вслѣдъ за людьми, горячо и серьезно заговорившими объ единствѣ, какъ жизненной потребности массового движенія, объ этомъ единствѣ начали кричать и другіе болѣе беззаботные люди, скрывая подъ новымъ пріятнымъ и приличнымъ словомъ старыя стремленія, съ „единствомъ дѣйствія“ ничего общаго не имѣющія. Слово „единство“ стало необходимымъ въ устахъ приличнаго соціалъ-демократа...

При этихъ условіяхъ тѣмъ серьезнѣе и послѣдовательнѣе искренніе представители интересовъ массового движенія должны формулировать понятіе и лозунгъ „единство дѣйствія“, чтобы его ясность, точность и законченность не давали возможности хитро вводить въ него контрабандой какія-либо постороннія, рѣзко ему противорѣчащія раскольническія стремленія.

Въ послѣдней (11—12) книжкѣ журнала „Наша Заря“ помѣщена статья М. Леонтьева: „Въ избирательной борьбѣ“. Авторъ ея, очень удачно подводя итоги общественнымъ проявленіямъ различныхъ теченій россійской соціалъ-демократіи за истекшій періодъ выборной кампаніи, давая очень точный и яркій анализъ тѣмъ позиціямъ, на которыхъ сейчасъ стоятъ два основныхъ направленія: большевизмъ и меньшевизмъ, останавливается на той потребности въ *единствѣ дѣйствія*, которой охваченъ передовой борющійся пролетаріатъ, и примѣнительно къ ней такъ формулируетъ рекомендуемую имъ программу дѣйствія:

1) Борьба за *единство* *) дѣйствія, т. е. необходимо усилить борьбу съ *кружковщиной*.

2) Борьба съ *большевизмомъ*, какъ бланкистскимъ, заговорщическимъ теченіемъ, т. е. необходима усиленная пропаганда *марксизма*.

3) Борьба за открытое существованіе, т. е. необходимы болѣе организованныя соціально-политическія выступленія для защиты

*) Вездѣ курсивъ мой.

повседневныхъ интересовъ, болѣе широкое использованіе легальныхъ возможностей, согласованіе разныхъ формъ организаціоннаго строительства.

Разсмотримъ же эти три пункта съ точки зрѣнія дѣйствительнаго осуществленія единства дѣйствія.

Конечно, „Нашу Зарю“ нельзя заподозрить въ какихъ-либо сознательныхъ раскольническихъ стремленіяхъ: въ этомъ смыслѣ позиція такъ наз. „ликвидаторства“ достаточно ясна и извѣстна...

Но именно поэтому съ особымъ прискорбіемъ приходится признать, что въ самой формулировкѣ практической программы, рекомендуемой М. Леонтьевымъ, имѣется рядъ ошибокъ и противорѣчій, которыя могутъ совершенно извратить осуществленіе единства на практикѣ и влить въ и безъ того болѣзненныя партійныя отношенія новую струю фракціоннаго бунтарства.

Обращаясь къ двумъ первымъ пунктамъ программы „единства“ М. Леонтьева, мы сразу замѣчаемъ, что они формулированы въ смыслѣ опредѣленной „борьбы“ — борьбы *марксистовъ* противъ кружковщины, противъ большевизма...

Въ такой формулировкѣ понятія „единства“ къ сожалѣнію нельзя найти даже никакихъ намековъ на дѣйствительное единство. Сравнимъ, какъ понимала и понимаетъ „единство“ газета „Правда“. „Правда“ неоднократно заявляла, что она признаетъ „единство“, какъ объединеніе всѣхъ противъ „ликвидаторовъ“, какъ борьбу *марксистовъ* противъ „не-настоящихъ“ соціаль-демократовъ, оппортунистовъ, либерально-рабочихъ политиковъ и т. д. Получается въ высшей степени странная картина. *Марксисты* противъ ликвидаторовъ... И тоже *марксисты* противъ большевиковъ...

Гдѣ же настоящіе марксисты? И гдѣ единство? — Каждая сторона считаетъ исключительно себя марксистской, исключительно себя имѣющей всѣ божескія и человѣческія права на безраздѣльное господство,—и понимаетъ „единство“, какъ боевое объединеніе противъ другой стороны, т. е. попросту не хочетъ знать никакого единства. Въ этомъ смыслѣ и формула М. Леонтьева (въ двухъ первыхъ ея пунктахъ), и формула „Правды“ представляютъ качественно совершенно одинаковые призывы, никакого отношенія къ осуществленію „единства“ не имѣющіе. Въ нихъ обѣихъ единство, какъ это ни странно, опредѣляется чертами *различія* между двумя теченіями.

Вспомнимъ, что призывъ къ единству возникъ подъ давленіемъ интересовъ массового движенія пролетаріата, возникъ именно потому, что массовое движеніе приняло опредѣленное *единое* направленіе, и что оба фракціонныхъ теченія, изъ опасенія не ослабить движенія,—принуждены были постараться найти извѣстную общую почву для дѣйствія, принять рядъ практическихъ положеній, которыя были бы безспорны для обѣихъ сторонъ, и только отъ этихъ положеній по возможности исходить въ своей дѣятельности, перенося споры по различнымъ вопросамъ соціально-политической жизни Россіи изъ области массового движенія въ область журнальной литературы.

Такимъ образомъ, если мы хотимъ составить практическую программу проведенія въ жизнь единства, мы должны въ эту программу ввести лишь тѣ черты, положенія, съ которыми *мо-*

гутъ быть согласны и большевики, и меньшевики, которыя *одининяютъ* ихъ, а не тѣ, которыя ихъ разъединяютъ, которыя опредѣляютъ сущность различія между двумя фракціями. Въ послѣднемъ случаѣ „единство" будетъ лишь фиговымъ листомъ, прикрывающимъ расколъ. Объединяющія же положенія, если они могутъ быть найдены, то могутъ быть найдены только въ области одинаковаго пониманія характера, содержанія и стремленій современнаго рабочаго движенія въ Россіи, одинаковой оцѣнки его *единаго*, реально и непоколебимо проявляющагося въ жизни направленія. Въ иной области мы не найдемъ явленій и фактовъ, согласное пониманіе которыхъ создало бы для насъ единство политическаго дѣйствія. Итакъ, каково же основное общее направленіе нынѣшняго рабочаго движенія, которое можетъ и должно явиться безспорнымъ для всѣхъ насъ?

Всякій, кто не хочетъ закрывать глаза на дѣйствительность, долженъ понять, что движеніе сейчасъ идетъ по пути борьбы по различнымъ наиболѣе важнымъ, наиболѣе жгучимъ общественнымъ вопросамъ и нуждамъ, по пути завоеванія частичныхъ правъ, по пути штурма отдѣльныхъ позицій существующаго политическаго порядка. Общій принципіальный характеръ этой борьбы лишь укрѣпляется такимъ сосредоточеніемъ массовой энергіи на извѣстныхъ, рѣзко опредѣленныхъ и ясныхъ цѣляхъ. Мало того, борьба за общую демократизацію и коренную реформу и организація массъ для такой борьбы *невозможны* внѣ борьбы за частичныя реформы и права; въ рѣшительной и выпуклой постановкѣ отдѣльныхъ наиболѣе важныхъ задачъ, въ завоеваніи отдѣльныхъ правовыхъ позицій, — идея борьбы за общую коренную реформу наполняется дѣйственнымъ, осязаемымъ содержаніемъ, связывается съ жизнью и ея массовыми нуждами—и превращается изъ голаго и общаго лозунга въ творческую живую силу. И современное рабочее движеніе въ Россіи, въ силу жизненной необходимости, въ общемъ и цѣломъ является открытой борьбой за частичныя права, имѣетъ, несмотря ни на что, именно это *единое* направленіе, повторяя въ нашей россійской обстановкѣ богатый западно-европейскій опытъ.

Но въ такомъ случаѣ есть ли все-таки для соціалъ-демократіи возможность получить дѣйствительно согласное пониманіе этого факта,—а отсюда установить единство дѣйствія? Есть признаки, позволяющіе дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Правда, какъ извѣстно, большевики никакъ не хотятъ признать окончательно всѣ эти азбучныя истины организованнаго европейскаго соціалистическаго движенія; для нихъ (по крайней мѣрѣ, на страницахъ ихъ писаній) борьба за частичныя права есть неминуемо отрицаніе борьбы за всеобщую реформу... Но на ряду съ этимъ мы замѣчаемъ интересный процессъ, показывающій, что жизнь сильнѣе старыхъ теорій.

Сама „Правда" зоветъ къ участію въ страховыхъ кассахъ, какъ опорныхъ пунктахъ массовой борьбы; „Правда" ничего не имѣетъ противъ рабочихъ забастовокъ-протестовъ, которыя вѣдь направлены противъ отдѣльныхъ проявленій существующаго порядка; наконецъ большевистскій комитетъ призываетъ къ забастовкѣ въ день внесенія въ Г. Думу запросовъ о преслѣдованіи рабочихъ собраній и союзовъ; т. е. къ выступленію на основѣ

борьбы за повседневные интересы и нужды... Массовая борьба пролетаріата неуклонно развивается по опредѣленному единому направленію, — и заставляетъ тѣхъ, кто не можетъ разстаться сразу со своей мертвой позиціей, безсознательно — хорошо или дурно, съ тѣми или иными уклоненіями, оговорками, протестами, оправданіями, но вести новую тактику, болѣе отвѣчающую интересамъ массового движенія и его стремленіямъ. А если это такъ, то въ этомъ залогъ возможности единства. Большевизму нужно быть только искреннимъ и признать извѣстный фактъ, рискуя въ противномъ случаѣ очутиться въ сторонѣ отъ жизни, въ придорожной канавѣ...

Такимъ образомъ, формулу „единства“ можно выразить лишь, какъ объединеніе всѣхъ соціалъ-демократическихъ силъ для обслуживанія *такихъ-то* задачъ соціально политическаго движенія пролетаріата, идущаго по *такому-то* пути, т. е. въ этой формулѣ можетъ быть лишь указаніе извѣстной области положительныхъ массовыхъ дѣйствій, которыя признаются всѣми единственно-цѣлесообразными, (но ни въ коемъ случаѣ, какъ сказано выше, не выраженіе борьбы съ кѣмъ-нибудь, противъ кого-нибудь своей же среды). Въ этомъ смыслѣ третій пунктъ приведенной формулы М. Леонтьева прекрасно опредѣляетъ существо вопроса. Внѣ признанія этого простого положенія, ясно выражающаго цѣлесообразный и неизмѣняемый характеръ нынѣшняго движенія, не можетъ быть почвы ни для какого единства.

Въ отношеніи къ здоровому голосу изъ рабочей массы, призвавшему къ единству, „ликвидаторское“ теченіе по всей своей сущности находилось и находится на гораздо болѣе благопріятной позиціи, чѣмъ другая фракція.

Характеръ современнаго рабочаго движенія оказался глубоко совпадающимъ съ сущностью и стремленіями „ликвидаторства“ (или лучше просто сказать — меньшевизма). И присоединиться къ голосу рабочихъ, призвавшихъ къ единству, для „ликвидаторства“ значило лишь, *вполнѣ оставаясь на своей позиціи*, молчаливо указать своимъ раздраженнымъ критикамъ на ясное, какъ божій день, содержаніе нынѣшняго рабочаго движенія и неминуемое вліяніе его на непонятливыхъ идеологовъ. Большевики находятся въ другомъ положеніи. Они все еще продолжаютъ теоретически отрицать то, что въ жизни развивается все шире и сильнѣе. И если въ практической работѣ они неизбѣжно вовлекаются въ общую волну движенія, направленнаго на завоеваніе отдѣльныхъ позицій и правъ, то это происходитъ пока какъ-то случайно, косвенными, заплетающимися путями... Большевики въ этомъ направленіи должны быть смѣлы и искренни. *Въ вопросѣ объ единствѣ первый шагъ можетъ быть только съ ихъ стороны.* Они, если серьезно стоятъ за единство, должны росписаться подъ цитированнымъ третьимъ пунктомъ формулы М. Леонтьева.

М. Леонтьевъ, задавшись цѣлью дать программу осуществленія единства, съ успѣхомъ могъ бы ограничиться однимъ послѣднимъ своимъ тезисомъ, выкинувъ первые два, заключающіе въ себѣ явно опасное извращеніе практическаго понятія единства. Говоря такъ, я могу вызвать вопросъ, считаю ли я необходимымъ вообще борьбу съ „кружковщиной“, съ большевиз-

момъ... Конечно, да. Хотя въ жизни происходитъ исподволь постепенное измѣненіе позиціи большевизма, но все же большевизмъ существуетъ, имѣетъ свою аудиторію, да и вдобавокъ большевизмъ, какъ идеологическое теченіе, не исчерпывается вѣдь своимъ отрицаніемъ борьбы за частичныя реформы.

Признавая съ своей точки зрѣнія—необходимость и плодотворность идейной полемической борьбы съ большевизмомъ, я рѣшительно возстаю противъ того, чтобы эту борьбу дѣлать руководящимъ принципомъ для нашего участія въ практикѣ массового движенія пролетаріата. Если даже, паче чаянія, большевизмъ не найдетъ въ себѣ достаточно логики и смѣлости, чтобы признать открытую борьбу за отдѣльныя права, повседневные интересы и т. д. и тѣмъ самымъ подать руку, какъ другой фракціи, такъ и всему рабочему движенію, если вслѣдствіе этого единство не осуществится, то и тогда *практическая* — въ средѣ рабочаго движенія — борьба съ большевизмомъ (не литературно-идейная, которая все время сохраняетъ свое особое значеніе) возможна будетъ въ предѣлахъ послѣдняго тезиса формулы М. Леонтьева. Она будетъ даже дѣйствительнѣе и плодотворнѣе всякой другой, ибо она—борьба, гдѣ роль полемическихъ аргументовъ играютъ массовыя дѣйствія, крупныя жизненныя явленія, неопровержимые и непреодолимые факты дѣйственнаго развитія пролетарской организованности и силы. Тогда—на старые крики о „ликвидаціи партіи“ мы отвѣтимъ *фактомъ возрожденія* пролетарской соціалъ-демократической организованности. На крики о „либеральной рабочей политикѣ“—*фактомъ* классовой самостоятельности активнаго рабочаго движенія. На критику борьбы за частичныя права—*фактомъ* явнаго политическаго значенія и явныхъ политическихъ результатовъ такой борьбы для пролетаріата и общественнаго развитія страны... Большевистскому бѣгу на мѣстѣ и нежизненности будетъ противопоставлено дѣйственное развитіе организованнаго соціалистическаго пролетаріата. Короче сказать, при всѣхъ этихъ условіяхъ за насъ отвѣтитъ сама жизнь.

Итакъ, вопросъ стоитъ ясно. Идетъ открытая борьба пролетаріата, направленная на завоеваніе отдѣльныхъ позицій, правъ и реформъ, развивающаяся на почвѣ повседневныхъ нуждъ и интересовъ, примѣняющая всѣ формы движенія и организаціи, борьба, всецѣло сохраняющая свой общій принципіальный характеръ и лишенная всякой половинчатости и узости.

Иного характера борьбы и движенія *не можетъ быть*. Признайте это. Признайте существующее, цѣлесообразно-существующее. Тогда мы подадимъ другъ другу руки. И возстановится единство.

Слово за ними. Только побольше искренности, побольше сознанія отвѣтственности передъ интересами рабочаго класса.

К. Оранскій.

Политическое самоопредѣленіе русской буржуазіи.

I.

Поворотное время, которое мы переживаемъ, характеризуется между прочимъ, становящимся день ото дня замѣтнѣе, ростомъ политическаго недовольства вліятельныхъ круговъ нашей буржуазіи. Хотя въ марксистскомъ лагерѣ нѣкоторые писатели и отрицаютъ постепенное проникновеніе русской буржуазіи духомъ политической оппозиціи и стремленіе ея отлить эту послѣднюю въ опредѣленныя политическія формы, но факты послѣдняго времени съ несомнѣнностью подтверждаютъ, что процессъ этотъ, пусть медленно, съ остановками, но неуклонно совершается. На страницахъ „Нашей Зари“ въ свое время уже регистрировались и подвергались оцѣнкѣ первыя ласточки пробужденія буржуазной оппозиціи.

Первое пробужденіе буржуазной оппозиціи происходило еще въ атмосферѣ полнаго политическаго затишья, когда возрождавшееся уже массовое движеніе еще не вышло наружу; когда невидная постороннему наблюдателю работа открытыхъ рабочихъ организацій не пробила еще льда молчанія среди широкихъ слоевъ пролетаріата.

„Лена“ была тѣмъ кровавымъ рубежомъ, который неизгладимой чертой отдѣлилъ эпоху исчерпывающей себя контръ-революціи отъ періода новаго общественнаго подъема. Лена была этимъ рубежомъ не только для пролетаріата, непосредственно пострадавшаго отъ практическаго примѣненія абсолютистскаго принципа „такъ было, такъ будетъ“, но и для его классоваго антипода-буржуазіи. Вслѣдъ за Леной и вызванной ею волной стачечнаго движенія съ вполнѣ конкретными политическими требованіями, разлившейся по всей Россіи, недовольство среди промышленниковъ, преимущественно центральнаго района, стало принимать замѣтныя формы. Еще разъ оправдались слова Маркса, что пролетаріатъ не можетъ пошевелиться безъ того, чтобы не пришла въ движеніе вся общественная постройка.

Ленскія событія и послѣдовавшее за ними движеніе протеста рабочихъ массъ вскрыли всю неустойчивость установившагося послѣ 1905—6 г.г. политическаго режима; они показали всю тщету для реакціи собственными, абсолютистскими „средствіями“ управиться съ принимающимъ европейскій характеръ рабочимъ движеніемъ. Они должны были вызвать у буржуазіи, въ лицѣ ея передовыхъ представителей, недовольство режимомъ, неспособнымъ обезпечить ей „мирное теченіе экономической жизни“.

Московская „бесѣда“ Коковцова съ промышленниками, 100 лѣтній юбилей Коноваловской фирмы, двѣ конференціи партіи прогрессистовъ и ея эволюція, избирательная кампанія и выступленія фракціи прогрессистовъ въ IV Думѣ, борьба вокругъ городскихъ Думъ—таковы различные симптомы постепенно наростающаго недовольства торгово-промышленной буржуазіи, таковы этапы ея начавшагося политическаго самоопредѣленія. Если во время „московской бесѣды“ съ Коковцовымъ весной 1912 г. сейчасъ же послѣ Лены, Крестовниковъ и Рябушин-

скій еще очень осторожно указываютъ правительству на необходимость считаться съ экономическимъ развитіемъ, не пренебрегать интересами промышленниковъ въ угоду „первенствующему“ сословію и скромно совѣтуютъ „культурные пріемы управленія“, то уже на Коноваловскомъ юбилеѣ передъ началомъ избирательной кампаніи рѣчи Коновалова, того же Рябушинскаго и другихъ воротилъ торгово-промышленнаго міра центральнаго района звучатъ гораздо рѣшительнѣе. Теперь капиталъ переходитъ въ наступленіе. Первенствующимъ сословіемъ должна стать буржуазія—таковъ лейтъ-мотивъ рѣчей нашихъ доморощенныхъ Сіэйсовъ на Коноваловскомъ торжествѣ. Земельное дворянство классъ отживающій, на смѣну котораго пришло россійское третье сословіе; за послѣднимъ стоитъ развитіе производительныхъ силъ, требующее предоставленія ему участія въ управленіи.

Незадолго до начала избирательной кампаніи происходитъ конференція прогрессистовъ, видную роль въ которой играютъ Коноваловъ, Рябушинскій, Четвериковъ и др. промышленники. Въ „Н. З.“ *) уже указывалось, что было бы ошибкой считать прогрессистовъ партіей исключительно городской буржуазіи, ибо въ ней замѣтную роль играютъ земскіе и интеллигентскіе—идеологическіе элементы. Но нельзя, съ другой стороны, отрицать и того, что на весеннюю конференцію и выработанную ею политическую платформу легла вполнѣ опредѣленная *буржуазная*, въ специфическомъ смыслѣ этого слова, печать. Для буржуазности этой платформы характерны не умѣренность выраженій и неопредѣленность ея политическихъ требованій. Послѣдняя скорѣе могла бы быть объяснена слабостью новорожденной партіи, ибо и вполнѣ буржуазная партія, чувствуя за собой силу, способна рѣшительно требовать политической свободы. Съ нашей точки зрѣнія характерны для платформы *цензовой имущей оппозиціи*, представительницей которой хочетъ быть прогрессистская партія, во 1-хъ, отказъ отъ требованія *всеобщаго* избирательнаго права и во 2-хъ воздержаніе отъ *какихъ бы то ни было соціальныхъ* требованій, равно какъ и полное умолчаніе о свободѣ коалиціи и стачекъ, которой въ тѣ именно дни впервые громко потребовалъ пролетаріатъ. Любопытную мотивировку отказа отъ соціальныхъ требованій далъ въ помѣщенномъ въ газетѣ „Кіевская Мысль“ интервью одинъ изъ идейныхъ вождей прогрессистской партіи Д. Н. Шиповъ. Смыслъ его словъ тотъ, что въ Россіи прежде всего надо разрѣшить политическія задачи, а тамъ уже придетъ чередъ и для соціальныхъ вопросовъ. Это типичная для буржуазнаго либерала постановка вопроса.

Сознательное игнорированіе соціальнаго вопроса въ этотъ моментъ диктовалось прогрессистамъ ихъ стремленіемъ объединить передовые элементы торгово-промышленнаго класса. Это объединеніе могло произойти лишь вокругъ умѣренной политической программы, не идущей дальше того, чего требуютъ непосредственно интересы развивающагося въ рамкахъ полуабсолютистскаго режима буржуазнаго общества, т. е. установленія конституціоннаго порядка и политической свободы. Приспособляясь къ этимъ интересамъ и отказываясь отъ демократическихъ и соціальныхъ требованій, могущихъ отпугнуть отъ нея извѣстные слои промышленниковъ, партія прогрессистовъ получала возможность стать центромъ политическаго притяженія оппозиціонныхъ слоевъ буржуазіи.

---

*) См. № 5 „Н. З.“ за 1912 г. Ст. Н. Череванина.

На выборахъ прогрессисты какъ то стушевались, не выступая въ качествѣ самостоятельной партіи. Во многихъ мѣстахъ они фактически работали на пользу к.-д., проходившихъ подъ ихъ общеоппозиціоннымъ флагомъ. Могло даже показаться, что вся прогрессистская партія явилась политическимъ пуфомъ, какимъ то искусственно вздутымъ мыльнымъ пузыремъ. Но этого могло только казаться. Рожденная реальными потребностями все ростущей экономически и политически не удовлетворенной буржуазіи партія прогрессистовъ не могла оказаться политическимъ недоноскомъ. Напротивъ того, выборы, рѣзко вскрывшіе противорѣчіе между старой и новой Россіей, обнаружившіе полное банкротство октябристовъ, гнилость полицейско-бюрократическаго аппарата и быстрый ростъ демократическихъ и соціаль-демократическихъ стремленій, льющихся потокомъ черезъ край третьеіюньскаго барьера, не могли не дать отлиться въ опредѣленную форму тому процессу, который переживаетъ „становящаяся классомъ въ себѣ“ наша торгово-промышленная буржуазія. Вытѣсненіе по всей Россіи октябристовъ изъ 1-ой городской куріи прогрессистами и кадетами, въ особенности пораженіе Гучкова въ Москвѣ и пораженіе октябристовъ въ 1-й куріи Петербурга, избраніе въ Думу отъ Костромской губ. Коновалова — являясь симптомомъ роста оппозиціонности торгово-промышленной буржуазіи, въ то же время, должно было толкать ее къ кристаллизаціи вокругъ опредѣленнаго центра.

Прогрессистская фракція IV Думы, значительно большая по количеству членовъ, чѣмъ фракція III Думы, выгодно отличается отъ нея своей большей опредѣленностью. Въ третьей Думѣ фракція состояла изъ депутатовъ, набравшихся „съ бору, съ сосенки“: въ нее вошли депутаты отколовшіеся: частью отъ к.-д., частью отъ октябристовъ и даже трудовиковъ, изъ бывшихъ мирнообновленцевъ и безпартійныхъ. Въ четвертой Думѣ прогрессисты имѣютъ болѣе или менѣе сплоченную фракцію съ обязательной дисциплиной, въ которой съ наряду съ „идеологами“ — Ефремовымъ, Львовымъ, Масленниковымъ—видное мѣсто сразу же заняли представители торгово-промышленнаго міра: Коноваловъ, Барышниковъ, Калугинъ, Бубликовъ и др. Въ лицѣ прогрессистовъ наша торгово-промышленная буржуазія начала приходить къ самосознанію. Однимъ изъ средствъ къ этому самопознанію была созванная наканунѣ открытія IV Г. Думы новая конференція прогрессистовъ.

II.

Конференція должна была рѣшить вопросъ: быть или не быть прогрессистамъ *партіей*? На этотъ гамлетовскій вопросъ конференція отвѣтила утвердительно, хотя формально она приняла компромиссное рѣшеніе. Меньшинство, во главѣ съ М. Ковалевскимъ, отстаивало сохраненіе прогрессистской группы въ прежнемъ неопредѣленномъ видѣ, т. е. безъ обязательной программы и обязательныхъ рѣшеній. Такой же точки зрѣнія держались и другіе прогрессистскіе „идеологи“, задающіеся утопической цѣлью соединить разнородные элементы: впречь въ одну прогрессистскую колесницу „коня и трепетную лань“; буржуа европейскаго типа и земскаго либерала стариннаго образца. Противоположную точку зрѣнія—необходимость принятія общеобязательной программы и превращенія группы въ дисциплинированную партію—отстаивали представители промышленнаго міра: Коноваловъ, Барыш-

никовъ и Бубликовъ. Компромиссное рѣшеніе, принятое конференціей, сводилось къ тому, что прогрессисты сохраняли прежнее *названіе* группы, принявъ въ то же время *фактически* всѣ элементы политической партіи: былъ избранъ центральный комитетъ съ соотвѣтственными полномочіями, рѣшено организовать мѣстныя прогрессистскія группы; приняты основныя положенія политической программы новой партіи.

Во вступленіи къ нимъ отмѣтимъ два момента: обосновку программы соображеніями экономическаго развитія и указаніе на необходимость „рѣшительно и стойкой борьбы" за осуществленіе намѣченныхъ политическихъ требованій. Въ этомъ рѣзко проявилось классовое самосознаніе буржуазіи, претендующей на первенствующую роль въ государствѣ и готовой *бороться* за достиженіе минимума политическихъ гарантій, который обезпечивалъ бы ей политическое преобладаніе въ странѣ. Требованія программы прогрессистовъ сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) отмѣна усиленной и чрезвычайной охраны; 2) отмѣна существующаго избирательнаго закона 3 іюня и выработка новаго; 3) расширеніе правъ народнаго представительства и реформа Гос. Совѣта; 4) свобода слова, печати, собраній и союзовъ; 5) неприкосновенность личности, свобода совѣсти и церкви; 6) устраненіе національнаго гнета и стѣсненій развитія національности; 7) отмѣна сословныхъ ограниченій и привиллегій; 8) независимость мѣстнаго городского и земскаго самоуправленія, расширеніе ихъ правъ и реформа ихъ финансовъ; 9) всеобщее обязательное обученіе, усиленіе общественнаго вліянія на низшую и среднюю школу; автономія высшей школы; 10) защита народо-хозяйственныхъ интересовъ въ сферѣ земледѣлія, промышленности и торговли; 11) поощреніе и развитіе самодѣятельности населенія во всѣхъ областяхъ культурной и экономической жизни. 12) Необходимость отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ.

За этими требованіями выглядываетъ все тотъ же ликъ цензовой, торгово-промышленной буржуазіи. Безъ излишней идеологіи, безъ узоровъ политическаго доктринерства, она предъявляетъ власти *свои* классовыя, политическія требованія, далекія отъ требованій демократіи и соціальныхъ требованій пролетаріата. Буржуазіи начинаетъ надоѣдать гучковская тактика „ожиданія": она отвергаетъ ее, собираясь собственными усиліями взять то, что ей необходимо.

Та же опредѣленность и разрывъ съ расплывчатостью прежняго нашего либерализма звучатъ въ тактическихъ положеніяхъ, принятыхъ конференціей для руководства думской фракціи, которая должна: 1) дѣйствовать въ Думѣ въ предѣлахъ строгой законности; 2) ярко обличать незаконныя дѣйствія правительства и его агентовъ; 3) защищать право и достоинство Г. Думы, не боясь ея роспуска; 4) быть стойкими въ защитѣ конституціонныхъ началъ и въ проведеніи реформъ; 5) настаивать на проведеніи реформъ въ неурѣзанномъ видѣ; 6) пользоваться бюджетными правами Думы, не останавливаясь передъ отказомъ въ ассигновкѣ по отдѣльнымъ смѣтнымъ статьямъ; 7) проявлять инициативу во внесеніи собственныхъ законопректовъ о необходимыхъ реформахъ.

Рѣшеніе прогрессистской конференціи объ организаціи мѣстныхъ и раіонныхъ легализованныхъ партійныхъ ячеекъ свидѣтельствуетъ о стремленіи ея руководителей къ постоянной организаціи, выходящей за предѣлы думскаго представительства и руководящаго политическаго центра. Если бы прогрессистамъ удалось осуществить это свое стре-

мленіе—что нельзя считать невозможнымъ въ виду вліятельнаго положенія, занимаемаго нѣкоторыми лидерами этой партіи, то мы стали бы свидѣтелями первой легализованной политической оппозиціонной партіи въ Россіи. А появленіе такой партіи могло бы сыграть не малую роль въ борьбѣ другихъ, болѣе лѣвыхъ партій, за право на открытое существованіе.

Параллельно съ избирательной кампаніей въ IV Гос. Думу во многихъ городахъ Россіи велась борьба вокругъ городскихъ Думъ. Во многихъ случаяхъ прогрессивные элементы побѣждали и вытѣсняли такъ называемыхъ „стародумцевъ". Особенно знаменательно пораженіе стародумцевъ на выборахъ въ петербургскую и московскую думы. Конечно, „прогрессисты" городскихъ думъ далеко не всегда совпадаютъ по своей *политической* окраскѣ съ прогрессистской партіей, но *соціально* они принадлежатъ къ тому же слою городской торгово-промышленной буржуазіи, которая, какъ мы видѣли, все болѣе становится доминирующимъ элементомъ въ прогрессистской партіи. И вытѣсненіе „прогрессистами" стародумцевъ съ ихъ насиженныхъ позицій означаетъ ни что иное, какъ пробужденіе общественной активности среди прогрессивныхъ элементовъ городской буржуазіи и стремленіе ихъ къ самодѣятельности въ области городского хозяйства, какъ и въ области народнаго хозяйства и государственной политики. Побѣды прогрессивныхъ элементовъ на городскихъ выборахъ имѣли своимъ ближайшимъ результатомъ политическій шагъ, предпринятый нѣкоторыми думами и напоминающій намъ о политическихъ выступленіяхъ городскихъ думъ въ періодъ 1904-05 годовъ. Мы имѣемъ въ виду возбужденіе Красноярской, Екатеринодарской, Симбирской и Саратовской думами ходатайства о политической амнистіи, разговоры на эту тему въ другихъ думахъ и вѣроятное принятіе подобнаго рѣшенія цѣлымъ рядомъ городскихъ думъ, во главѣ со столичными.

Выступленія прогрессистовъ въ IV Гос. Думѣ въ первый мѣсяцъ ея существованія тоже не лишены интереса. Въ этой Думѣ фракція прогрессистовъ, благодаря своему количеству и сплоченности, представляетъ изъ себя значительную силу, съ которой вынуждены считаться ея непосредственные сосѣди, какъ справа (октябристы), такъ и слѣва (кадеты). Вмѣстѣ съ октябристами и к.-д. прогрессистамъ удалось провести „конституціонный президіумъ", ангажировавъ этимъ Родзянко на вступительную рѣчь конституціоннаго характера. Благодаря своему вѣсу прогрессисты получили два мѣста въ президіумѣ, одно изъ которыхъ досталось имъ вмѣсто к.-д., оказавшихся слишкомъ „лѣвыми" съ точки зрѣнія октябристовъ.

Выступленія прогрессистскихъ ораторовъ (а ихъ было довольно много) не отличались особенною яркостью, но зато они дышали спокойною самоувѣренностью и характерною буржуазною солидностью. Прогрессистскіе ораторы въ самую критическую минуту не сорвутся, не отступятъ влѣво отъ своей общей позиціи, какъ то нерѣдко случается съ болѣе экспансивными к.-д. ораторами: Родичевымъ, Шингаревымъ и др.

Наиболѣе характерными для новой формаціи прогрессистовъ являются выступленія Коновалова и Бубликова въ отвѣтъ на декларацію Коковцова. Коноваловъ началъ съ обычныхъ жалобъ нашихъ промышленниковъ на состояніе промышленности и съ опроверженія оптимистическихъ увѣреній на этотъ счетъ правительства. Указавъ на необходимость подъема сельскаго хозяйства, какъ основы нашего

промышленнаго благосостоянія и на репрессіи по отношенію къ развитію самодѣятельности народа во всѣхъ областяхъ жизни, Коноваловъ рѣшительно заявляетъ, что

„свобода труда тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общегражданской свободой, правительство не можетъ не знать, что безъ политическихъ свободъ самодѣятельность населенія атрофируется и въ корнѣ подрывается. Только при проведеніи въ жизнь началъ этого порядка, только при условіи дѣйствительно широкаго развитія въ странѣ профессіональныхъ организацій, союзовъ, всякаго рода кооперативовъ, только при дѣйствительной гарантіи имущественной и личной обезпеченности, т. е. при увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, мы можемъ разсчитывать на широкій потокъ русской самодѣятельности со стороны разнообразныхъ круговъ русскаго населенія“...

Коноваловъ убѣжденъ, что

„пока вся наша внутренняя жизнь экономическая будетъ разсматриваться подъ полицейскимъ угломъ зрѣнія, пока во всемъ правительственномъ организмѣ будетъ царить давленіе гегемоніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; пока будетъ происходить утѣсненіе цѣлаго ряда народностей въ нашемъ хозяйственномъ обиходѣ, пока страна не будетъ управляться на началахъ законности, не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительно могучемъ подъемѣ нашихъ производительныхъ силъ, не можетъ быть и рѣчи о широкомъ потокѣ русской энергіи и предпріимчивости, о привлеченіи тѣхъ широкихъ капиталовъ, которые должны оплодотворить весь нашъ хозяйственный организмъ“. Закончилъ свою рѣчь Коноваловъ словами: „промедленіе времени—смерти подобно“.

Другой прогрессистскій ораторъ, Бубликовъ, говорившій, впрочемъ, отъ своего имени, а не отъ имени фракціи, началъ съ указанія на несправедливость и не экономный способъ выдачи желѣзнодорожныхъ концессій, практикуемый нашимъ правительствомъ, продолжилъ критикой поведенія администраціи на выборахъ, доказавъ ея несостоятельность даже съ правительственной точки зрѣнія и закончилъ выраженіемъ пожеланія, чтобы у насъ образовалось чисто чиновничье, дѣловое министерство, способное провести наиболѣе необходимыя странѣ реформы.

„Если бы тѣ люди—сказалъ онъ,—которые слишкомъ связали себя съ опредѣленными партіями или уже въ слишкомъ неприличной формѣ доказали свою неспособность исполнять даже узкія задачи, которыя имъ ставятъ, ушли изъ этого министерства, то, вѣроятно, Дума съ тѣмъ образующимся и, мнѣ кажется, неизбѣжно долженствующимъ образоваться конституціоннымъ центромъ могла бы работать, могла бы осуществить значительное количество тѣхъ весьма благихъ законопроектовъ, которые были перечислены, могла бы *сойтись на дѣловой почвѣ съ правительствомъ*“ (курсивъ нашъ).

Можно сказать сейчасъ, что великихъ реформъ ждать нечего, но при извѣстной готовности сдѣлать минимальныя уступки, пойти на соглашенія, мы можемъ дать странѣ многое изъ того, что перечислено въ декларацiи, чего она ждетъ и чего не дождется при розни и партійной борьбѣ“.

„Дѣловая“ умѣренность прогрессистскаго оратора и готовность „сойтись“ съ правительствомъ очень характерны для нѣкоторой части нашей буржуазіи, которая предпочла бы управлять, подѣлившись властью съ существующимъ правительствомъ, не вырывая этой власти борьбой. Сознаніе накопляющейся въ странѣ энергіи народныхъ массъ и опасеніе, чтобы эта энергія не вылилась въ сильномъ демократическомъ теченіи съ соціальной окраской, заставляетъ Бубликовыхъ предостерегать власть и склонять ее къ уступкамъ. Та же готовность прогрессистовъ работать вмѣстѣ съ правительствомъ, если оно искренно встанетъ на путь элементарной законности и хотя бы постепеннаго осуществленія манифеста 17-го октября, проникаетъ резолюцію, внесенную ихъ фракціей по поводу декларацiи и принятую Думой. Резолю-

ція эта, будучи умѣренно оппозиціонна, выражаетъ надежду, что правительство станетъ на путь реформъ. Какъ ни умѣренна она сама по себѣ, но принятіе ея Думой какъ бы санкціонировало образовавшееся при выборахъ президіума „конституціонное“ думское большинство. Трудно, конечно, предвидѣть, насколько прочнымъ окажется этотъ своеобразный „конституціонный“ блокъ изъ октябристовъ, прогрессистовъ и кадетовъ. Прошлое октябристовъ не позволяетъ слишкомъ оптимистически относиться къ ихъ конституціоннымъ аллюрамъ. Но симптоматично уже то, что октябристы, не внося собственной резолюціи и голосовавъ *противъ* резолюціи правыхъ и націоналистовъ, поддержали конституціонную резолюцію прогрессистовъ.

Дѣятельность прогрессистовъ въ IV Думѣ говоритъ какъ будто объ образованіи въ русскомъ парламентѣ группы, которая, совокупно съ соціально родственными ей элементами справа и слѣва, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, лежащихъ внѣ думскихъ комбинацій, можетъ сыграть роль вліятельнаго буржуазнаго центра, который въ обмѣнъ за поддержку правительственной политики, сможетъ добиться осуществленія необходимаго для развитія производительныхъ силъ минимума реформъ.

III.

Европеизація всей русской жизни, начало которой положено было 1905 годомъ и которая могла быть лишь замедлена, но не пріостановлена годами контрреволюціи, ведетъ съ неизбѣжностью историческаго процесса къ образованію въ Россіи либерально-буржуазной партіи европейскаго типа. Въ партіи прогрессистовъ съ большой дозой вѣроятія можно провидѣть зародышъ такой партіи, пока еще связанной съ разнаго рода идеологическими и историческими традиціями, отъ которыхъ она понемногу начинаетъ уже избавляться.

Всякая политическая партія при своемъ возникновеніи вырабатываетъ себѣ идеологію или воспринимаетъ ее въ готовомъ видѣ отъ другихъ партій или группъ. Нашъ новый промышленный либерализмъ въ этомъ отношеніи оказался довольно счастливымъ. Задолго до его первыхъ общественно-политическихъ выступленій послѣдняго періода группа идеологовъ, большею частью правыхъ кадетовъ во главѣ съ Петромъ Струве, задалась цѣлью выработать идеологію для отсутствовавшей пока еще въ дѣйствительности либеральной буржуазіи. Мы имѣемъ въ виду ту работу, которую съ похвальнымъ усердіемъ развивалъ журналъ „Русская Мысль“, отчасти покойная газета „Слово“ и, прежде всего, много нашумѣвшій сборникъ „Вѣхи“. Отрѣшеніе отъ „соціалистическихъ“ элементовъ, столь компрометтировавшихъ к.-д. партію въ глазахъ буржуазнаго обывателя; освобожденіе отъ излишняго демократизма и „революціонности“ прежняго движенія; объявленіе войны „антигосударственности“ и отщепенству русской интеллигенціи; преклоненіе передъ сильной государственной властью; выдвиганіе національныхъ задачъ въ духѣ прежняго славянофильства („національное лицо“); рѣзко выраженный индивидуализмъ; проповѣдь личной годности и признаніе промышленной дѣятельности религіознымъ дѣломъ *)—таковы были характерныя черты міровоззрѣнія этихъ идео-

*) Умиленіе Галича передъ желѣзными дорогами и инженерами, слова Струве по поводу писемъ Эртеля о религіозномъ характерѣ сажанія капусты, а въ послѣднее время ст. Рыкачева въ „Русск. Молвѣ“, призывающая интеллигенцію къ *идейной* службѣ капиталистическому процессу.

логовъ безъ класса, вырабатывавшихъ его въ атмосферѣ политической и общественной реакціи.

Эта новая идеологія, стремившаяся къ освобожденію политическихъ требованій развивающагося буржуазнаго общества отъ демократическихъ и соціалистическихъ традицій русскаго освободительнаго движенія, оказалась какъ разъ по плечу наиболѣе передовымъ элементамъ нашего торговопромышленнаго класса и родственнымъ съ ними элементамъ. Литературная пропаганда кружка „Русской Мысли“ и устройство имъ извѣстныхъ московскихъ совѣщаній экономистовъ съ промышленниками содѣйствовали распространенію идей чистаго политическаго либерализма. Партія прогрессистовъ, пріобрѣтающая все болѣе опредѣленный буржуазный характеръ, получила благодаря этому въ почти готовомъ видѣ идеологію, отвѣчающую ея практическимъ политическимъ задачамъ.

Но если въ періодъ общественнаго затишья, въ новой идеологіи преобладали и выступали на передній планъ ея „реакціонно-національныя“ черты, то за послѣдній годъ, подъ вліяніемъ наступившаго общественнаго подъема и рабочаго движенія, въ ней сильнѣе начинаютъ звучать прогрессивныя, боевыя ноты. Все меньше вниманія удѣляется „великой Россіи“ и „государственнымъ задачамъ“ и все конкретнѣе рѣчь идетъ о политической свободѣ. Рѣже сыпятся удары налѣво, и тѣмъ интенсивнѣе становятся выпады направо.

Этотъ процессъ „полѣвѣнія“ новой буржуазной идеологіи можно въ особенности прослѣдить на начавшей выходить съ начала 1913 года при близкомъ участіи Струве, многихъ видныхъ прогрессистовъ и либераловъ газетѣ „Русская Молва“.

Въ 1-омъ, программномъ, номерѣ „Русской Молвы“ мы находимъ всѣ тѣ основные киты, на которыхъ Струве и К° хотѣли построить свою „великую“ буржуазную Россію. Тутъ и національныя задачи, и необходимость сильной государственной власти, къ которой взывалъ въ „Вѣхахъ“ г. Гершензонъ, и жажда „здороваго консерватизма“, равно далекаго какъ отъ реакціонной политики, такъ и отъ „безсмысленныхъ мечтаній“ лѣвыхъ партій. Но тутъ же вполнѣ опредѣленно подчеркнутыя требованія политическаго либерализма въ томъ именно видѣ, въ какомъ его всегда въ Зап.-Европѣ отстаивала цензовая буржуазія:

„Только широкая либеральная политика—пишетъ тамъ г. Струве—сможетъ въ реальной работѣ канализировать весь огромный потокъ прогрессивныхъ стремленій и настроеній народа и интеллигенціи и при помощи разумнаго государственнаго дренажа оплодотворить этимъ потокомъ иссохшую ниву нашей государственной жизни“.

Въ томъ же № газеты указывается на похвальный примѣръ Бисмарка, сумѣвшаго „сбросить съ себя иго партійно-политическихъ навыковъ, привязанностей и разсчетовъ“ и корить германскихъ прогрессистовъ, „не догадавшихся въ эпоху бюджетнаго конфликта пойти на уступки мѣсяца за два до австро-прусской войны“. „Заслуга Бисмарка еще ярче оттѣнялась грубой ошибкой свободомыслящихъ. Тѣ предпочли форму содержанію. Онъ позабылъ во имя содержанія о формѣ“. Основнымъ лозунгомъ момента газета считаетъ *политическую свободу*, упроченіе въ Россіи дѣйствительной конституціи.

Дальнѣйшіе №№ газеты показываютъ, что, „Русская Молва“ ведетъ вполнѣ опредѣленную и довольно рѣшительную политику,

не имѣющую порой ничего общаго съ вѣховскимъ смиренствомъ, и что эта политика очень напоминаетъ собой ту, которую въ IV Гос. Думѣ начинаетъ проводить прогрессистская партія.

Черезъ всю политическую позицію „Русской Молвы", какъ и черезъ все поведеніе прогрессистовъ красной нитью проходятъ двѣ черты: одна—это ярко выраженный политическій либерализмъ, другая—извѣстный національстическій душокъ, стремленіе вести великодержавную государственную политику. Послѣдняя въ особенности проявилась въ связи съ балканской войной въ „славянскіе" дни, когда „Русская Молва" побила рекордъ шовинистическаго молодечества въ нашей прогрессивной прессѣ. Эта двуликость нашей буржуазіи, организующейся въ политическую силу, давала поводъ сравнивать ее съ германскими національ-либералами середины 60-хъ годовъ, отказавшимися, въ угоду „національной политикѣ" Бисмарка отъ демократическаго наслѣдства 1848 года. Безспорно въ политическомъ положеніи современной Россіи и Германіи 60-хъ годовъ есть много общаго; сходныя черты можно найти между нашей буржуазіей и германской того времени.

Но есть и существенная разница въ объективныхъ условіяхъ, благодаря которымъ до поры до времени „національный" ликъ нашей прогрессивной буржуазіи будетъ являться скорѣе парадной фразой, идеологическимъ привѣскомъ, чѣмъ живущей силой ея политическаго развитія, какъ это было въ Германіи конца 60 и 70-хъ гг.

Въ концѣ 60-хъ годовъ классовые интересы германской буржуазіи требовали одновременнаго разрѣшенія и національной и политической задачи и эти двѣ задачи тѣсно связывались воедино, какъ въ программѣ Бисмарка, такъ и въ сознаніи пошедшей къ нему въ Каноссу части прогрессистовъ, образовавшей національ-либеральную партію. Напротивъ того, классовые интересы русской торгово-промышленной буржуазіи въ *настоящее время* не требуютъ разрѣшенія никакихъ національныхъ задачъ. Та „великая", политически свободная Россія, которой домогаются и будутъ домогаться наши передовые буржуа, не связана объективно съ какой-либо внѣшней политикой и съ усиленіемъ „государственной" и военной мощи страны. Если въ будущей свободной Россіи извѣстные слои русской буржуазіи неизбѣжно воспримутъ идеологію имперіализма и буржуазный національнизмъ станетъ для нихъ знаменемъ, закоторымъ будутъ скрываться ихъ реальные интересы, то для буржуазіи сегодняшняго дня, еще только борящейся за политическую власть, національная „государственная" политика является своего рода „Privatsache" (частнымъ дѣломъ), а не классовой потребностью. Поэтому „никакія національныя задачи" не имѣютъ шансовъ сыграть у насъ роль политической программы, способной объединить сколько-нибудь значительные круги торгово-промышленной буржуазіи и отвлечь ихъ отъ единственной стоящей передъ ними національной задачи—политическаго раскрѣпощенія Россіи и достиженія ими политической власти. Отдѣльные идеологи, типа Струве, могутъ, конечно, забѣгая впередъ историческаго развитія, бряцать шпорами и усиленно подчеркивать „національныя" и „государственныя" задачи буржуазіи, которыя объективно встанутъ передъ ней лишь при дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи и достиженіи ею политической

власти, но успѣха серьезнаго имѣть они въ этой области не будутъ *). Иное дѣло — область внутренней политики. Здѣсь на почвѣ наростающаго общественнаго подъема, въ атмосферѣ борьбы классовъ, будетъ вестись борьба нашей *самоопредѣляющейся буржуазіи за власть.*

Борьба эта можетъ окончиться либо тѣмъ, что правительство вынуждено будетъ пойти на тотъ или иной компромиссъ съ буржуазіей, либо уступить ей свое мѣсто въ результатѣ общественнаго переворота. Это историческое неизбѣжное будущее чувствуется въ нѣкоторыхъ рѣчахъ прогрессистовъ и во многихъ статьяхъ „Русской Молвы", съ самаго начала взявшей увѣренный и рѣшительный тонъ, столь не свойственный нашему прежнему либерализму.

Ни одна изъ буржуазныхъ газетъ не критикуетъ такъ рѣзко текущую правительственную политику, какъ газета, вздыхающая о компромиссѣ съ этимъ самымъ правительствомъ. Такъ „Р. Молва" была первой изъ буржуазныхъ газетъ, которая подняла энергичную кампанію въ пользу амнистіи. Она же настойчиво твердитъ изо дня въ день правительству и промышленникамъ о необходимости свободы рабочихъ организацій и стачекъ.

По поводу забастовки въ день 9 января газета писала въ статьѣ, за которую редакторъ былъ приговоренъ къ 3-хъ мѣсячному аресту безъ замѣны штрафомъ.

„Пока въ странѣ не будетъ свободы собраній и свободы союзной организаціи, политическія забастовки не перестанутъ возникать со стихійной силой, внося разстройство въ промышленную жизнь и обостряя и безъ того острую классовую борьбу". Ту же точку зрѣнія развила газета по поводу послѣдней стачки на Путиловскомъ заводѣ.

Эта рѣзкость позиціи и смѣлость тона объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что газета чувствуетъ свою связь, пусть пока еще идеологическую, съ классомъ, который завтра призванъ исторіей стать господиномъ положенія.

Можетъ показаться страннымъ энергичное отстаиваніе „Русск. Молвой", этимъ специфическимъ буржуазнымъ органомъ, связаннымъ съ промышленниками, свободы рабочей коалиціи и организаціи. И именно въ то самое время, когда практическіе представители торгово-промышленной буржуазіи коллективно вырабатываютъ въ лицѣ обществъ фабрикантовъ и заводчиковъ мѣры борьбы съ политическими стачками, когда организація петербургскихъ промышленниковъ хлопочетъ передъ администраціей о неразрѣшеніи профессіональнаго союза рабочихъ металлистовъ.

Но это противорѣчіе только кажущееся. Во-первыхъ „Русская Молва"—и этого не надо забывать—представляетъ собой пока только идеологію класса, далеко не всегда совпадающую съ повседневными интересами его представителей; она въ лучшемъ случаѣ представляетъ изъ себя завтрашній день нашей торгово-промышленной буржуазіи,

*) Нельзя не отмѣтить, что, въ то время, какъ земскіе и интеллигентскіе элементы прогрессистовъ усиленно проявляли свой патріотизмъ и славянофильство во время балканской войны, промышленная часть этой партіи ничѣмъ не обнаружила своего интереса къ вопросамъ великодержавной внѣшней политики и освобожденія братьевъ-славянъ.

ибо она отстаиваетъ, какъ всякіе идеологи, общіе интересы класса капиталистовъ, до которыхъ въ каждый данный моментъ еще не доросли массы его членовъ. Во-вторыхъ, извѣстная, пусть пока еще небольшая, наиболѣе культурная часть нашихъ промышленниковъ уже теперь пришла къ заключенію, что свобода стачекъ и организацій болѣе гарантируетъ промышленниковъ отъ убытковъ и потерь, чѣмъ стихійное и скачкообразное стачечное движеніе, неизбѣжное при отсутствіи у рабочихъ легальныхъ правъ организаціи и коалиціи. Эту позицію мы видѣли и въ думской рѣчи Коновалова, ее съ горячностью доказываетъ и редакція „Русской Молвы".

Нельзя упускать изъ виду того вліянія, какое должны оказывать на психологію промышленниковъ и ихъ идеологію частыя въ послѣднее время политическія стачки, вызываемыя преслѣдованіями рабочаго движенія. При всемъ своемъ враждебномъ отношеніи къ свободѣ рабочей коалиціи, не одинъ промышленникъ долженъ стать на позицію Коновалова и „Рус. Молвы", признавъ, что правительство безсильно успокоить репрессіей стачечное движеніе, которое будетъ все усиливаться по малѣйшимъ политическимъ поводамъ и тормазить всю экономическую жизнь.

Этимъ конфликтомъ между соціальнымъ движеніемъ пролетаріата и препятствующимъ его развитію политическимъ режимомъ, конфликтомъ, отражающимся замѣшательствомъ всей нашей экономической жизни и прежде всего на экономическихъ интересахъ буржуазіи, объясняется противорѣчіе между принципіальнымъ отношеніемъ нашей буржуазіи къ свободѣ коалиціи, о которой мы говорили въ связи съ конференціей прогрессистовъ и отстаиваніемъ ея на *практикѣ* нѣкоторою частью промышленниковъ и ихъ идеологами. Послѣдніе не могутъ не сознавать роли классового движенія пролетаріата въ достиженіи политич. власти. И это заставляетъ ихъ терпимѣе относиться къ борьбѣ рабочаго класса за право своей организаціи, за свободу стачекъ. Не *противъ* своихъ экономическихъ интересовъ, а *во имя* ихъ и въ интересахъ скорѣйшаго осуществленія своихъ политическихъ домогательствъ, наша самоопредѣляющаяся буржуазія будетъ, подъ давленіемъ организованнаго рабочаго движенія, вынуждаться, если не къ активной поддержкѣ, то къ нейтралитету, въ борьбѣ русскаго пролетаріата за свободу коалиціи и другія классовыя требованія.

Русская торгово-промышленная буржуазія, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ въ статьѣ фактовъ, политически организуется, укрѣпляя свои позиціи въ борьбѣ съ правительствомъ за возможность свободнаго развитія производительныхъ силъ страны. Эта самоопредѣляющаяся буржуазія—непосредственный классовой противникъ пролетаріата. Въ борьбѣ этого своего противника съ правительствомъ за власть и въ результатахъ ея пролетаріатъ кровно заинтересованъ. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, какъ будетъ протекать эта борьба, такъ какъ отъ того или иного ея исхода во многихъ отношеніяхъ зависитъ его собственная судьба. Онъ долженъ вмѣшаться въ эту историческую тяжбу двухъ своихъ противниковъ въ своихъ интересахъ, какъ самостоятельная политическая сила, чтобы бросить на чашку вѣсовъ все свое могущество, всю свою готовность отстоять въ этой борьбѣ свои требованія.

Поэтому политической организаціи буржуазіи должна быть противопоставлена политическая организація пролетаріата, идущая за ней по пятамъ и произносящая свое высокое слово тамъ, гдѣ двумя его классовыми противниками будутъ дѣлаться попытки рѣшить судьбу пролетаріата безъ его участія. Политическая организація буржуазіи должна служить лишнимъ понудительнымъ толчкомъ къ политической организаціи пролетаріата.

В. Левицкій.

„Дѣло свободы и культуры".

„Думаю, молодежь согласится со мной, что дѣло свободы и культуры получаетъ могущественный толчокъ отъ совершающихся на Балканахъ событій" — такъ писалъ недавно П. Милюковъ, призывая къ участію въ реакціонной затѣѣ „дня славянскихъ флаговъ" *). „Дѣло свободы и культуры"—подъ этимъ лозунгомъ русскіе либералы всѣхъ оттѣнковъ развивали интенсивную шовинистическую агитацію, не останавливаясь передъ всенароднымъ выраженіемъ своего довѣрія русской оффиціальной дипломатіи. Присмотримся поближе къ этой хваленой „свободѣ и культурѣ", которую несутъ съ собою балканскіе завоеватели. Истинная сущность ея теперь достаточно уже выяснилась.

Съ легкой руки буржуазныхъ политиковъ, о балканской войнѣ составилось представленіе какъ о борьбѣ „освободительной" по преимуществу, и раздѣлъ Европейской Турціи сталъ разсматриваться не только какъ неизбѣжный результатъ побѣдъ союзнаго оружія, но и какъ единственно возможный и „справедливый" способъ „освобожденія" балканскихъ славянъ. Чтобы закрѣпить этотъ взглядъ и оправдать территоріальныя притязанія балканскихъ союзниковъ, пущено было въ обращеніе завѣдомо невѣрное изображеніе турецко-славянскихъ отношеній въ европейскихъ провинціяхъ Турціи. Если послушать нашихъ славянофильствующихъ шовинистовъ, то выходитъ, что подавляющее большинство жителей въ Европейской Турціи состоитъ изъ славянъ—болгаръ и сербовъ и что все турецкое населеніе сводится тамъ чуть ли не къ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ помѣщиковъ-мусульманъ, держащихъ въ порабощеніи все остальное, иноплеменное и иновѣрное, населеніе: наверху кучка турецкихъ завоевателей магометанской вѣры, внизу милліонныя массы славянскаго и христіанскаго крестьянства; соціальныя противоположности являются въ то же время противоположностями національными и религіозными.

Эта картина весьма далека отъ дѣйствительности. Начать съ того, что на Балканахъ живетъ отъ 4 до 5 милліоновъ турокъ **). Если мы далѣе обратимся къ провинціямъ, оккупированнымъ балканскими союзниками, то мы увидимъ, что большинство населенія въ

---

*). „Рѣчь" № 338. 1912 г.

**) Во столько исчисляется турецкое населеніе Балканскаго полуострова въ отчетѣ центр. комитета с.-д. партіи Болгаріи, напечатанномъ въ недавно вышедшемъ 2-мъ приложеніи къ № 9 „Бюллетеня" Межд. Соц. Бюро.

IV-й годъ изданія

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

А. КОЛЛОНТАЙ. Женское рабочее движеніе.

Н. ГАР—ВИ. Начало локаутной эпидеміи.

В. АБРОСИМОВЪ. Къ итогамъ рабочаго движенія 1912 г.

Л. С. Среди журналовъ.

Вхутрежжее обозрѣжіе.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Курсъ остается твердымъ...

Жностражжое обозрѣжіе.

МИХ. ПАВЛОВИЧЪ (Волонтеръ). Балканскій полуостровъ и соціальныя перспективы Балканской войны.

Ж. ТОПАЛОВИЧЪ и ЛАПЧЕВИЧЪ. Историческое развитіе соціалдемократіи въ Сербіи.

ПЕТРЪ П. Письма изъ Англіи: Политическія теченія современной Англіи.

Библіографія и Новыя книги.

Объявленія.

№ 2. СПБ. 1913. Ц. 30 к.

Оглавленіе.

Стр.

А. Коллонтай. Женское рабочее движеніе 3

Н. Гар—ви. Начало локаутной эпидеміи. 17

В. Абросимовъ. Къ итогамъ рабочаго движенія 1912 г. . . . 26

Л. С. Среди журналовъ 30

Внутреннее обозрѣніе.

Н. Череванинъ. Курсъ остается твердымъ... 37

Иностранное обозрѣніе.

Мих. Павловичъ (Волонтеръ) Балканскій полуостровъ и соціальныя перспективы Балканской войны. 47

Ж. Топаловичъ и Лапчевичъ. Историческое развитіе соціалдемократіи въ Сербіи. 00

Петръ П. Письма изъ Англіи: Политическія теченія современной Англіи 00

Библіографія и Новыя книги.

Объявленія.

IV-й годъ изданія

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

К. РЕННЕРЪ. Къ 30-лѣтію смерти К. Маркса.

ЕВГ. МАЕВСКІЙ. Безъ выхода (памяти В. Гаршина).

М. НАХИМСОНЪ. Новѣйшія тенденціи въ развитіи капитализма.

В. МАЙСКІЙ. Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія на Западѣ ст. III.

КОМАРОВЪ. Изъ жизни рабочихъ.

Л. СѢДОВЪ. Среди журналовъ.

В. ЛЕВИЦКІЙ. Изъ иностранной соціалистической печати.

Иностранное обозрѣніе.

М. Н—А. Борьба за юношество въ Германіи.

Внутреннее обозрѣніе.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Развалъ въ правительственномъ лагерѣ.

М. Б—ВЪ. Законъ и циркуляръ въ дѣлѣ страхованія.

Объявленія.

№ 3. СПБ. 1913 г. Ц. 30 к.

Оглавленіе.

	стр.
К Реннеръ. Къ 30-лѣтію смерти Маркса	3
Евг. Маевскій. Безъ выхода (памяти В. Гаршина).	10
М. Нахимсонъ. Новѣйшія тенденціи въ развитіи капитализма	16
В. Майскій. Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія на Западѣ ст. III.	32
Комаровъ. Изъ жизни рабочихъ	41
Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ.	44
В. Левицкій. Изъ иностранной соціалистической печати . . .	53
Иностранное обозрѣніе.	
М. Н—а. Борьба за юношество въ Германіи.	59
Внутреннее обозрѣніе.	
Н. Череванинъ. Развалъ въ правительственномъ лагерѣ. . .	67
М. Б—въ. Законъ и циркуляръ въ дѣлѣ страхованія. . . .	76
Объявленія.	

Отъ редакціи.

Статья Горской „Карлъ Марксъ и религія“ по техническимъ условіямъ откладывается до апрѣльской книжки.

Въ статьѣ **Н. Гар-ва „Начало локаутной эпидеміи“** „Н. З.“ 1913 № 2 просятъ исправить слѣд. опечатки:

напечатано:	слѣдуетъ:
на стр. 17 сверху 15-ая строка—хозяйскихъ	другихъ
на стр. 17 снизу 3-ья строка—обыкновенныхъ	объективныхъ
на стр. 19 снизу 19-ая строка—въ условіяхъ	во время
на стр. 19 сверху 23-ая строка—конкурренцію	взаимную конкурренцію
на стр. 21 снизу 12-ая строка—мнимой	лишней
на стр. 23 снизу 19-ая строка—обязалась	отказалась
на стр. 24 снизу 20-ая строка—послѣдняго	постыднаго
на стр. 25 сверху 17-ая строка—приведшей	приведшее

Редакторъ И. Н. Слюзинъ.
Издатель Ф. С. Станилевичъ.

IV ГОДЪ ИЗДАН

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. О—СЪ. Н. Марксъ и религія.

А. МИХАЙЛОВЪ. Къ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія.

Н. ГАРВИ. Лѣтопись рабочаго движенія.

С. ШВАРЦЪ. Страховая рабочая кампанія въ С.-Петербургѣ.

А. МАРТЫНОВЪ. Отъ Мая къ Маю.

А. Н. ПОТРЕСОВЪ-СТАРОВѢРЪ. Въ тискахъ своего прошлаго. (О Плехановѣ).

В. ЛЕВИЦКІЙ. Годъ борьбы.

Л. СѢДОВЪ. Среди журналовъ. Капиталъ и пресса

А. ПОТРЕСОВЪ. Критическіе наброски.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

ПЕТРЪ П. Письма изъ Англіи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Разложеніе реакціи.

ВИТАЛІЙ. Двѣ демонстраціи.

Евг. МАЕВСКІЙ. Реакція и печать.

Л. Щ—ВА П. В. Краснуха.

Списокъ полученныхъ для отзыва книгъ.

Списокъ пожертвованій.

Объявленія.

№ 4—5. СПБ. 1913. Ц. 45 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Л. О—съ. Карлъ Марксъ и религія 3
А. Михайловъ. Къ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія 11
Н. Гарви. Лѣтопись рабочаго движенія 15
С. Шварцъ. Страховая рабочая кампанія въ Спб. . 26
А. Мартыновъ. Отъ Мая къ Маю 34
А. Н. Потресовъ-Старовѣръ. Въ тискахъ своего прошлаго (О Плехановѣ) 39
В. Левицкій. Годъ борьбы 50
Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ: Капиталъ и пресса . 57
А. Потресовъ. Критическіе наброски 63

Иностранное обозрѣніе.

Петръ П. Письма изъ Англіи 69

Политическое обозрѣніе:

Н. Черевонинъ. Кризисъ реакціи 74
Виталій. Двѣ демонстраціи 79
Евг. Маевскій. Реакція и печать 88
Л. Щ—ва. В. П. Краснуха 97
Списокъ полученныхъ для отзыва книгъ 98
Списокъ пожертвованій 99
Объявленія.

Редакторъ **И. Н. Слюзинъ.**
Издатель **Ф. С. Станилевичъ.**

„Коммерческая Типографія", Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Л. О—съ. Карлъ Марксъ и религія 3
А. Михайловъ. Къ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія 11
Н. Гарви. Лѣтопись рабочаго движенія 15
С. Шварцъ. Страховая рабочая кампанія въ Спб. . 26
А. Мартыновъ. Отъ Мая къ Маю 34
А. Н. Потресовъ-Старовѣръ. Въ тискахъ своего прошлаго (О Плехановѣ) 39
В. Левицкій. Годъ борьбы 50
Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ: Капиталъ и пресса . 57
А. Потресовъ. Критическіе наброски 63

Иностранное обозрѣніе.

Петръ П. Письма изъ Англіи 69

Политическое обозрѣніе:

Н. Черевонинъ. Кризисъ реакціи 74
Виталій. Двѣ демонстраціи 79
Евг. Маевскій. Реакція и печать 88
Л. Щ—ва. В. П. Краснуха 97
Списокъ полученныхъ для отзыва книгъ 98
Списокъ пожертвованій 99
Объявленія.

Редакторъ **И. Н. Слюзинъ.**
Издатель **Ф. С. Станилевичъ.**

„Коммерческая Типографія", Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

Въ тискахъ своего прошлаго.

(О Плехановѣ).

Прижатый къ стѣнѣ своими собственными утвержденіями прежнихъ лѣтъ, извлеченными мною изъ полузабытаго, а многимъ, къ сожалѣнію, и совершенно неизвѣстнаго прошлаго, Плехановъ, естественно, предпочиталъ молчать, пока молчать было можно. Но увы! Не всегда возможно отыграться молчаніемъ. Бываютъ, очевидно, моменты, когда общественное мнѣніе заставляетъ—хочешь, не хочешь—говорить, и тогда, что же удивительнаго, что прижатый къ стѣнѣ изображаетъ собою непривлекательную фигуру человѣка, который видимо для всѣхъ вывертывается, замѣтаетъ слѣды и громоздитъ неправду на неправду. Что именно въ такомъ—несомнѣнно, непріятномъ для него—положеніи оказался Плехановъ, я и хочу показать и доказать настоящей статьей.

Я не буду поэтому уклоняться отъ темы. Не буду касаться, напр., тѣхъ военныхъ сравненій Плеханова, на которыя я въ свое время уже далъ надлежащій отвѣтъ *) и которыя совсѣмъ на-дняхъ были оцѣнены по достоинству въ прекрасной статьѣ А. Мовича (въ № 112 „Луча“). Не буду и вообще говорить объ его полемической „беллетристикѣ“. Свой окончательный разговоръ съ нимъ я поведу на судѣ, который—я надѣюсь—организуется представителями международнаго соціализма и положитъ, наконецъ, предѣлъ разврату, вносимому Плехановымъ въ россійскую соціалъ-демократію. И если Плехановъ, квалифицируя меньшевиковъ-„ликвидаторовъ“, какъ измѣнниковъ, тѣмъ не менѣе, съ этими своими обвиненіями не направляется въ судъ, если онъ на опредѣленіе его дѣйствій безчестными, находитъ болѣе удобнымъ для себя не реагировать, то мы хотимъ, чтобы наше мнѣніе объ его пріемахъ борьбы съ меньшевиками-„ликвидаторами“ не осталось однимъ нашимъ мнѣніемъ, чтобы оно нашло себѣ подтвержденіе въ приговорѣ авторитетнаго суда.

Итакъ, я сознательно ограничиваю рамки настоящей статьи, но за то въ этихъ рамкахъ я шагъ за шагомъ прослѣжу всѣ увертки и всѣ фактическія неправды Плеханова.

Начнемъ по порядку.

I.

Мое первое утвержденіе гласило: *Плехановъ говорилъ, что соц.-дем. раб. партіи, какъ организаціи, въ Россіи нѣтъ, а есть пока только соц.-дем. интеллигенція.*

„Неправда“—возражаетъ Плехановъ. Онъ „говорилъ совсѣмъ не то“. И въ подтвержденіе приводитъ изъ той же цитированной мною статьи нижеслѣдующую выдержку:

„Россійская соц.-дем. называетъ себя *рабочей* партіей. И это не самозванство съ ея стороны. Она, несомнѣнно, рабочая партія въ томъ смыслѣ, что она

---

*) См. „Н. Заря“, № 10 за 1910 г., ст. „О Плехановѣ“, стр. 87 и слѣд.

стоитъ на точкѣ зрѣнія интересовъ рабочаго класса и защищаетъ эти интересы какъ можетъ и какъ умѣетъ. Но если бы насъ спросили, какую роль играютъ *рабочіе* въ ея внутренней жизни, то мы, не желая скрывать истину, отвѣтили бы: *почти никакой*. Главнымъ вершителемъ являлась до сихъ поръ такъ называемая интеллигенція".

И Плехановъ поясняетъ:

„Кажется, ясно: я вовсе не говорилъ что „соціалъ-демократической рабоч. партіи, какъ организаціи, въ Россіи нѣтъ, а есть только интеллигенція". Я говорилъ, что оттѣсненные на задній планъ интеллигенціей рабочіе, къ сожалѣнію, не играютъ почти никакой роли во внутренней жизни партіи, т. е. именно въ ея организаціи".

Кажется, ясно?—Нѣтъ, совершенно не ясно. Или, вѣрнѣе, ясно совсѣмъ другое.

Ибо одно дѣло сказать: есть соціалъ-демократія въ смыслѣ идейнаго представительства интересовъ рабочаго класса, и другое—есть соц.-дем. рабочая партія, *какъ организація, есть организованная* пролетарская партія.

Не въ томъ дѣло, была или нѣтъ соц.-д-тія рабочею партіей въ этомъ условномъ значеніи слова (идейное представительство), а въ томъ, что она—по мнѣнію Плеханова 1905 года—была не организованнымъ соц.-дем. пролетаріатомъ, а организованной соц.-дем. интеллигенціей.

И въ качествѣ таковой *она не могла строить партіи. Это чернымъ по бѣлому значится въ этой самой статьѣ, изъ которой Плехановъ беретъ свою выдержку*. Тамъ, вѣдь, прямо говорится, что существующая организація, составленная изъ „профессіональныхъ революціонеровъ изъ интеллигентской среды" является *„столь же утопичной попыткой"*—„построить" партію, „какъ была бы утопична—подлинныя слова Плеханова—мысль, построить изъ сыпучаго песку нѣчто подобное Эйфелевой башнѣ".

И это сравненіе с.-д. интеллигенціи съ „сыпучимъ пескомъ" такъ нравилось Плеханову, что онъ къ нему не разъ возвращался. Такъ совершенно недвусмысленно онъ назвалъ организаціонное строительство с.-д-тіи того времени не чѣмъ либо другимъ, какъ „затѣей",—„построить изъ интеллигентскаго песку россійскую с.-д. рабочую партію" (стр. 48 его „Дневника" № 9).

Эта „затѣя" привела—по словамъ Плеханова—къ тому, что

„Со времени нашего второго съѣзда, дезорганизаторская дѣятельность росс. с.-д. интеллигенціи совершалась подъ знаменемъ—организаціи".

Кажется, ясно—скажемъ мы въ свою очередъ. Такъ ясно, что никакое искусство фехтовальщика не въ силахъ измѣнить непререкаемый смыслъ этихъ обойденныхъ Плехановымъ цитатъ. Какъ не существуетъ Эйфелевой башни изъ сыпучаго песку, такъ нѣтъ въ наличности и организованной партіи, пока *организацію* составляетъ интеллигенція.

Отъ этого совершенно очевиднаго смысла своихъ прежнихъ положеній Плеханову не отвертѣться, какъ бы ему этого не хотѣлось въ настоящее время. Онъ можетъ до поры до времени только отмалчиваться, прикрывая свое молчаніе по самымъ существеннымъ пунктамъ обвиненія разговорами о вещахъ, не относящихся къ дѣлу...

Пойдемъ далѣе.—Существуетъ же, однако,—какъ ни какъ,—организація?

— Да, существуетъ,—отвѣчалъ Плехановъ 1905 года. Но существуетъ организація, созданная интеллигенціей, организація кружковъ,—

„кружковой среды". Кружковая же среда имѣетъ свои особенности; она—по мнѣнію Плеханова (см. дальнѣйшія выписки),—представляетъ собою особый *типъ, отличный отъ типа партійной организаціи пролетаріата.*

II.

Отсюда непосредственный переходъ къ тезису, который я въ своей статьѣ формулировалъ такъ:

„Плехановъ разсматривалъ старыя формы партійной организаціи, т. е. старое подполье,—какъ игрушки, непригодныя для политической работы взрослыхъ людей".

Этотъ тезисъ такъ неоспоримо слѣдуетъ изъ того текста старой статьи Плеханова, который я приводилъ въ прошлый разъ и который сейчасъ для наглядности перепечатываю въ примѣчаніи *), что и Плехановъ, при всей своей безграничной смѣлости, не рѣшается его въ цѣломъ оспаривать.

Онъ только—хочетъ его, по мѣрѣ силъ и ловкости рукъ обезвредить; вытравить изъ него ту часть его содержанія, которая теперь особенно для него непріятна.

Да, подтверждаетъ Плехановъ. Старыя формы партійной организаціи онъ, дѣйствительно, разсматривалъ такъ, какъ говоритъ мой тезисъ. Но прибавляетъ: „Преимущественно потому, что рабочіе оттѣснялись въ этихъ формахъ на задній планъ „интеллигентами", пользовавшимися своимъ привелигированнымъ положеніемъ въ партіи для того, чтобы вести безконечныя фракціонныя распри".

Когда я читалъ эти строки, то мнѣ казалось, что я вижу Плеханова возвращающимся если не къ игрушкамъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ моемъ тезисѣ, то во всякомъ случаѣ къ той дѣтской игрѣ, которая называется прятками. Плехановъ „прячется", или лучше—прячетъ отъ рабочихъ-читателей свою собственную тѣнь 1905 года.

Онъ думаетъ: если вниманіе читателя сосредоточить на мысли, что рабочіе оттѣснялись интеллигентами, а господство интеллигентовъ вело къ фракціонной грызнѣ, то за этою мыслью забудется то положеніе его старой статьи, что *типъ организаціи опредѣлялся интеллигенціей, что пролетаріату этотъ типъ не соотвѣтствуетъ, что пролетаріатъ находится въ процессѣ исканія себѣ подходящаго типа.* Что, стало быть,

*) Вотъ точныя слова Плеханова:

„Къ счастью, писалъ Плехановъ, движеніе рабочей массы уже не укладывается въ узкія рамки созданной интеллигенціей партійной организаціи; эти узкія рамки трещатъ и ломаются со всѣхъ сторонъ и „интеллигентные" руководители, еще не далѣе, какъ вчера, считавшіе рабочихъ недостаточно зрѣлыми для вступленія въ святилище „комитетовъ", начинаютъ сознавать, что старые типы революціонныхъ организацій такъ же мало соотвѣтствуютъ революціоннымъ потребностямъ нынѣшняго времени, какъ мало соотвѣтствовали бы игрушечныя лопаты, грабли и вилы земледѣльческимъ нуждамъ взрослаго крестьянина. Теперь самъ пролетаріатъ, правда, пока еще только какъ бы ощупью, старается найти подходящія для него организаціонныя формы, ломая сдерживающія его полицейскія рогатки и создавая открытые союзы".

И далѣе:

„Въ этой сторонѣ (т. е. въ открытыхъ союзахъ) и лежитъ широкая область нашего будущаго: „интеллигентныя" организаціи съ ихъ „центромъ" и „периферіями", съ ихъ маленькими „героями", съ ихъ игрушечными „толпами" отходятъ въ область отживающаго прошлаго, и какъ ни плохо идутъ подчасъ дѣла въ этихъ организаціяхъ... но унывать намъ все-таки нѣтъ основанія".

недостаточно просто взять старую форму, да поубрать изъ нея интеллигентовъ, да насадить въ нее рабочихъ, чтобы затѣмъ „форма“ процвѣла и настало партійное благополучіе. Нѣтъ, одинъ типъ организаціи долженъ смѣниться другимъ. И уже идетъ „ломка“ стараго типа: „рамки“—„узкія рамки созданной интеллигенціей партійной организаціи“ „трещатъ и ломаются со всѣхъ сторонъ“ и пролетаріатъ, стараясь выработать новый типъ организаціи, находитъ его за предѣлами традиціонныхъ комитетовъ,—„создаетъ“ „открытые союзы“.

Такимъ образомъ, Плехановъ 1905 г. не только не смущался тѣмъ, что пролетаріатъ создавалъ „открытые союзы“ внѣ рамокъ „комитетской іерархіи“, не только за то не объявлялъ этотъ пролетаріатъ стоящимъ внѣ партіи, а наоборотъ—видѣлъ исходъ въ этихъ „союзахъ“.

III.

Такъ мы подошли къ тому тезису моей статьи, который гласитъ: *Плехановъ видѣлъ неизбѣжность ломки—исчезновеніе этихъ старыхъ формъ: онъ видѣлъ спасеніе с.-д.-тіи въ „открытыхъ союзахъ“, т.-е. въ борьбѣ за открытое существованіе партіи.*

Но прежде, чѣмъ о немъ говорить, и отчасти въ связи съ этимъ тезисомъ, я хочу зарегистрировать, въ числѣ многихъ другихъ, одинъ „пріемъ“ Плеханова. Онъ позволяетъ себѣ говорить о „методѣ подстановки“, къ которому Потресовъ, де, прибѣгаетъ.

Я будто бы не имѣлъ права приравнивать старыя формы партійной организаціи къ „старому подполью“, я не долженъ былъ утверждать, что Плехановъ разсматривалъ старыя формы, т.-е. „старое подполье“, какъ негодныя игрушки.

„Во первыхъ,—заявляетъ Плехановъ,—о „подпольѣ“ у меня не было и рѣчи. Во вторыхъ, иное дѣло быть недовольнымъ „старымъ подпольемъ“, а иное дѣло кричать: „не надо подполья, бѣгите изъ него вонъ!“ И добавляетъ: „Неужели г-нъ Потресовъ надѣялся, что его читатели не замѣтятъ этой разницы?“

Неужели,—спрошу я, съ своей стороны,—Плехановъ полагалъ, что ему сойдетъ съ рукъ это „художество?“ Что онъ нами не будетъ тотчасъ же изобличенъ?

Рѣчь будто бы шла не о подпольѣ?

А о чемъ же—позвольте спросить?

Рѣчь именно шла о „подпольѣ“ и притомъ—о единственно реально существовавшемъ видѣ подполья, о томъ, что Плехановъ въ статьѣ своей называлъ *„старыми типами революціонныхъ организацій“*. Этимъ „типамъ“—тѣмъ „интеллигентнымъ организаціямъ“, которыя—по мнѣнію Плеханова—представляли негодную „затѣю“ построить партію—онъ противополагалъ новыя для пролетаріата „подходящія“ „организаціонныя формы“, которыя онъ ближе опредѣлялъ именемъ „открытыхъ союзовъ“.

Такъ это или не такъ?—Пусть посмѣетъ Плехановъ оспорить этотъ, не подлежащій оспариванію *фактъ* изъ его старой статьи.

Пусть посмѣетъ оспорить, что и въ другихъ своихъ работахъ онъ не менѣе рѣшительно заявлялъ о совершенной непригодности подполья для задачъ пролетарскаго движенія—пролетарской партіи.

Пусть попытается отречься хотя бы отъ своего заявленія, еще недавно цитированнаго въ „Лучѣ“, что

... „Чѣмъ дальше мы будемъ оставаться въ заговорщицкомъ *подпольѣ*, тѣмъ дальше будетъ уходить отъ насъ возможность добиться гегемоніи въ нынѣшней нашей освободительной борьбѣ. А не добившись такой гегемоніи, мы вынуждены будемъ играть второстепенную, подчиненную роль... будемъ попадать подъ вліяніе оппозиціонной буржуазіи... Избѣжать этого можно только *однимъ путемъ*, путемъ *открытаго* политическаго дѣйствія во главѣ *широкой массы* и вмѣстѣ съ *широкой массой*".

Впрочемъ, Плехановъ и самъ, конечно, чувствуетъ, что онъ не твердо стоитъ на своемъ изумительномъ утвержденіи, что у него рѣчь шла не о подпольѣ.

Ибо онъ сейчасъ же затѣмъ считаетъ нужнымъ прибавить, что вѣдь „иное дѣло быть недовольнымъ „старымъ подпольемъ", а иное дѣло кричать: не надо подполья, бѣгите изъ него вонъ!"

Хорошо! Но кто же, не взирая на обстоятельства времени и мѣста, занимается подобнымъ крикомъ, кто говоритъ, что *при всякихъ условіяхъ* соціалъ-демократія можетъ обойтись безъ нелегальныхъ формъ организаціи?

Можетъ быть я! Вѣдь, кажется я слыву однимъ изъ наиболѣе злокозненныхъ, наиболѣе крайнихъ „ликвидаторовъ"?

Такъ не потрудится-ли Плехановъ указать своимъ читателямъ-рабочимъ, хотя бы въ *одной* изъ моихъ статей, хотя бы *одинъ намекъ* на такое утвержденіе?

А утвержденіе противоположное я сейчасъ приведу.

Утвержденіе—хорошо извѣстное Плеханову, ибо я сдѣлалъ его въ одномъ своемъ произведеніи, направленномъ противъ Плеханова.

Вотъ, что я писалъ еще въ началѣ 1910 г., т. е. одновременно съ той моей статьей въ „Нашей Зарѣ" („О томъ, почему пустяки одолѣли"), съ которой, говорятъ, чуть ли не ведетъ свое лѣтосчисленіе „измѣна:"

Для читателя еще нѣсколько словъ въ заключеніе—о моемъ будто бы „легализмѣ". Я, дѣйствительно, придаю громадное значеніе тому, что можно бы назвать борьбою за открытое существованіе соціалъ-демократіи. Я, дѣйствительно, знаю, какую громадную и во многомъ отрицательную роль сыграло въ развитіи русской соціалъ-демократіи подполье, ибо подполье—при нашихъ условіяхъ историческаго развитія—закрѣпило интеллигентско-кружковый характеръ соціалъ-демократической организаціи. Ибо, благодаря подпольному существованію, затягивался процессъ вовлеченія пролетаріата въ соціалъ-демократическіе ряды, и поддерживалась та его пассивность, на основѣ которой только и могли расцвѣтать многія специфическія, я бы сказалъ „истинно-русскія" особенности нашего соціалъ-демократическаго развитія.

„Но условія общественнаго развитія не выбираются, а даются ходомъ исторіи, и, конечно, *ни одному здравомыслящему представителю международной соціалъ-демократіи не пришло бы въ голову оспаривать необходимость и цѣлесообразность того нелегальнаго аппарата, которымъ располагала Германская соціалъ-демократія во время исключительнаго закона противъ соціалистовъ.*

Вообще же мнѣ думается: соціалъ-демократу не пристало быть ни фетишистомъ (слѣпымъ поклонникомъ) легализма, ни фетишистомъ нелегальщины. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста—какъ любилъ повторять Чернышевскій и какъ вслѣдъ за нимъ намъ твердилъ столько лѣтъ Плехановъ.

Вотъ именно. Сегодня хорошо одно, а завтра, быть можетъ, другое, а послѣ завтра—оба вмѣстѣ. Это вопросъ факта, вопросъ практической цѣлесообразности, но отнюдь не принципа?

Неправда ли, какъ это похоже, читатель, на огульное отрицаніе нелегальныхъ формъ организаціи?

Но, вѣдь, меньшевики-„ликвидаторы" не ограничились этимъ и ему подобными заявленіями. Они прекрасно понимали; что въ 1910 году гораздо труднѣе говорить о борьбѣ за открытое существованіе партіи, чѣмъ то было въ 1905 году. Но съ одной стороны, они пола-

гали, что большая трудность призываетъ только къ большимъ усиліямъ надъ преодолѣніемъ этой трудности, а съ другой—возросшія преслѣдованія режима 3-го іюня имѣютъ всѣ шансы вогнать соціалъ-демократію именно въ „старое подполье“, со всѣми унаслѣдованными прелестями, со всей кружковщиной, фракціонной грызней и непригодностью къ соц.-дем. работѣ.

Поэтому, я, напримѣръ, тогда же, имѣя эту печальную возможность въ виду, предостерегалъ соціалъ-демократію отъ вѣроятнаго повторенія прежнихъ ошибокъ.

Я писалъ:

... „Если, дѣйствительно, вѣрно, что для ближайшаго будущаго историческая дѣятельность соціалъ-демократіи окажется локализованной въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ (т. е. въ „подпольѣ“ А. П.), то отсюда первое, что съ неизбѣжностью слѣдуетъ, это отвѣтъ во что бы то ни стало на вопросъ о томъ, какъ бороться съ гиблыми свойствами своего подневольнаго мѣстожительства, что можно и нужно предпринять, чтобы возможная локализированность не повторила въ исправленномъ и дополненномъ изданіи той старой „кружковщины“, которая, по мнѣнію прежняго Плеханова, была органически неприспособлена для организаціоннаго творчества соціалъ-демократіи? *).

Поэтому, и всѣ меньшевики-„ликвидаторы“, тѣмъ съ большею силою настаивали на приноровленіи нелегальнаго аппарата къ задачамъ и нуждамъ борьбы за открытое существованіе партіи. Они именно въ приноровленіи къ этой борьбѣ видѣли ту необходимую поправку, которая можетъ предохранить нелегальныя формы организаціи отъ вырожденія въ „старое подполье“, отъ ихъ попятнаго развитія.

За это, за призывъ къ открытой борьбѣ, за то, что они въ *самое* тяжелое время реакціи считали своей соціалъ-демократической обязанностью, „ломая сдерживающія пролетаріатъ полицейскія рогатки, создавать открытые союзы“ (помните прежняго Плеханова!), за то, что они приглашали отстаивать каждую пядь завоеванной у непріятеля территоріи, что пытались и дальше двигаться на этой территоріи, которая зовется легальной дѣятельностью, за все это Плехановъ счелъ умѣстнымъ подставить имъ „октябристское“ пониманіе „открытаго существованія партіи“, что-то въ родѣ представленія о возможности легализаціи соціалъ-демократической партіи въ министерство Столыпина, Макарова или Маклакова—вѣроятно, съ соотвѣтствующей „реформой“ программы! Продѣлавъ же эту операцію, ему уже не стоило труда обозвать ихъ „соціалъ-демократическими октябристами“ и дураками, которые на похоронахъ пляшутъ въ присядку.

Нечего сказать: побѣда! Побѣда при содѣйствіи того самаго „метода подстановки“, въ которомъ онъ имѣетъ еще дерзость заподозривать другихъ!..

Какъ бы то ни было, однако, но тезисъ моей статьи, приведенный выше, остается ни въ малой мѣрѣ непоколебленнымъ, и всѣ попытки противопоставить прежняго Плеханова,—съ его „открытыми союзами“—нынѣшнимъ Ежову, Маевскому, Левицкому, съ ихъ борьбой за открытое существованіе партіи, оказываются попытками съ негодными средствами ускользнуть изъ сѣтей, имъ же разетавленныхъ, и въ которыхъ онъ самъ безнадежно запутался.

Жалкій человѣкъ!

---

*) См. „Н. Заря“, № 10 за 1910 г., ст. „о Плехановѣ“, стр. 97.

IV.

Наконецъ, вотъ тезисъ статьи, къ которому Плехановъ отнесся какъ будто бы съ нарочитымъ вниманіемъ.

Я говорилъ, что *Плехановъ рекомендовалъ, въ случаѣ продолженія раскола, уходить изъ партійной организаціи.*

„Этимъ шутить нельзя—заявляетъ Плехановъ.—Это дѣло серьезное. Если я, въ самомъ дѣлѣ, рекомендовалъ уходить изъ партійной организаціи, то я, разумѣется, такой же преступникъ, какъ г-да Ежовы, Маевскіе, Левицкіе: подобно имъ я виновенъ въ измѣнѣ".

Этимъ шутить нельзя! Но мы и не шутимъ. Мы ставимъ въ упоръ Плеханову вопросъ: говорилъ, или не говорилъ Плехановъ, что въ случаѣ продолженія раскола товарищи должны будутъ стряхнуть

„интеллигентскій" прахъ съ своихъ ногъ и, *примкнувши къ наиболѣе сознательнымъ элементамъ рабочей массы, объединяться на почвѣ положительной работы, предоставивъ „большевикамъ" и „меньшевикамъ" терзать другъ друга до тѣхъ поръ, пока отъ тѣхъ и отъ другихъ не останутся одни хвосты, какъ отъ двухъ дравшихся кошекъ въ извѣстной легендѣ".*

И что же отвѣчаетъ Плехановъ?

Онъ отьѣчаетъ: и да, и нѣтъ, или:—ни да, ни нѣтъ.

Ну, конечно, онъ говорилъ. Но онъ такъ говорилъ, какъ будто бы и не говорилъ. И затѣмъ слѣдуетъ не шутка, а самое „серьезное" издѣвательство надъ читателемъ, надъ здравымъ смысломъ, надъ исторіей того, что было...

Онъ, видите ли, потому могъ рекомендовать уходить, что тогда

„партійная организація распалась на двѣ организаціи: большевиковъ—съ одной стороны, меньшевиковъ—съ другой".

„Какимъ же образомъ—аргументируетъ Плехановъ—могъ я рекомендовать уходъ изъ партійной организаціи, временно разрушенной дружными усиліями раскольниковъ"?

На счетъ „дружныхъ усилій раскольниковъ" мы поговоримъ еще особо, а сейчасъ я, прежде всего, хочу констатировать, что Плехановъ, хотя и плохо, но все же, очевидно, кое чему научился у ненавистныхъ ему „ликвидаторовъ". По крайней мѣрѣ, въ этой своей аргументаціи онъ является — правда, неудачнымъ—подражателемъ нѣкоего, небезызвѣстнаго ему „ликвидатора" Потресова.

Вѣдь, въ той самой статьѣ этого Потресова, изъ-за которой Плехановъ поднялъ крикъ объ измѣнѣ, Потресовъ именно писалъ, что смѣшно въ 1910 году шумѣть о „ликвидаторахъ", будто бы „ликвидирующихъ„ партійную организацію, будто изъ нея уходящихъ и являющихся причиною ея разложенія, когда уже нѣтъ тѣхъ учрежденій, откуда бы возможно было уходить, когда партійная организація уже сама въ ходѣ событій разрушилась.

Но Потресовъ *могъ это писать въ началѣ 1910 года*, потому что тогда, дѣйствительно, ни въ какое увеличительное стекло нельзя было усмотрѣть организаціи ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ какомъ другомъ (за исключеніемъ окраинъ) большомъ русскомъ городѣ, потому что тогда только заграницей нѣсколько человѣкъ эмигрантовъ составляли коллегію, ни съ чѣмъ въ Россіи реально не связанную; словомъ, потому что тогда отъ старой кареты и въ самомъ дѣлѣ оставался лишь гербъ.

Но ничего подобнаго не можетъ утверждать Плехановъ теперь—заднимъ числомъ—о лѣтѣ 1905 года.

Лѣтомъ 1905 г. Россія была покрыта партійными организаціями.

большевистскими комитетами и меньшевистскими группами. Тогда уходить изъ партійной организаціи—значило и на самомъ дѣлѣ покидать эти дѣйствовавшіе комитеты и группы и своимъ уходомъ подрывать ихъ работу.

Конечно, эти многочисленныя организаціи—вслѣдствіе раскола—объединились не въ одномъ центральномъ учрежденіи, а въ двухъ: большевистскомъ центральномъ комитетѣ и меньшевистской организац. коммисіи. Но каждая изъ этихъ двухъ половинъ с.-д. партіи была организаціонно объединена и вела организованное существованіе. И благодаря этой то организованности, въ каждый данный моментъ могъ быть поднятъ вопросъ о сближеніи этихъ половинъ и даже объ ихъ слияніи. Въ частности, меньшевики при самомъ началѣ образованія организаціонной коммисіи постановили, что эта коммисія должна немедленно вступить въ сношенія съ центромъ другой половины партіи.

Ясно, что при такихъ условіяхъ Плехановъ въ 1905 г. своими совѣтами уходить изъ большевистскихъ и меньшевистскихъ организацій къ „сознательнымъ элементамъ рабочей массы"—правъ онъ былъ или нѣтъ, это вопросъ другой—во всякомъ случаѣ, бралъ на себя безконечно большую отвѣтственность, чѣмъ „ликвидаторы"-практики 1909 и 1910 гг.

Вѣдь, эти стояли передъ завершившимся къ тому времени процессомъ разложенія старыхъ комитетовъ и, хорошо понимая, что не въ ихъ власти эти комитеты возстановить, дать жизнь тому, что уже отмерло, шли въ другія формы соціалъ-демократической работы, какъ разъ къ тѣмъ самымъ „сознательнымъ элементамъ рабочей массы", о которыхъ упоминалъ Плехановъ въ 1905 году.

И ясно, съ другой стороны, чего стоитъ разсужденіе Плеханова на тему, что разъ въ 1905 г. была не одна общерусская организація, а двѣ, то стало быть...

Но что же стало быть?

Или, стало быть, „преступленіе" и „измѣна" по отношенію къ единой партійной организаціи превращается въ добродѣтельный гражданскій поступокъ по отношенію къ обѣимъ половинамъ той же самой организаціи, но только имѣвшей несчастье расколоться двое?

Или, стало быть, уйти изъ обѣихъ организованныхъ половинъ этой партіи не значило—уйти, тѣмъ самымъ, и изъ всей партійной организаціи?

Плехановъ, вывертываясь, называетъ этотъ неизбѣжный логическій выводъ неумѣньемъ перейти съ точки зрѣнія фракціонной на точку зрѣнія партійную!

Но, спрашивается, на какую же уйму человѣческой ограниченности спекулируетъ Плехановъ, если полагаетъ возможнымъ удовлетворить свою аудиторію такими низкопробными софизмами?

При чемъ тутъ фракціонность? При чемъ тутъ партійность?

Вѣдь, безразлично, имѣлся ли въ партіи одинъ организаціонный центръ или было ихъ два, вопросъ объ уходѣ изъ стараго типа партійныхъ организацій къ „сознательнымъ элементамъ рабочей массы" могъ и долженъ былъ рѣшиться, не какъ вопросъ объ уходѣ изъ партіи, а какъ вопросъ объ *исканіи* новыхъ *формъ по той же партійной работѣ*, какъ вопросъ о переходѣ къ партійной работѣ внѣ рамокъ старыхъ комитетскихъ организацій. Цѣлесообразенъ ли былъ подобный переходъ въ 1900 г., объ этомъ, конечно, возможно было спорить, его различно

оцѣнивая, въ зависимости отъ различной оцѣнки прежней комитетской работы и способности старыхъ комитетовъ къ обновленію.

Но нельзя было спорить, ибо было безспорно, что этотъ уходъ изъ комитетскихъ организацій былъ во всякомъ случаѣ не уходомъ изъ партіи, а перемѣщеніемъ точекъ приложенія силъ партійныхъ работниковъ въ предѣлахъ той же партіи *).

А отсюда слѣдуетъ, что сейчасъ не Плехановъ становится на партійную точку зрѣнія противъ фракціонной, *а мы защищаемъ партію въ цѣломъ*, партію въ ея широкомъ пониманіи, съ многообразными развѣтвленіями ея дѣятельности, *противъ узко-комитетской*, узко-старо-организаціонной *точки зрѣнія*, на которой утвердился Плехановъ въ настоящее время.

Итакъ, никакими софизмами не спасти себя Плеханову отъ необходимости признать, что въ 1905 г. онъ звалъ уходить изъ существовавшей въ то время, хотя и раздвоенной, партійной организаціи; *уходить* изъ старо-комитетской іерархіи.

Итакъ, никакими софизмами не увернуться ему и отъ вывода: если Ежовъ, Маевскій, Левицкій—измѣнники, то такимъ же измѣнникомъ являлся онъ.

На этомъ я могъ бы закончить этотъ пунктъ моего спора съ Плехановымъ, еслибы не его упоминаніе о „дружныхъ усиліяхъ раскольниковъ", которымъ—„и между ними г. Потресову"—„удалось раздѣлить на двѣ враждующія между собою части нашу партійную организацію". Этимъ „раскольникамъ" противополагается очаровательная роль Плеханова, примирявшаго и объединявшаго въ 1905 году большевиковъ съ меньшевиками.

„Пока организація существовала,—говоритъ Плехановъ,—я всѣми силами стремился предупредить расколъ; и когда меня спрашивали, за кого я стою: за большевиковъ или меньшевиковъ, я неизмѣнимо отвѣчалъ, что стою за россійскій пролетаріатъ и за россійскую соц.-дем. рабочую партію"... „Я всегда былъ противъ раскола".

Долженъ сказать, что мнѣ рѣдко, какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, приходилось встрѣчать болѣе безстыдное попираніе истины, чѣмъ то, которое въ данномъ случаѣ ухитрился продѣлать Плехановъ.

Къ счастью, вѣдь, не умерли всѣ участники меньшевистской женевской конференціи (весною 1905 года). Вѣдь, живы же свидѣтели того, на чемъ на этой конференціи *въ дѣйствительности* разошлись меньшевики съ Плехановымъ.

Плехановъ хотѣлъ, чтобы меньшевики, при помощи своихъ трехъ представителей въ высшемъ тогда учрежденіи партіи, въ Совѣтѣ, противъ двухъ большевиковъ, *признавъ засѣдавшій тогда съѣздъ большевиковъ незаконнымъ и центральный комитетъ ихъ распущеннымъ, объявили большевиковъ стоящими внѣ Россійской соц.-дем. р. партіи и изъ нея исключенными.*

Разумѣется, *меньшевики отказались принять подобное предложеніе Плеханова.* Они находили, что раскассировка большевиковъ недостойна соціалъ-демократіи и гораздо болѣе напоминаетъ дѣйствія взбѣсившагося помпадура въ Пошехоньѣ, чѣмъ серьезныхъ политическихъ дѣятелей.

*) Впрочемъ, именно въ 1905 году подобный уходъ изъ комитетскихъ организацій скорѣе могъ бы, при извѣстныхъ условіяхъ, привести къ дѣйствительному уходу изъ партіи. И это какъ разъ потому, что тогда, въ противоположность 1910 году, были дѣйствительно работавшіе на всѣхъ парахъ комитеты и группы.

Они рѣшили, *въ противоположность такой раскассировкѣ, признать большевиковъ* съ ихъ организаціями *другою половиною партіи*, и тотчасъ же—какъ я уже выше указывалъ—сдѣлать попытки вступить съ большевиками въ сношенія.

Такъ примирялъ Плехановъ

Такъ „раскольничали" меньшевики, и я въ ихъ числѣ *).

Мы подходимъ къ концу.

Мы исчерпали всѣ отвѣтные доводы Плеханова. Ихъ итогъ: завѣдомая неправда, замалчиваніе непріятныхъ цитатъ, увертка, дешевый софизмъ, сознательное искаженіе мнѣнія противника,—и ни одного, дѣйствительно, серьезнаго, фактическаго или принципіальнаго возраженія на тѣ тезисы, которые я выставилъ противъ него **).

А значитъ, во всей силѣ остается и выводъ: *Плехановъ объявляетъ „ликвидаторовъ" измѣнниками, предателями, людьми, находящимися внѣ соціалъ-демократіи* ***) *за то самое, что говорилъ и онъ самъ въ 1905 г.*

Т. е. передъ нами борьба, лишенная какого бы то ни было *моральнаго основанія.*

Въ самомъ дѣлѣ: можно безпощаднѣйшимъ образомъ бороться съ инакомыслящимъ, съ противникомъ, съ врагомъ, но необходимо прежде всего, чтобы за этой борьбой ощущалась вѣра въ правоту своего защищаемаго дѣла и во вредъ того дѣла, которое дѣлаетъ врагъ.

И вотъ этой-то вѣры не ощущается въ дѣйствіяхъ Плеханова.

---

*) Къ этому же баснословію Плеханова относится и его утвержденіе, что на меньшевистской конференціи (весной 1905 г.) на выраженное имъ, Плехановымъ, „сожалѣніе о томъ, что рабочіе почти никогда не входятъ въ составъ нашихъ партійныхъ комитетовъ", „большинство участвовавшихъ въ конференціи меньшевиковъ-практиковъ" будто-бы „возражало" ему, что „иначе и быть не можетъ, такъ какъ рабочіе пока еще недостаточно развиты". Нечего и говорить, что это чистѣйшая выдумка. Разговаривать въ томъ духѣ съ Плехановымъ меньшевики-практики не могли хотя бы уже потому, что именно они, на этой конференціи, были больше всего озабочены, какъ бы привлечь рабочихъ въ комитеты, какъ бы перестроить эти организаціи такъ, чтобы приблизить ихъ къ передовымъ элементамъ рабочей массы. Этотъ вопросъ былъ какъ разъ однимъ изъ основныхъ на данной конференціи.

**) Кстати, два слова объ одной нелишенной пикантности мелочи. Въ своемъ отвѣтѣ Плехановъ между прочимъ говоритъ о великомъ значеніи „уваженія къ партійной дисциплинѣ" (говоритъ—въ посрамленіе ликвидаторовъ"). Это очень похвально.

Но не похвально, что при этомъ Плехановъ забылъ объ одномъ: что въ соціалъ-демократіи нѣтъ, кажется, другого человѣка, который—когда ему что почему либо нужно—проявлялъ бы такое, говоря языкомъ Плеханова, „полное, безпредѣльное и безстыдное пренебреженіе" къ этой дисциплинѣ, какъ именно Плехановъ.

Изъ богатой коллекціи примѣровъ этого „пренебреженія" я напомню только объ одномъ: о выступленіи Плеханова—въ моментъ выборовъ, осенью 1907 г.—въ не соціалъ-демократической газетѣ „Товарищъ", противъ объединеннаго центр. комитета и его избирательной платформы. Онъ предлагалъ не повиноваться велѣніямъ „партійнаго документа"—внести въ него „поправку дѣйствіемъ" (см. „Товарищъ" отъ 12 сент. 1907 г.).

Былъ хорошъ или дуренъ этотъ документъ, это статья особая. Во всякомъ случаѣ безспорно одно, что поступокъ Плеханова былъ вопіющимъ нарушеніемъ партійной дисциплины.

***) Плехановъ теперь завѣряетъ, что онъ не говорилъ, что „ликвидаторы" стоятъ внѣ с.-д-іи, онъ только говорилъ, что они—внѣ партіи. Но, разумѣется, это пустая отговорка: измѣнники и предатели фактомъ своего предательства и своей измѣны ставятъ себя, конечно, и внѣ партіи, и внѣ с.-д-іи вообще.

Ибо дѣло, въ которое вѣришь,—*правое дѣло—защищается правыми средствами.* А Плехановъ, какъ мы видѣли, прибѣгаетъ систематически къ средствамъ отравленнымъ.

И такъ повелось имъ съ первыхъ же его выступленій въ этой борьбѣ съ „ликвидаторами".

Онъ, вѣдь, началъ съ того, что сдѣлалъ попытку положить на вѣсы общественнаго мнѣнія всю тяжесть своего авторитета основателя партіи, чтобы сдѣлать меня невозможнымъ въ соціалъ-демократіи. Онъ хотѣлъ, чтобы ему на слово повѣрили (въ разсчетѣ, что ему повѣрятъ больше, чѣмъ мнѣ), будто я отрицалъ—въ разговорѣ съ нимъ (на мангеймскомъ германскомъ съѣздѣ 1906 года) *самую идею соціалъ-демократической партіи.*

Къ счастью, у меня были необходимыя данныя, при помощи которыхъ я могъ доказать *невѣроятность* такого сообщенія Плеханова. Я могъ доказать, что сообщаемаго Плехановымъ факта быть не могло, ибо если бы онъ былъ, то Плехановъ никогда не сталъ бы довѣрять человѣку, отрицавшему идею партіи, веденіе соціалъ-демократической газеты въ Петербургѣ.

А онъ именно безоговорочно—слишкомъ годъ спустя послѣ этого, будто бы, сдѣланнаго ему мною заявленія—въ письмѣ ко мнѣ довѣрялъ мнѣ это веденіе газеты, между прочимъ—для борьбы съ тѣмъ одичаніемъ, которое надвигается „на насъ" (со стороны большевиковъ), и обѣщалъ „самое энергичное участіе" въ газетѣ.

Но, вѣдь, этого письма—могло и не оказаться у меня: я могъ его уничтожить, потерять. Плехановъ тонко разсчиталъ свою клевету и не вина его, а вина случайности, если онъ на этой клеветѣ оборвался. Это было начало. За нимъ слѣдовало и тянется вплоть до настоящаго дня достойное начала продолженіе: начало предопредѣлило характеръ всей Плехановской борьбы съ ликвидаторами. Вотъ почему, въ настоящее время борьба и полемика Плеханова не проясняютъ сознанія, а несутъ въ соціалъ-демократическую среду ядъ разложенія, развратъ безпринципной вражды, зло отвратительной склоки.

Я полагаю: передъ соціалъ-демократами всѣхъ оттѣнковъ стоитъ очередная задача—покончить съ этимъ развратомъ; положить ему предѣлъ, чего бы это ни стоило.

Соціалъ-демократія должна быть *морально оздоровлена.* Иначе, морально отравленная, она будетъ обезсилена въ своей борьбѣ съ врагами.

Берегитесь же яда, который отравляетъ извнутри, боритесь съ болѣзнью—пока еще не поздно!

А. Н. Потресовъ-Старовѣръ.

Годъ борьбы.

I.

День перваго мая 1913 года будетъ несомнѣнно крупными буквами вписанъ въ исторію движенія россійскаго пролетаріата. Въ этомъ году въ день всемірнаго пролетарскаго праздника въ одномъ только Петербургѣ бастовало свыше 220 тысячъ рабочихъ—и при томъ не

ихъ организаціи, часть ихъ самихъ. И дѣло, конечно, не въ какихъ-то добродѣтеляхъ пролетаріата, а въ томъ, что классъ, стремящійся впередъ, принужденный въ постоянной борьбѣ завоевывать себѣ лучшее будущее, иначе не можетъ. И этотъ контроль онъ распространяетъ не только на финансовую, но и на политическую сторону *своей* газеты.

Л. Сѣдовъ.

Критическіе наброски.

О литературѣ безъ жизни и о жизни безъ литературы.

Мнѣ хочется обратить вниманіе на одну статью Д. Н Овсянико-Куликовскаго, недавно появившуюся въ „Рѣчи“ и рискующую—мнѣ кажется—пройти незамѣченной, несмотря на весь авторитетъ ея автора. Незамѣченной не потому, чтобы она была ничѣмъ не замѣчательна, а какъ разъ наоборотъ—потому что она слишкомъ выдается изъ ряда и не соотвѣтствуетъ установившимся вкусамъ и взглядамъ.

Другая она, необычная: смотритъ не въ ту сторону, куда глядитъ господствующая критика Айхенвальдовъ, Чуковскихъ и имъ подобныхъ эстетовъ; разбираетъ—какъ увидимъ—явленія подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ уголъ зрѣнія, возможный для представителей либерализма въ литературѣ. Потому-то появленіе ея на столбцахъ „Рѣчи“ и представляется „умной ненужностью“, неумѣстнымъ обращеніемъ къ аудиторіи кадетскаго органа.

Впрочемъ, думается мнѣ, и самъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій, направленіемъ своихъ послѣднихъ работъ съ ихъ ясно выраженной симпатіей къ эмпиризму современной буржуазной культуры, съ ихъ нелюбовью къ „идеологическому“ мышленію, не подготовилъ насъ къ тому, что онъ высказалъ въ данной статьѣ. Очень великъ ужъ скачекъ отъ его концепціи незнающаго противорѣчій культурнаго прогресса современнаго общества къ тому академически-сдержанному, но по существу безпощадному приговору, который онъ выноситъ теперь тому же обществу и его культурѣ въ лицѣ такой характерной, неотъемлемой части этой культуры, какъ современная литература.

Правда, Овсянико-Куликовскій говоритъ не о всей литературѣ настоящаго времени, но онъ говоритъ о томъ, что есть специфическаго въ этой литературѣ, что даетъ ей свой историческій колоритъ,—психологическій отпечатокъ эпохи. Онъ говоритъ о литературѣ той „современной души“, которую—вслѣдъ за Леонидомъ Андреевымъ—опредѣляетъ, какъ „взыскующую и парящую“, „сложную“ и „утонченную“.

И относительно этой то литературы, относительно этой то „современной души“, ея „сложности“ и „утонченности“ Овсянико-Куликовскій и возбуждаетъ вопросы.

Являются ли эти „сложность“ и „утонченность“ симптомами идущаго впередъ общественнаго развитія, и представители „современной души“ — „провозвѣстники“ ли грядущаго, творящіе, какъ говоритъ Л. Андреевъ, „цѣнности новыхъ переживаній“ и „отыскавшіе невѣдомые древнимъ источники новаго и глубочайшаго трагизма“, или, быть можетъ, „утонченность“ эта чрезмѣрна, сложность „переходитъ въ путаницу, въ которой ихъ „я“ безсильно бьется, какъ рыба въ сѣтяхъ: трагедія ихъ мысли только обнаруживаетъ ихъ интеллектуальную слабость и сбивается на мелодраму недомыслія“? Словомъ, не напоминаетъ ли намъ эта утонченность души періода паденія Рима, когда аналогичная психика „къ добру не привела“?

Несомнѣнно, что уже самая постановка подобнаго вопроса не обычна въ наше время для критика литературы. Но еще менѣе обыченъ тотъ отвѣтъ на вопросъ, который дается Овсянико-Куликовскимъ.

Онъ говоритъ: „Современное человѣчество живетъ въ эпоху, какой еще не было въ его исторіи. Мы имѣемъ счастье жить наканунѣ величайшихъ событій и преобразованій во всемъ строѣ жизни, въ основномъ укладѣ міровой культуры. Это „наканунѣ“ продлится долго... Но это „долго“ только для насъ, а не для государствъ и народовъ. Довольно съ насъ и того, что мы уже не блуждаемъ во тьмѣ. Намъ дано видѣть зарю грядущаго. И эта прерогатива *обязываетъ* — не къ утонченности и излишней сложности духа съ уклономъ въ психопатію и въ недомысліе, а къ ясности и крѣпости духа и мысли, къ дисциплинѣ ума и воли, къ методическому и критическому различенію, что нужно и чего не нужно, къ воздержанію отъ самоуслажденія и самоковырянія неразрѣшимыми проблемами, „міровыми загадками“, которыхъ все равно мы не разрѣшимъ. Нельзя вперять затуманенный взоръ въ далекія небеса, въ надеждѣ устроить такимъ фантастическимъ путемъ рай на землѣ. Нужно бороться и работать на этой грѣшной землѣ, чтобы наши потомки могли увидать краешокъ далекихъ небесъ,— но небесъ настоящихъ, а не миѳическихъ. А на землѣ можно—для будущаго — работать только наукой, этикой, гуманностью, дисциплиною мысли и воли, служеніемъ ближайшему, достижимому идеалу, который уже достаточно опредѣлился затяжною работою соціалистической мысли XIX вѣка“.

Какъ видимъ, отвѣтъ вправленъ въ рамку большой исторической картины. Чтобы дать надлежащую оцѣнку какъ психикѣ „современной души“, такъ и производной отъ этой психикѣ—современной литературѣ, Овсянико-Куликовскій совершенно правильно беретъ переживаемую нами эпоху въ ея *основной* тенденціи, со всѣми открывающимися передъ нею необозримыми перспективами развитія, и сопоставляетъ съ нею и съ ними эту психику и эту литературу. Получается контрастъ—разительный, ни съ чѣмъ несравнимый.

Съ одной стороны, по свидѣтельству Овсянико-Куликовскаго: „никогда не было такъ захватывающе интересно жить какъ въ наше время, когда многовѣковая цивилизація передовыхъ народовъ явно переваливаетъ за грани стараго и застарѣлаго варварства, когда на арену всемірной исторіи выступаетъ человѣчество, объединяемое экономически, морально и интеллектуально“.

А съ другой: раффинированный продуктъ культуры упадка — литература „утонченной и растерявшейся въ противорѣчіяхъ интеллигентской души, создающей „цѣнности“ никому не нужныя“.

Иначе говоря: чья то растерянная психика *создаетъ* литературу, т. е. выдѣляетъ изъ себя своеобразную, хотя и никчемную культуру, а прогрессирующее, объединяемое человѣчество, то, что есть рвущагося впередъ въ современной цивилизаціи, ея соль земли—то *не имѣетъ* своей литературы, то *остается безъ лица* въ такой важной отрасли культуры, какъ художественное творчество во всѣхъ его видахъ.

Я не знаю, понимаетъ ли самъ Д. Овсянико-Куликовскій, къ чему приводятъ его утвержденія и какого кардинальнаго значенія вопросы выростаютъ вмѣстѣ съ этой антитезой. Скорѣе, что нѣтъ, судя по тому, какъ онъ просто собирается разрѣшить эту противоположность между жизнью, носящей въ себѣ великое будущее, и литературой, выращивающей одни только образы душевнаго распада.

Вѣдь, ему представляется, что можно *убѣдить* эту литературу измѣнить направленіе своего творчества. Вѣдь, онъ полагаетъ въ серьезъ, что она не обратила вниманіе на „величайшее, наряду съ научнымъ, завоеваніе культуры“, на „трагедію трудящихся массъ“, это — „доселѣ невиданное и неслыханное“ дѣйствіе и зрѣлище—не потому, что у нея нѣтъ чувствилища, органа для художественнаго воспріятія этой трагедіи, а по какимъ то невѣдомымъ, болѣе или менѣе случайнымъ причинамъ.

Поэтому и заканчиваетъ онъ свою чрезвычайно интересную статью аппеляціей къ литературѣ и искусству, аппеляціей, свидѣтельствующей, конечно, о его добрыхъ намѣреніяхъ, но также и о томъ, что ему измѣняетъ непосредственное чувство дѣйствительности.

„Гг. художники, драматурги, артисты! взываетъ Овсянико-Куликовскій—бросьте разныя утонченныя „переживанія“ и обратите взоры сюда, на этотъ ходъ вещей, на это движеніе исторіи, обильное, быть можетъ, сюжетами для трагедій, и, несомнѣнно, окрыляющее „современную душу“ великими упованіями, животворящей всечеловѣческой радостью“.

Но гг. художники, драматурги, артисты, конечно, не внемлютъ и голосъ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго остается вопіющимъ въ пустынѣ.

Почему?

Да потому, что не блажь, не капризъ измѣнчивой моды, не недомысліе или незнаніе мѣшаютъ этимъ дѣятелямъ литературы и искусства обращать свои взоры туда, куда ихъ усиленно приглашаетъ смотрѣть почтенный профессоръ. Нѣтъ,—а наличность опредѣленной психики, извѣстнаго душевнаго уклада.

У нихъ другой *вкусъ* и соотвѣтственно другая *оцѣнка жизни* и всего, что въ ней происходитъ.

Такъ напр. намъ съ Овсянико-Куликовскимъ представляется интереснымъ и важнымъ, и даже, быть можетъ, самымъ интереснымъ и важнымъ въ мірѣ, развертывающаяся „трагедія трудящихся массъ“, канунъ величайшихъ переворотовъ“, а ихъ—этихъ „художниковъ, драматурговъ, артистовъ“ трагедія эта нимало не трогаетъ, не волнуетъ, а если волнуетъ, то по другому, вызывая душевныя движенія совсѣмъ иного порядка.

И съ другой стороны, намъ представляются ненужными, а то и вредными тѣ утонченныя цѣнности, которыя составляютъ вершину упадочной культуры.

Здѣсь передъ нами психологическій разрывъ. Двѣ непримиримыя точки зрѣнія; два противоположныхъ другъ другу устремленія воли и ума.

Одни смотрятъ въ міръ, другіе- -въ себя. Однихъ тянетъ вся красочность жизни и эту жизнь они хотятъ осознать, за нее зацѣпиться, слить въ ней свое „я“ съ элементами творчества жизни, съ ея преобразующими—революціонными, силами. Въ этомъ пафосъ—высшее напряженіе ихъ собственнаго существованія, его смыслъ—его красота.

Другіе—знаютъ лишь собственныя переживанія, какъ себѣ довлѣющій міръ, противостоящій міру внѣшнему, какъ исключительный предметъ, достойный изученія и вниманія, какъ отправная точка искусства, единственный родникъ вдохновенія, поэзіи, красоты.

Но, спрашивается, почему же искусство и литература находятся почти въ безраздѣльномъ владѣніи вторыхъ? Почему первые,—всѣ тѣ, которыхъ зоветъ къ себѣ жизнь съ ея перипетіями борьбы, не находятъ въ себѣ творческихъ силъ для созданія соотвѣтствующей имъ, нужной культуры „художества“?

И думаю я — отвѣтъ на вопросъ дается тѣмъ основнымъ общественнымъ разслоеніемъ, которое скрывается за этимъ разслоеніемъ психологическимъ. Онъ дается двойственнымъ—полярнымъ характеромъ капиталистической цивилизаціи.

И вообще то говоря, культура всякаго, раздѣленнаго на классы или сословія, общества, вырабатывается господствующими силами этого общества.

Тѣмъ болѣе приходится это сказать о культурѣ современнаго *капиталистическаго* общества, гдѣ только на полюсѣ богатства, на буржуазномъ концѣ сосредоточены предпосылки, нужныя для развитія культуры.

Но, быть можетъ, именно поэтому, благодаря этой своей вынужденной односторонности, культура такъ рѣзко, такъ ярко и воспроизводитъ характеръ даннаго общественнаго строя, какъ положительную, его прогрессивную сторону, такъ и ту его изнанку, которая является слѣдствіемъ данной формы господства.

Изнанка общественности опредѣляетъ собою изнанку культуры, я бы сказалъ: *предѣльность* этой культуры. Она ставитъ границы тому, что можетъ и чего не можетъ эта культура.

Но далеко не всѣ составные элементы культуры въ равной мѣрѣ несутъ на себѣ клеймо этой *предѣльности*.

Такъ, передъ нами одновременно, въ одинъ и тотъ же историческій періодъ проходитъ необычайно стремительный ростъ такъ называемаго точнаго знанія, необычайно удачное практическое примѣненіе этого знанія въ техникѣ, и рядомъ—застой общественныхъ наукъ, и еще рядомъ—то странное состояніе литературы и искусства, которое сейчасъ обратило на себя вниманіе Овсянико-Куликовскаго.

Можно сказать, чѣмъ больше данная отрасль культуры связана съ психологіей данной общественности, чѣмъ болѣе—непосредственно или посредственно—отражается не ней эволюція междуклассовыхъ отношеній данной формаціи, словомъ—чѣмъ болѣе интимно передаетъ эта культура внутренній міръ, такъ сказать, душу эпохи и ея господствующихъ силъ, тѣмъ фатальнѣе сказывается обратная сторона медали. тѣмъ нагляднѣе выступаетъ стѣна, въ которую уперлось развитіе.

А что можетъ быть болѣе интимнаго, чѣмъ литература и искусство? Что глубже, чѣмъ они, смотритъ въ тайники человѣческой психики?

И вотъ и получается, что какъ обществознаніе перестаетъ без-

страшно изслѣдовать жизнь въ ея основныхъ очертаніяхъ,—уходитъ въ деталь, въ прошлое, а то и въ прямую борьбу съ соціализмомъ и, стало быть, въ завѣдомо-тенденціозное, адвокатское изображеніе дѣйствительности, лишенное всякой научной цѣнности,—такъ и литература и искусство не находятъ въ себѣ больше внутреннихъ силъ рисовать современнаго человѣка въ полнотѣ его существованія.

Когда-то Гете писалъ:

Greift nur hinein in's volle Menschenleben
Und wo ihr's packt, da ist's interessant

Современная литература можетъ меньше всего сказать про себя, что она слѣдуетъ этому завѣту великаго писателя: она не имѣетъ ни мужества, ни даже претензіи „брать“ „полноту“ человѣческой жизни во имя того, что „все интересно“.

Она съ самаго начала отвергаетъ эту полноту, она съ самаго начала исключаетъ изъ своего разсмотрѣнія человѣка *общественнаго*, т. е. человѣка, взятаго со всей его психикой; со всѣмъ взаимодѣйствіемъ его и среды; со всѣми корнями, которыми уходитъ онъ, какъ въ настоящее, такъ и въ прошлое человѣческихъ взаимоотношеній, т. е. въ почву общественности.

И въ этомъ она слѣдуетъ только импульсамъ, исходящимъ изъ среды тѣхъ господствующихъ классовъ, которые задаютъ тонъ жизни, которые строятъ эту жизнь и ей соотвѣтствующую культуру.

А эта среда создаетъ литературу двоякаго рода: съ одной стороны, литературу массового потребителя—макулатуру бульварныхъ романовъ и назидательнаго семейнаго чтенія: въ этомъ видѣ литература подпускается къ жизни, ей дозволено быть бульварно-„реалистической“ и благонамѣренно-тенденціозной. „Середнякъ“—мѣщанинъ, коммивояжеръ буржуазіи, потребитъ эту для него приноровленную маргариновую жизнь на равныхъ основаніяхъ съ кружкою пива, парою бутербродовъ и вечернимъ варьете. Вѣдь, отъ литературы ему ничего другого не требуется, кромѣ занимательнаго препровожденія времени, иногда—сантиментальной слезы, иногда—перца скабрезности.

И съ другой стороны, та же среда создаетъ для изощреннаго вкусомъ и пресыщеннаго жизнью своего образованнаго меньшинства, особый продуктъ,—своего рода шпиль, вѣнчающій зданіе. Спору нѣтъ, прихотливый шпиль нисколько не похожъ на массивный и до-нельзя аляповатый фундаментъ. Но фундаментъ и шпиль принадлежатъ тѣмъ не менѣе къ единой постройкѣ, и одинъ и тотъ же строитель мастерилъ ихъ обоихъ.

Я скажу: единый въ своемъ многообразіи духъ буржуазнаго уклада и притомъ уклада эпохи упадка создалъ и рыночную макулатуру занимательнаго чтенія, и этотъ махровый цвѣтокъ современной культуры.

Это—духъ той среды, въ которой уже нѣтъ дѣйствительно общественныхъ задачъ,—кромѣ, пожалуй,—задачи самосохраненія, и въ которой соотвѣтственно этому, въ разнообразнѣйшихъ формахъ, начался процессъ, такъ сказать оголенія личности, ея освобожденіе отъ общественности.

Въ формѣ грубо-практической этотъ процессъ сказался развитіемъ психологіи „дѣльца“,—безразлично, политика или биржевика, или какой либо другой спеціальности; психологіи „индивидуальнаго“ успѣха, неокрашеннаго въ цвѣтъ никакой идеи, никакой „идеологіи“.

Въ формѣ же утонченной онъ далъ индивидуалиста-упадочника

съ его эгоцентрическимъ міросозерцаніемъ, съ его культурой своего отъединеннаго и надтреснутаго „я“.

Этотъ индивидуалистъ-упадочникъ и произвелъ эту литературу „современной души“; произвелъ ее, конечно, въ мѣру своихъ силъ, въ предѣлахъ своего пониманія и своего ощущенія вещей.

Овсянико-Куликовскій удивляется, что это пониманіе ограничено, что „современная душа“ обнаруживаетъ „интеллектуальную слабость“ и, задаваясь „міровыми загадками“, не обращаетъ вниманія на тутъ же подъ бокомъ у этой „души“, развертывающуюся величайшую трагедію человѣчества.

Но въ томъ то и дѣло, что эта „современная душа“—достойная дщерь своего вѣка, младшій членъ той семьи хозяевъ современной общественной сцены, которую я только что пытался зарисовать немногими штрихами. У нея нѣтъ не только проблемы современнаго борющагося и стремящагося къ своему возрожденію человѣчества, у нея нѣтъ и вообще какой бы то ни было серьезной мысли—проблемы, какъ нѣтъ ни одного великаго образа, ни одного завоеванія въ сферѣ познанія человѣческаго духа. Есть только филигранная работа надъ нѣкіими ощущеніями нѣкоего маленькаго „я“, клиническая запись болѣзни—какъ я уже когда то писалъ—разобществленія личности, выпаденія этой личности изъ жизненнаго строя.

Какой же самумъ пронесся надъ человѣкомъ и опустошилъ его творчество? Это—самумъ распада. Это непосредственное слѣдствіе того состоянія психики господствующаго общества, при которомъ мысль не дерзаетъ уже болѣе идти на познаніе жизни, и работа писателя не направляется на претвореніе художественно-богатѣйшаго матеріала, представляемаго жизнью. Между умонастроеніемъ писателя-художника и этой жизнью нѣтъ болѣе того подвижного равновѣсія, изъ котораго рождается творчество истинно-художественныхъ образовъ.

Можно быть въ гармоніи съ жизнью и ее живописать въ соотвѣтственныхъ тонахъ спокойнаго бытописателя. Можно ненавидѣть эту жизнь и, ненавидя, тѣмъ страстнѣе ее изслѣдовать, стремиться понять, чтобы ее въ концѣ концовъ преодолѣть. Но можно и бояться жизни, можно потерять къ ней вкусъ — по крайней мѣрѣ, вкусъ къ ея осмысливанію и анализированію И тогда перо выпадаетъ изъ рукъ, и фантазія писателя останавливается у самого порога этой жизни.

Вмѣсто того, чтобы глядѣть въ эту жизнь ненасытными глазами художника, писатель обращается вспять — онъ бѣжитъ отъ жизни и спасается въ глубинѣ своего „я“, какъ будто эта мнимая глубина можетъ предохранить его отъ опустошенія его творчества.

Эта то потеря вкуса и является характернѣйшимъ моментомъ въ настоящую историческую эпоху буржуазнаго общества, и можно было бы сказать, что литература и передаетъ весь пафосъ этой потери, еслибы только не было противоестественно такое сочетаніе понятій: пафосъ и эта дряблая литература-модернъ. Точнѣе будетъ сказать, эта литература въ своихъ характернѣйшихъ образцахъ начинается тамъ, гдѣ этотъ процессъ уже кончился, гдѣ вкусъ къ осмысливанію жизни уже безповоротно потерянъ, и психика писателя давно уже считается съ этой потерей, какъ съ совершившимся фактомъ...

Конечно, современная литература въ цѣломъ представляетъ собою слишкомъ пеструю и сложную картину различнѣйшихъ напластованій, чтобы умѣститься въ эту рѣзко очерченную схему. Наша схема ри-

суетъ лишь основную тенденцію эпохи—ея кардинальное русло уклона: растущее противорѣчіе между жизнью съ ея процессами и литературой. Безлитературная жизнь и безжизненная литература! Литература, ушедшая въ нюансы, въ неуловимые оттѣнки, въ изощренность, въ словесную технику, въ революцію техники.

Посмотрите, сколько дѣйствительныхъ талантовъ ушло и уходитъ въ это техническое мастерство,—и въ пластическихъ искусствахъ еще больше, чѣмъ въ литературѣ. Вѣдь, въ живописи техника стала самодовлѣющей цѣлью и убила содержаніе. Наконецъ, какое искусство достигаетъ максимальнаго расцвѣта въ настоящее время?—Искусство режиссера, театральной постановки. Т. е. какъ разъ то самое искусство которое больше всего оперируетъ съ уже готовымъ содержаніемъ и цѣликомъ направлено лишь на утонченіе его передачи. Жизнь не осмысливается. Жизни не ставится какихъ либо цѣлей. Но жизнь стараются дѣлать изящнѣе и комфортабельнѣе . . . . и геніемъ эпохи выступаетъ утонченность!

Такова одна сторона современной общественности. Сторона буржуазіи.

Но есть же и другая сторона, не стоящая въ антагонизмѣ съ общественнымъ развитіемъ; не смотрящая съ ужасомъ на приближеніе грядущихъ „событій“ и „преобразованій“, а наоборотъ, ждущая и не могущая дождаться, когда же кончится это „наканунѣ“ и наступитъ настоящій день. Вѣдь, вкуса къ пониманію и осмысливанію жизни она не потеряла, а наоборотъ—его еще болѣе въ себѣ развила. Недаромъ она образовала величайшее міровое движеніе, то „доселѣ невиданное и неслыханное“ „дѣйствіе“ и „зрѣлище“, которое, по мнѣнію—и справедливому — Овсянико-Куликовскаго, является „величайшимъ, наряду съ научными, завоеваніемъ культуры“.

Спрашивается, что же она?

А. Потресовъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Письма изъ Англіи.

Новыя тенденціи въ англійскомъ рабочемъ движеніи.

I.

Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на послѣднія событія въ трэдъ-юніонистскомъ мірѣ, въ кооперативахъ и въ соціалистическомъ движеніи, чтобы убѣдиться, что все англійское рабочее движеніе находится въ переходномъ состояніи. И—какъ вообще бываетъ при переворотахъ—мы видимъ, съ одной стороны, революціонеровъ, съ другой—защитниковъ стараго режима съ тою, однако, разницей, что тутъ обѣ борющіяся стороны заинтересованы въ развитіи общественнаго организма. Все же между защитниками стараго и сторонниками новаго происходитъ рѣшительная борьба, принимающая все болѣе и болѣе рѣзкія формы.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. МАРТОВЪ. Бельгійскій опытъ.

В. МАЙСКІЙ. Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія на Западѣ.

КВАДРАТЪ. Сознаніе и чувство въ рабочемъ движеніи.

Вл. Р—ВЪ. Изъ партійнаго прошлаго. (по личнымъ воспоминаніямъ).

И. РОЖКОВЪ. Современное положеніе аграрнаго вопроса въ Россіи.

В. КОССОВСКІЙ. Польско-еврейскія отношенія.

Раф. ГРИГОРЬЕВЪ. В. Г. Короленко.

А. ПОТРЕСОВЪ. Критическіе набѣ оски (О литературѣ безъ жизни и жизни безъ литературы.

М. ДОНЕЦКІЙ. О томъ, что было.

В. ЛЕВИЦКІЙ. Изъ иностранной соціалистической печати.

Ст. ИВАНОВИЧЪ. На гигіенической выставкѣ.

Авг. БЕБЕЛЬ.

Объявленія.

№ 6. СПБ. 1913. Ц. 45 к.

IV-й годъ изданія.

Контора журнала „**НАША ЗАРЯ**“ проситъ гг. полугодовыхъ подписчиковъ озаботиться о внесеніи платы за второе полугодіе, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ.

№ 6.

С.-Петербургъ. 1913 годъ.

4-5 № „НАШЕЙ ЗАРИ“ конфискованъ за напечатаніе ст. *В. Левицкаго*: „Годъ борьбы“. Редакторъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“, Средняя Подъяческая 4. Тел. 520-32.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Л. Мартовъ. Бельгійскій опытъ 3

В. Майскій. Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія на Западѣ 12

Квадратъ. Сознаніе и чувство въ рабочемъ движеніи 21

Вл.-Р—въ. Изъ партійнаго прошлаго (по личнымъ воспоминаніямъ 31

Н. Рожковъ. Современное положеніе аграрнаго вопроса въ Россіи 39

В. Косовскій. Польско-Еврейскія отношенія 45

Раф. Григорьевъ. В. Г. Короленко 57

А. Потресовъ. Критическіе наброски. (О литературѣ безъ жизни и жизни безъ литературы) 65

М. Донецкій. О томъ, что было 75

В. Левицкій. Изъ иностранной соціалистической печати 80

Ст. Ивановичъ. На гигіенической выставкѣ 86

Августъ Бебель. 93

Объявленія.

Сознаніе и чувство въ рабочемъ движеніи.

По мѣрѣ того, какъ растетъ западно-европейское рабочее движеніе, усложняются и тѣ задачи, которыя стоятъ передъ пролетаріатомъ на пути его дальнѣйшей борьбы. Каждое столкновеніе труда и капитала носитъ болѣе длительный характеръ и принимаетъ все болѣе грандіозныя формы. И несмотря на это, нѣкоторымъ людямъ кажется, что рабочее движеніе на Западѣ идетъ слишкомъ медленнымъ темпомъ къ царству великаго будущаго. А разъ признавъ эту медленность движенія, вполнѣ понятно, у этихъ людей является желаніе найти виновниковъ этой медлительности и попутно съ этимъ дать какой-нибудь рецептъ, примѣненіе котораго могло бы сократить время перехода къ соціалистическому строю.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ чрезвычайнаго вниманія помѣщенная въ № 5 „Завѣтовъ“, яркая и талантливая статья Ст. Вольскаго.

Въ этой статьѣ, блестящей по формѣ, авторъ останавливается на жизни квалифицированнаго, хорошо оплачиваемаго, западно-европейскаго рабочаго. Онъ рисуетъ быть и обстановку, въ которой живетъ такой квалифицированный англійскій рабочій. Вся эта обстановка не имѣетъ, конечно, ни малѣйшаго сходства съ той безысходной нищетой англійскаго пролетарія той эпохи, когда Энгельсъ писалъ свое знаменитое „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“. Здѣсь на лицо и домашній комфортъ, и садикъ съ клумбами около дома, и приличный сюртукъ на плечахъ хозяина благоденствующей рабочей семьи. Все это настраиваетъ рабочаго на мирный, спокойный ладъ, вытравливая его непримиримость.

Такимъ образомъ не измѣняя на словахъ своимъ соціалистическимъ убѣжденіямъ, таковой рабочій постепенно утрачиваетъ революціонный пылъ прошлаго и переходитъ на стезю умѣренности и аккуратности, т. е. не измѣняя на словахъ, онъ на дѣлѣ измѣняетъ революціонному соціализму и является поэтому тормазомъ для дальнѣйшаго движенія впередъ. Такихъ рабочихъ, по словамъ автора, въ одномъ Лондонѣ „сотни тысячъ“, но это же явленіе наблюдается, по его словамъ, въ Австріи, въ Германіи и во Франціи, словомъ вездѣ, гдѣ капитализмъ принимаетъ болѣе законченныя и развитыя формы. Всѣхъ такихъ рабочихъ Ст. Вольскій называетъ „блудными сынами соціализма“. Онъ напоминаетъ евангельскую притчу: сначала блудный сынъ ушелъ изъ дома родительскаго, дабы пѣть по дорогамъ хмельныя мятежныя пѣсни, но затѣмъ остепенился, увидѣвъ какъ грязны лохмотья его сотоварищей и вотъ онъ возвращается въ родительскій домъ, дабы успокоиться на лонѣ сытаго благополучія.

Это успокоеніе, по мнѣнію Вольскаго, проявляется, между прочимъ, въ томъ, что со своими кооперативами и союзами, европейскій рабочій вростаетъ въ рамки существующаго капиталистическаго строя. Онъ привыкаетъ бороться съ буржуазіей на основѣ ея же буржуазнаго права собственности. Это накла

дываетъ отпечатокъ но его мышленіе и поэтому, считая буржуазное право на словахъ фикціей, т. е. явленіемъ существующимъ только въ воображеніи, онъ беретъ эту фикцію за исходный пунктъ, приходя, такимъ образомъ, къ дальнѣйшему примиренію съ буржуазнымъ строемъ. Утѣшеніемъ для автора является только то, что весь рабочій классъ не можетъ пріобщиться къ этимъ благамъ настоящаго, а посему тѣ кадры рабочихъ, которымъ, даже при желаніи не удается пристроиться къ благополучію меньшинства, опрокинутъ всю умѣренность и аккуратность настоящаго. При этомъ революціонная волна унесетъ на своемъ хребтѣ всѣхъ этихъ уравновѣшенныхъ соціалистовъ.

Здѣсь Ст. Вольскій выдвигаетъ тотъ методъ борьбы, который, по его мнѣнію, можетъ ускорить движеніе. „Соціалистическое сознаніе неизбѣжно будетъ бездѣятельно и боязливо, если оно не вдохновляется бозсознательнымъ соціализмомъ чувства. Вотъ этотъ-то „соціализмъ чувства и утерянъ блудными сынами“,—говоритъ онъ. Въ моментъ общихъ активныхъ выступленій, коллективъ живетъ единой жизнью и уничтожается разница между „я“ и „ты“. И въ этомъ отношеніи искусство и поэзія, — для пробужденія чувствъ — имѣетъ въ рабочемъ движеніи такое же важное значеніе, какъ экономическое изслѣдованіе о положеніи рабочаго класса. Затѣмъ Ст. Вольскій идетъ дальше. Онъ полагаетъ, что готовясь къ борьбѣ нельзя математически точно исчислять благопріятныхъ шансовъ побѣды, а потомъ опускать кулакъ, а, признавая важность и „соціализма чувствъ“, необходимо рискнуть и на „неразсчетливый героизмъ“, лишь бы только показать величіе пролетарскаго духа. И онъ съ нескрываемой ядовитой ироніей говоритъ о „трезвомъ разсудкѣ“, который непремѣнно взвѣшиваетъ и учитываетъ будущіе результаты борьбы. Вольскаго не смущаетъ будущая неудача того или иного выступленія, разъ будетъ въ этомъ выступленіи героическій примѣръ для будущаго. „Какъ практическая программа, парижская коммуна 1871 г. была великимъ заблужденіемъ“, но „какъ выявленіе силъ и способностей коллективнаго „я“ она была великой правдою“. Она показала міру какъ можно ошибаться, но зато она и показала ему, до какихъ высотъ подвига можетъ дойти человѣкъ, когда онъ пытается разрѣшать міровыя задачи“. Итакъ, по мнѣнію Вольскаго, можно идти заранѣе на возможную неудачу, имѣя въ виду получить лишній „символъ“ и образецъ человѣческаго героизма. Таковъ конечный выводъ этой любопытной статьи.

Въ нарисованной картинѣ западно-европейскаго рабочаго движенія Ст. Вольскій отмѣтилъ всѣ явленія, существованіе которыхъ отрицать нельзя. Но есть громадная разница между картиной нарисованной художникомъ-реалистомъ, внимательно относящимся къ каждой бытовой мелочи и картиной, нарисованной художникомъ-импрессіонистомъ. Послѣдній не интересуется цѣлымъ рядомъ подробностей; онъ весь подчиняется какому-нибудь главному центральному впечатлѣнію и, изображая представленія его волнующія на картинѣ, онъ затушевываетъ и только блѣдно намѣчаетъ все остальное. Ст. Вольскаго тоже можно причислить къ категоріи импрессіонистовъ. Въ нарисованной имъ картинѣ совершенно произвольно наложены свѣтъ

и тѣни, а посему очень многое почти опускается, а нужное для него—выдвигается на первый планъ.

Прежде всего необходимо сказать, что сама притча о блудномъ сынѣ крайне неудачна. Блудный сынъ первоначально уходитъ изъ родительскаго крова, дабы потомъ вновь возвратиться. Но откуда, изъ какого благополучія ушелъ западный пролетарій? Онъ вышелъ изъ ужасныхъ условій эпохи 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія къ настоящему времени, когда положеніе его сравнительно улучшилось. Только и всего. Возвратъ въ буржуазный станъ характеренъ для соціалистическихъ интеллигентовъ, вышедшихъ когда то изъ этого стана, но причемъ же пролетаріатъ, который на стезѣ благополучія раньше никогда и не пребывалъ, а поэтому ему не къ кому и возвращаться? Это вопервыхъ. Во-вторыхъ, вѣрно ли авторъ обрисовываетъ квалифицированный англійскій пролетаріатъ? Вѣдь, если бы дѣло касалось чиновниковъ рабочаго движенія, т. е. старыхъ вождей англійскихъ тредъ-юніоновъ, тогда это не являлось бы новостью. О томъ, какъ постепенно тотъ или иной секретарь трэдъ-юніона, отрываясь отъ своей рабочей среды, проникается умѣренностью и усваиваетъ привычки и навыки буржуа,—обо всемъ этомъ уже написаны замѣчательныя страницы у Вебба въ его послѣдней главѣ „Исторія англійскаго рабочаго движенія". Но тутъ уже дѣло идетъ не о секретаряхъ союзовъ, которые тормозили грандіозное стачечное движеніе въ Англіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Нѣтъ, есть вещи посерьезнѣе этого, ибо Ст. Вольскій говоритъ, что обмѣщанившихся рабочихъ въ одномъ Лондонѣ „сотни тысячъ". Дѣло идетъ, слѣдовательно, о серьезномъ сдвигѣ въ рабочемъ движеніи.

Но какъ же при этомъ сопоставить то грандіозное столкновеніе труда и капитала, которое было въ Англіи въ 1911 и 1912 гг., когда остановившаяся жизнь Лондона, по свидѣтельству очевидцевъ, напоминала петербургскую стачку 1905 г.

И не только эти факты заставляютъ относиться подозрительно къ картинѣ нарисованнаго Вольскимъ „сдвига" сотенъ тысячъ пролетаріевъ къ мѣщанству. Мы имѣемъ мнѣніе Уэльса, который, во всякомъ случаѣ, не меньше Ст. Вольскаго знаетъ бытовую сторону жизни англійскихъ рабочихъ. И вотъ что говоритъ Уэльсъ: „настроеніе рабочихъ классовъ радикально измѣнилось за послѣднее время". Въ то время, какъ Вольскій говоритъ, что англійскій рабочій, борясь на почвѣ буржуазнаго права, утрачиваетъ стремленіе къ борьбѣ противъ этого права вообще, Уэльсъ, наоборотъ, говоритъ о рѣшительномъ сдвигѣ революціоннаго характера. „Новый рабочій подвергъ суду всю соціальную систему и вынесъ обвинительный приговоръ". Подозрительность англійскаго рабочаго новой формаціи,—говоритъ далѣе Уэльсъ,—такъ велика, что онъ перестаетъ вѣрить не только въ предпринимателя, но также и въ то, что законъ или парламентъ могутъ улучшить положеніе трудящихся массъ. „Англійскій рабочій домыслилъ объ общей стачкѣ, о преступной стачкѣ, если мы ее сдѣлаемъ таковою примѣненіемъ репрессивныхъ мѣръ". *Прим.* Цитировано по ст. Діонео. Итакъ, гдѣ Вольскій видитъ сдвигъ вправо, тамъ Уэльсъ видитъ сдвигъ влѣво. Тамъ, гдѣ Вольскій видитъ примиреніе съ буржуазнымъ правомъ,

Уэльсъ видитъ какъ разъ обратное: рѣзкое отрицаніе этого буржуазнаго права, какъ таковаго. Точно два путешественника одинъ съ горы, другой въ гору, встрѣчаются на одномъ и томъ же пунктѣ Вольскій и Уэльсъ. Въ результатѣ одинъ увѣряетъ, что очень холодно, а другой говоритъ, что очень жарко.

Больше всего смущаетъ Ст. Вольскаго то обстоятельство, что на почвѣ борьбы за ближайшіе интересы рабочій классъ вынужденъ оперировать тѣмъ самымъ правомъ, которое выработано буржуазными юристами и государственниками настоящаго времени. А между тѣмъ въ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго. Рабочій классъ, прежде всего, старается использовать въ своихъ интересахъ всѣ буржуазно-либеральныя права, въ завоеваніи которыхъ онъ принималъ когда-то участіе. И понятно въ Англіи, гдѣ этихъ правъ у пролетаріата больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, тамъ рабочее движеніе нѣсколько десятилѣтій могло развиваться и расти, по выраженію одного публициста, безъ „трагическихъ декорацій“. Но вотъ положеніе англійской буржуазіи на міровомъ рынкѣ расшатывается и тогда эти права дѣлаются не совсѣмъ удобными для англійскаго буржуазнаго либерализма. Тогда начинается періодъ исканія правовыхъ зацѣпокъ, дабы остановить ростъ англійскаго рабочаго движенія. Въ Англіи, какъ извѣстно, судебный процессъ создаетъ прецедентъ и играетъ роль закона. Возникаетъ знаменитое дѣло о желѣзнодорожной стачкѣ въ долинѣ Таффа. Секретаря рабочаго союза притягиваютъ къ суду за убытки, нанесенные предпринимателямъ. Такимъ образомъ, наступаетъ моментъ столкновенія англійскаго пролетаріата и буржуазіи; исходнымъ пунктомъ борьбы является толкованіе существующаго права. Въ отвѣтъ на попраніе либеральной буржуазіей этого права профессіональныхъ союзовъ вести безпрепятственно экономическую борьбу, англійскій пролетаріатъ рѣшаетъ усилить свое собственное представительство въ парламентѣ, а такъ какъ для этого требуются средства, то англійскіе профессіональные союзы отчисляютъ на парламентское представительство рабочаго класса, т. е. на политическія цѣли соотвѣтствующія средства. Тогда борьба еще болѣе обостряется. Буржуазія стряпаетъ извѣстное дѣло Осборна, дабы воспрепятствовать рабочимъ союзамъ примѣнять свои денежныя средства для политической организаціи пролетаріата.

Мы видимъ, что даже въ такой странѣ, гдѣ по мнѣнію представителя англ. соц.-дем. Гайндмана „принципы соціализма могутъ быть проведены сравнительно мирно“ и тамъ борьба обостряется. Старыя представленія о правахъ рушатся; въ результатѣ ростъ соціализма и три величайшихъ стачки: докеровъ, желѣзнодорожниковъ и углекоповъ. Поэтому всякіе страхи, въ родѣ того, какъ бы часть пролетаріата не задержала бы поступательное шествіе къ соціализму, совершенно напрасны, ибо рано или поздно, но наступаетъ моментъ, когда даже и въ Англіи, въ этой странѣ съ отвинченнымъ предохранительнымъ клапаномъ, начинается жестокая классовая борьба.

Рабочее движеніе идетъ путемъ мирнаго развитія, пока не натыкается на препятствія или экономическаго, или политическаго характера. Германскій пролетаріатъ, напр., сейчасъ уси-

ленно обсуждаетъ вопросъ о томъ, какъ смести отсталую прусскую избирательную систему, а это должно привести нѣмецкихъ рабочихъ къ необходимости борьбы противъ существующаго права.

Борьба и за расширеніе права, и за использованіе его—это двѣ стороны пролетарскаго движенія. Недаромъ Каутскій предвидитъ возможное начало соціальной революціи съ момента оборонительнаго для пролетаріата, когда, напр., всеобщее избирательное право, вдругъ передастъ власть въ руки пролетаріевъ и тогда буржуазіи придется бороться противъ этого уже невыгоднаго для нея права.

Перейдемъ теперь къ центральному пункту разсужденія Ст. Вольскаго: о необходимости развитія въ пролетаріатѣ не только соціализма сознанія, но и «соціализма чувствъ». Прежде всего необходимо сказать, чувство возмущенія гораздо сильнѣе и длительнѣе при наличности развитаго сознанія. Кромѣ того, само чувство возмущенія несправедливостью выростаетъ по мѣрѣ роста препятствій на пути физическому и духовному развитію пролетаріата. Возьмемъ любой историческій фактъ изъ западно-европейскаго движенія и мы увидимъ, что въ каждомъ случаѣ возмущенія были, прежде всего, причины ближайшаго характера, толкавшія пролетаріатъ на путь борьбы.

Поводомъ къ возмущенію ліонскихъ ткачей въ 1831 г. было пониженіе заработной платы съ 6—4 франк. до 1 фр. при 18-ти часов. трудѣ. Исходнымъ пунктомъ парижскихъ іюньскихъ дней 48-го года было закрытіе національныхъ мастерскихъ и грозящая безработица. Чартистскому движенію въ Англіи предшествуетъ нищета и раззореніе рабочихъ. Январьская драма пятаго года началась съ требованія довольно скромнаго характера: принятія обратно нѣсколькихъ уволенныхъ рабочихъ.

У насъ сейчасъ ростъ обществъ фабрикантовъ и заводчиковъ съ одной стороны, и преслѣдованіе экономическихъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ — съ другой, обостряя противорѣчія, ведетъ къ неизбѣжной борьбѣ за коалиціонное право. Притѣсненіе рабочей печати — ведетъ къ борьбѣ за свободу печати.

Можно было бы удлинить эти примѣры до безконечности. И вездѣ мы увидѣли бы, что фантастическая идея устройства возстаній для того только, чтобы дать „символъ“ для будущаго, — такая идея могла зародиться у человѣка съ сильно повышенной нервозностью, коему хотѣлось бы скорѣе прыгнуть въ царство свободнаго будущаго.

Никогда и нигдѣ рабочія массы къ такимъ экспериментамъ не прибѣгали. И чѣмъ сильнѣе организуется капиталъ, тѣмъ большаго вниманія къ предстоящей борьбѣ требуется отъ пролетаріата. Для анархо-синдикализма это взвѣшиваніе результатовъ борьбы—скучная матерія. Онъ говоритъ: дѣйствуйте, а если будетъ пораженіе, то за то останется примѣръ героизма и однимъ „символомъ“ борьбы будетъ больше! На это анархистское разсужденіе „трезвый“ пролетарій скажетъ: неужели вамъ мало „символовъ“ въ движеніи, т. е. примѣровъ героизма въ прошломъ?

Въ самомъ дѣлѣ вся исторія человѣчества—исторія борьбы классовъ, т. е. исторія побѣдъ и пораженій. И если нужны при-

мѣры героизма, то ихъ всегда достаточно безъ всякой спеціальной фабрикаціи. Во время великой французской революціи примѣры героизма брались изъ римской исторіи. Имена Гракховъ были на устахъ Бабефа и его друзей. Это вліяніе „символовъ" римской исторіи замѣтно у Шиллера въ первый революціонный періодъ его творчества: „Когда я читаю Плутарха, какъ мнѣ становится гадокъ этотъ чернильный вѣкъ", — говоритъ Карлъ Мооръ въ „Разбойникахъ". Во время послѣдующихъ западныхъ революцій брались примѣры изъ великой французской революціи. „Символы" прошлаго живутъ въ сознаніи передового человѣчества. Борясь съ народничествомъ, съ его теоріей и тактикой, Плехановъ, еще въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, призывалъ къ почтенію памяти героической группы интеллигенціи 70-хъ годовъ. У насъ, въ пятомъ году популярные ораторы жили „символами" западнаго движенія и давали себѣ имена: Бебеля, Лассаля и Жореса. И всѣ эти „символы" приходятъ сами собой въ процессѣ столкновенія классовъ, а не создаются со спеціальными нравоучительными цѣлями. Но эта власть символовъ прошлаго имѣетъ также свою отрицательную сторону. Революціонный романтизмъ въ такихъ случаяхъ идеализируетъ прошедшій историческій періодъ. Объ этомъ такъ блестяще писалъ К. Марксъ въ своей исторической брошюрѣ „18 брюмера": „традиціи всѣхъ мертвыхъ поколѣній кошмаромъ тяготѣютъ надъ умами людей". Въ эпохи революціонныхъ кризисовъ такіе люди—говоритъ Марксъ—„призываютъ себѣ на помощь духовъ прошедшаго, заимствуютъ у нихъ имена, лозунги борьбы, костюмы, чтобы въ этомъ освѣященномъ вѣками одѣяніи и на этомъ заимствованномъ языкѣ разыгрывать новыя пьесы міровой исторіи".

Возьмемъ величайшій въ XIX стол. „символъ" героизма — парижскую коммуну. Вольскій говоритъ, что „какъ практическая программа она была великимъ заблужденіемъ", а какъ выявленіе силъ и способностей пролетаріата—„великой правдой". Намъ кажется, что такъ вопросъ ставить нельзя. Прежде всего парижская коммуна была при тѣхъ условіяхъ явленіемъ неизбѣжнымъ. Она возникла изъ идеи національной обороны въ тотъ моментъ, когда пруссаки стояли подъ Парижемъ. Ненависть къ виновникамъ капитуляціи и къ національному собранію, — вотъ исходный пунктъ парижскаго возстанія. Затѣмъ, чувство имѣло также, какъ и въ другихъ возстаніяхъ, ближайшій поводъ для возмущенія. Во время осады парижскіе рабочіе, организованные въ національную гвардію, получали по 30 су въ день за свою службу дѣлу обороны. И вотъ, по свидѣтельству одного изъ историковъ соціальнаго движенія во Франціи, Вейля „уничтоженіе 30 су произвело на рабочихъ 1871 г. такое же впечатлѣніе, какъ закрытіе національныхъ мастерскихъ на рабочихъ 1848 г.". Правда, коммуна была, по выраженію Маркса, „рычагомъ" для будущаго переворота, но какъ говоритъ тотъ же Вейль „мотивомъ обращенія къ оружію былъ не соціализмъ". Новѣйшіе историки коммуны всѣ согласны съ этимъ положеніемъ. Дюбрейль говоритъ, что во время коммуны былъ только „безсознательный соціализмъ". Ганото говоритъ, что соціализмъ коммуны былъ „скорѣе, какъ инстинктивное стремленіе, чѣмъ ясная мысль".

Между тѣмъ по Вольскому выходитъ, будто парижскіе рабочіе поставили себѣ опредѣленную цѣль, которая съ точки зрѣнія ближайшей практической программы была „великимъ заблужденіемъ". Мы уже видѣли, что чувство возмущенія въ возстаніи 1871 г. вызывалось ближайшими причинами и сознательно парижскій пролетаріатъ „великимъ заблужденіямъ" не предавался, а проведенныя коммуной мѣропріятія говорятъ не о соціализмѣ, а скорѣе о соціальныхъ реформахъ. И, тѣмъ не менѣе, она конечно была „рычагомъ" для будущаго, ибо все-таки это было правительство пролетаріата, хотя марксисты въ этомъ правительствѣ и были въ меньшинствѣ.

Теперь необходимо остановиться еще на одномъ важномъ обстоятельствѣ, упущенномъ Вольскимъ. Пораженія въ борьбѣ имѣютъ и свои рѣзко отрицательныя стороны, которыя Вольскій совершенно не принимаетъ во вниманіе. Парижская коммуна также имѣетъ эту оборотную сторону медали, скрытую Вольскимъ отъ глазъ читателя. Никто иной, какъ Гедъ въ 1879 г. писалъ: „соціалистическая партія во Франціи, истощенная кровавыми днями коммуны, отстала въ своемъ развитіи отъ такихъ же партій заграницей". Вольскому не нравится это постоянное взвѣшиваніе результатовъ борьбы. Оно ему кажется явленіемъ „мѣщанства". Но вотъ въ Рурскомъ бассейнѣ происходитъ стачка нѣмецкихъ углекоповъ въ 1911 г. Она вызвана чрезвычайнымъ вздорожаніемъ жизни. Стачка была необходимостью, а не всышкопускательствомъ; и тѣмъ не менѣе углекопы потерпѣли пораженіе. По поводу этого дѣятель союза углекоповъ говоритъ: „Если бы вы знали, какое угнетенное впечатлѣніе рурская стачка произвела на широкую массу пролетаріата. Эти систематическія неудачи лишаютъ насъ бодрости, заставляютъ сомнѣваться въ пользѣ организацій" (В. Майскій. Трагедія нѣмецкихъ углекоповъ въ жур. „Русск. Бог.").

Такимъ образомъ рецептъ ускоренія соціальнаго движенія рабочихъ массъ, предложенный Вольскимъ, ведетъ къ безнадежному авантюризму. При русскихъ условіяхъ такой способъ дѣйствій привелъ бы къ дальнѣйшей дезорганизаціи движенія, ибо въ нашемъ движеніи какъ разъ еще не хватаетъ достаточныхъ элементовъ сознанія, а соціализма чувства хоть отбавляй. Объ этомъ заботятся власти предержащія, которыя своими дѣйствіями постараются начинить цѣлый пороховой погребъ возмущенія.

Обвиняя квалифицированный западный пролетаріатъ въ смертныхъ грѣхахъ, Ст. Вольскій не учитываетъ всѣхъ сложныхъ условій классовой борьбы. Онъ напоминаетъ нетерпѣливаго пассажира, который торопится выйти на свѣжій воздухъ. Поѣздъ уже вошелъ въ вокзалъ. Пассажиръ торопится выскочить, но проходъ изъ вагона на платформу не настолько широкъ, чтобы выйти сразу. Нетерпѣливый пассажиръ начинаетъ нервничать: „Чего вы тамъ застряли", кричитъ онъ на идущихъ впереди. Тѣ резонно отвѣчаютъ, что это зависитъ не отъ нихъ, а отъ условій выхода изъ вагона и что впереди тоже двигаются медленно. Но пассажиръ уже раздраженъ и свое чувство возмущенія выливаетъ на впереди идущихъ пассажировъ. Отъ этого нетерпѣнія не избавленъ даже и Лассаль, когда онъ увидѣлъ, что борьба

за всеобщее избирательное право въ Германіи принимаетъ затяжной характеръ. А о Бакушинѣ нечего и говорить. Умирая, онъ скептически относился къ западно-европейскому рабочему движенію, обвиняя его какъ разъ въ тѣхъ же грѣхахъ, о которыхъ говоритъ и Ст. Вольскій. Но еще за пять лѣтъ до смерти, какъ разъ во время коммуны, Бакушинъ писалъ о французскомъ пролетаріатѣ: „Я не вѣрю больше въ революціи во Франціи; этотъ народъ совершенно утратилъ свой революціонный духъ; онъ превратился въ такого же доктринера, резонера и буржуа, какъ и сами буржуа".

Но неужели такъ-таки никакихъ дефектовъ въ западно-европейскомъ движеніи не существуетъ?—спроситъ иной читатель.

Конечно есть. Вѣдь бури и серьезныя столкновенія смѣняются періодомъ относительнаго затишья. Тогда жизнь пролетарія входитъ въ мирныя будничныя рамки и можетъ и сить совершенно сѣренькій характеръ.

Тогда возможенъ конфликтъ между личными и общественными интересами. Въ этомъ смыслѣ вся другая часть разсужденій Ст. Вольскаго, т. е. вопросъ о томъ, съ какимъ запасомъ чувствъ и настроеній двигается пролетаріатъ къ великому будущему, — заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Современный капиталъ, переходя въ высшую стадію своего развитія — капиталъ финансовый — учитываетъ это обстоятельство. „Во всякій данный моментъ личный интересъ отдѣльныхъ рабочихъ вступаетъ въ конфликтъ съ длительными интересами рабочаго класса, — говоритъ Гильфердингъ. Организація требуетъ извѣстныхъ жертвъ: взносовъ, затраты времени, готовности къ борьбѣ. Кто сторонится организаціи, тому покровительствуетъ предприниматель и того не касаются конфликты, безработица... Вообще говоритъ этотъ крупный ученый соц. демокр. — предприниматель старается использовать антагонизмъ между личнымъ и классовымъ интересомъ". („Финансовый капиталъ" стр. 541).

Это обстоятельство необходимо учитывать и стремиться натиску капитализма противопоставить упорную культурную работу надъ развитіемъ и соціализма чувствъ и соціализма сознанія.

Но по этому пути какъ разъ сейчасъ и идетъ западно-европейское движеніе. Развитіе просвѣтительныхъ учрежденій въ западныхъ государствахъ замѣчается всюду. Опасность измельчанія движенія при будничной обстановкѣ никѣмъ не отрицается. Задачи культурныя ярко были формулированы В. Адлеромъ: „Чтобы партія не измельчала, мы должны во чтобы то ни стало со всей энергіей взяться за углубленіе ея просвѣтительной работы". И эта культурная работа приводитъ прежде всего къ организаціи и воспитанію юношества, ибо въ юные годы гармонично, какъ никогда, проявляется у человѣка сознаніе и воля.

Демократизація университетской науки въ Англіи, демократизація театра, а также искусства и литературы, вообще въ Австріи, Германіи и Бельгіи, — все это показатели усиленной работы носителей будущаго надъ своей собственной культурой. И какъ жадно западно-европейскій пролетарій стремится къ этому свѣту знанія, показываютъ интересныя данныя, приводимыя въ статьѣ С. Руднянскаго, появившейся одновременно

со статьей Вольскаго (Совр. М., V. 1913). Д-ромъ Левенштейномъ былъ поставленъ нѣмецкимъ рабочимъ въ спеціальной анкетѣ вопросъ: „Что бы вы сдѣлали, имѣя достаточно для себя досуга? Что пріобрѣли бы Вы, имѣя въ своемъ распоряженіи необходимыя средства для удовлетворенія вашихъ желаній"? И подавляющее большинство отвѣтовъ говорило о неистребимой жаждѣ знанія. „Если бы я обладалъ достаточнымъ для себя досугомъ, я бы сѣлъ и прилежно уткнулъ бы носъ въ книги". „Я бы могъ—пишетъ рабочій металлистъ собраться съ мыслями". Другой рабочій металлистъ пишетъ: „Я посвящу себя тогда наукѣ, а именно философіи и естествознанію. Книги: философы-классики: Спиноза, Кантъ, Гегель и т. д. Естествознаніе: Дарвинъ, Геккель, Оствальдъ, Ферворнъ. Также по литературѣ (нѣмецкіе классики), творенія всемірнаго человѣческаго генія: Гёте, Шиллеръ и т. д". Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ перечислить еще рядъ цѣнныхъ и любопытныхъ отвѣтовъ, но всѣ они говорятъ, во-первыхъ, о большихъ запросахъ, а во-вторыхъ—о разнообразіи индивидуальностей въ нѣмецкой рабочей средѣ: одинъ интересуется астрономіей, другой желалъ бы получить музыкальное образованіе и постигнуть красоты музыкантовъ-классиковъ, третій—изучить философію и т. д. И замѣтьте въ этихъ отвѣтахъ принималъ участіе, какъ и квалифицированный, такъ и неквалифицированный рабочій. Какъ понятна для россійскаго передоваго рабочаго эта жажда знанія при наличности хотя бы даже и девяти часового рабочаго дня. Въ огромномъ большинствѣ отвѣтовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ *соціальныя* науки, потому что идеалъ будущаго общественнаго строя—это главное чѣмъ живетъ прозрѣвшій западно-европейскій пролетарій. „Обвиненіе въ мѣщанствѣ построено, на весьма шаткихъ основаніяхъ",—заключаетъ совершенно правильно, на основаніи этой анкеты С. Руднянскій.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не звучитъ тоска по лучшей возвышенной жизни, въ такомъ напр., отвѣтѣ: „Я бы исключительно посвятилъ себя наукѣ. Отъ высоты уровня образованія рабочаго класса зависитъ не только скорѣйшее его освобожденіе и благосостояніе, но и благосостояніе всего человѣчества. Я вовсе не хочу обезпечить себѣ личную выгоду благодаря моему знанію, но все должно быть для коллектива, ибо лишь участіе въ общемъ дѣлѣ является одновременно основой личнаго блага".

Конечно и въ Западной Европѣ эта работа надъ развитіемъ одновременно соціализма сознанія и чувства далеко не закончена. На пути главныя препятствія: чрезвычайная напряженность труда, требующая дальнѣйшаго сокращенія часовъ рабочаго дня, и остановка въ повышеніи или даже пониженіе реальной заработной платы. Но все же ростъ рабочей культуры въ Европѣ сдѣлалъ за послѣднюю четверть вѣка громадные успѣхи.

У насъ въ Россіи ростъ сознанія опережается ростомъ чувства непосредственнаго возмущенія. А между тѣмъ было бы ошибочно думать, что одинъ соціализмъ чувства спасаетъ отъ жизненнаго прозябанія. Никакіе „символы" прошлаго не помогутъ, если у пролетарія не имѣется въ наличности соотвѣтствующаго запаса культуры. Въ русской дѣйствительности это

особенно подчеркивается ярко. Сегодняшній „соціалистъ чувства", принимающій крайнюю резолюцію, совершенно не принимаетъ участія въ планомѣрной экономической борьбѣ и даже не состоитъ членомъ союза. И обратно: вчерашніе штрейкбрехеры, сорвавшіе стачку, вдругъ проникаются чувствомъ возмущенія противъ смертной казни и участвуютъ въ стачкѣ-протестѣ. Но послѣ этого протеста они все-таки остаются въ предпріятіи въ качествѣ штрейкбрехеровъ.

Для того, чтобы развитіе рабочаго самосознанія приносило свои плоды, необходима законченная всесторонняя культура. Для пріобрѣтенія этой законченной культуры и наука и искусство имѣютъ значеніе равноцѣнное. И если Ст. Вольскій хочетъ подчеркнуть ихъ равноцѣнность, то онъ, въ данномъ случаѣ, совершенно правъ. И для россійскаго рабочаго движенія также важно всегда подчеркивать: законченную культуру рабочій получаетъ только тогда, когда, кромѣ сочиненій по политической экономіи, его интересуетъ литература и искусство. И мы прямо должны сказать: чтеніе какой-нибудь геніальной статьи Бѣлинскаго или лучшихъ страницъ Герцена, подымающихъ духъ нашъ въ область глубокихъ человѣческихъ переживаній, не менѣе важно, какъ и чтеніе трактата по политической экономіи. „Пѣснь о соколѣ" М. Горькаго имѣетъ для развитія чувствъ такое же значеніе, какъ статья о паденіи реальной заработной платы для развитія самосознанія. Тотъ, кто не усвоитъ себѣ этой истины и не будетъ ее проповѣдывать рабочему юношеству, тотъ будетъ стоять на ложномъ пути, ибо тѣ ростки солидарности, которыя подымаются и растутъ въ душѣ рабочей молодежи, поднимутся высоко и дадутъ болѣе пышные плоды, если, вмѣстѣ съ изученіемъ соціальныхъ наукъ, эти ростки будутъ культивироваться поэзіей и литературой.

Задача, стоящая передъ міровымъ соціалистическимъ движеніемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и задача нашего движенія. Объединенные возмущеннымъ чувствомъ къ угнетателямъ, пролетаріи всѣхъ странъ нуждаются въ дальнѣйшемъ закрѣпленіи своего коллектива духомъ братства и товарищескихъ чувствъ при взаимномъ общеніи. Духъ конкуренціи по отношенію къ другъ другу, столь характерный для стараго буржуазнаго міра, долженъ замѣниться чувствомъ соревнованія.

„То сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть"—говоритъ поэтъ. Но можно съ такимъ-же правомъ сказать и обратно: чувство любви и взаимнаго пониманія, которое необходимо развивать въ рабочемъ съ его юныхъ лѣтъ, будетъ усиливать чувство ненависти и гнѣва къ угнетателямъ. Тогда духъ „святого безпокойства" ни при какихъ условіяхъ не отойдетъ отъ отдѣльныхъ, поставленныхъ въ лучшія условія, группъ рабочаго класса.

Самоубійство безработнаго, скорбь угнетенной и порабощенной женщины, плачъ фабричныхъ дѣтей,—на все отзовется душа мыслящаго рабочаго; все будетъ зажигать его сердце огнемъ возмущенія противъ капиталистическаго строя жизни.

Эти задачи движенія со всей своей чуткостью понялъ передовой авангардъ нашего движенія: корреспонденты рабочихъ

газетъ и профессіональныхъ журналовъ, призываютъ не только къ борьбѣ, но и къ достойному повседневному существованію.

Необходимо, чтобы въ царство соціализма всемірный пролетаріатъ пришелъ не съ пустыми руками, а принесъ бы начальные ростки будущей міровой гармоніи. „Церковь будущаго“— это не равенство всеобщаго мѣщанскаго благополучія какъ говорятъ враги пролетаріата. Нѣтъ,—это будетъ будущее царство взаимнаго братства. Вотъ почему соціализмъ явится величайшею ступенью въ развитіи человѣчества.

Квадратъ.

Изъ партійнаго прошлаго.

(Личныя воспоминанія).

Второй съѣздъ росс. соц.-дем. раб. партіи созывался дважды. Мнѣ пришлось оба раза участвовать въ его организаціи. Первая, неудачная, попытка созвать съѣздъ была сдѣлана въ 1900 году по иниціативѣ Екатеринославскаго комитета. Въ то время я жилъ въ Смоленскѣ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи и велъ оттуда оживленныя сношенія съ «работавшими», какъ мы выражались, на югѣ товарищами. Въ Смоленскѣ находилась тогда типографія «Южнаго Рабочаго», весь персоналъ которой, къ слову сказать, состоялъ изъ «поднадзорныхъ». Благодаря исключительной глупости жандармскаго полковника, поднадзорное состояніе не мѣшало намъ ни организовать типографію, ни принимать дѣятельное участіе въ транспортировкѣ заграничной литературы, и Смоленскъ былъ по тому времени довольно значительнымъ центромъ всякаго рода конспирацій.

Помню, ранней весной 1900 г., въ мою квартиру часовъ въ 6 утра явился тов. Андрей, мой большой пріятель, на которомъ лежала вся «конспиративная часть работы группы «Южнаго Рабочаго». На этотъ разъ мой милый Андрей былъ грязнѣе и нетерпѣливѣе обыкновеннаго. Съ мѣста въ карьеръ онъ повелъ такой разговоръ: Я къ вамъ по дѣлу».

— Знаю, что по дѣлу: умойтесь и дайте мнѣ одѣться.

— Умываться мнѣ некогда, а одѣваться вы можете, если это не мѣшаетъ вамъ слушать внимательно. Дѣло вотъ въ чемъ: черезъ мѣсяцъ состоится второй съѣздъ нашей партіи. Мѣсто и время съѣзда точны назначены: съѣздъ состоится у васъ въ Смоленскѣ, 7-го мая.

Тов. Андрей находился тогда въ состояніи вѣчнаго Sturm und Drang'a, (бури и натиска) и я привыкъ въ его обществѣ къ отчаянному образу дѣйствій, но при этомъ сообщеніи, признаюсь, ботинокъ, который я натягивалъ, выпалъ изъ моихъ рукъ.

«Вы съума сошли, Андрей,—вѣдь здѣсь наша типографія, вѣдь здѣсь у меня нѣтъ никакихъ знакомствъ, кромѣ поднадзорныхъ да солдатъ мѣстнаго гарнизона. Вѣдь не въ казармѣ же Капорскаго полка вы будете устраивать съѣздъ.

Андрей и самъ прекрасно понималъ всю невозможность этой затѣи но именно, поэтому, онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ: «теперь поздно разсуждать. Вашъ конспиративный адресъ разосланъ повсюду. Перемѣнить мѣсто мы не успѣемъ. Слѣдовательно, вамъ остается только одно: приготовить все необходимое и обезпечить съѣздъ отъ провала. У меня полчаса времени ровно столько, чтобы передать вамъ конспиративныя подробности»...

Я былъ такъ огорошенъ этимъ сообщеніемъ, что больше не сопротивлялся. Андрей наскоро передалъ мнѣ свѣдѣнія о предполагаемыхъ делегатахъ, зашифровалъ новые адреса и уѣхалъ.

Черезъ мѣсяцъ въ началѣ мая мы съ Андреемъ сидѣли въ небольшомъ особнякѣ на окраинѣ города, приготовленномъ для засѣданій съѣзда и ждали извѣстій отъ делегатовъ. Ни извѣстій, ни делегатовъ. Наконецъ, явился одинъ товарищъ-делегатъ „Рабочаго Дѣла“, и вмѣстѣ съ нимъ два филера, какъ мнѣ сообщили товарищи, занятые съ нашей стороны наблюденіемъ за конспиративными квартирами. Черезъ день пріѣхали два делегата Бунда, и больше никого не было. Просидѣли еще два дня, и тогда уже выяснился полный провалъ этой затѣи: стали поступать письма и телеграммы объ арестахъ на югѣ Россіи и объ отказѣ многихъ организацій ѣхать на съѣздъ. Мы всѣ вздохнули съ облегченіемъ, какъ ни печальны были эти извѣстія, потому что мы боялись еще болѣе позорнаго провала, если бы весь съѣздъ былъ арестованъ въ Смоленскѣ.

Черезъ два года, въ мартѣ 1902 года, состоялась Бѣлостокская конференція. Это была первая серьезная попытка приступить къ общепартійной организаціи. Но и она кончилась неудачно: делегаты конференціи постановили образовать Организаціонный Комитетъ для созыва съѣзда, но были арестованы прежде, чѣмъ успѣли вернуться въ свои организаціи или непосредственно послѣ этого. Отъ группы «Юж. Рабочаго» и «Юж. областной организаціи» делегатомъ на конференціи былъ тов. Г—е, арестованный на югѣ тотчасъ же по возвращеніи изъ Бѣлостока. Передъ арестомъ онъ оставилъ завѣщаніе—отчетъ о конференціи и положеніи дѣлъ въ южной областной организаціи. Мнѣ пришлось быть политическимъ наслѣдникомъ этого товарища.

Въ концѣ февраля 1902 г. я получилъ телеграмму объ арестѣ южнаго областного комитета. Одновременно огромные аресты въ Одессѣ, Харьковѣ и Екатеринославѣ почти уничтожили мѣстныя организаціи. Объѣхавъ весь югъ въ маѣ 1902 г., я почти нигдѣ не нашелъ организаціи (кромѣ Кіева и Ростова), а когда я явился за по-

лученіемъ наслѣдства Южной областной организаціи, я получилъ только листовъ 10 зашифрованной рукописи, но написанный такъ, что расшифровать ее не было никакой возможности, да пуда три-четыре типографскаго шрифта зарытаго въ степи подъ Елизаветградомъ.

За годъ до второго съѣзда южныя организаціи нашей партіи представляли груду обломковъ. Что было въ столицахъ я не знаю, но и тамъ дѣло обстояло, кажется, не лучше. Однако въ то время мы, соц.-дем., обладали большей вирулентностью, чѣмъ любая бацилла. Едва ликвидированные комитеты нашей партіи возникали немедленно снова: люди сгорали въ этой интенсивной дѣятельности очень быстро, но организаціи въ цѣломъ оставались безсмертными. Во всѣхъ большихъ городахъ уже утвердилась преемственность организацій и, несмотря на всѣ усилія полиціи, соціалъ-демократическая агитація шла непрерывно. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было время необыкновеино быстраго распространенія нашей партіи въ провинціи. Югъ Россіи былъ въ этомъ отношеніи особенно характернымъ. Такіе захолустные города, какъ Херсонъ, Кременчугъ или Полтава становились уже организаціонными узлами, изъ которыхъ наша агитація распространялась въ еще большую глушь. Майскіе аресты „ликвидировали“, какъ я сказалъ, почти всѣ южные комитеты. Въ іюнѣ эти комитеты почти вездѣ возродились снова.

Матеріаломъ организаціоннаго строительства того времени, какъ всѣмъ извѣстно, была интеллигенція. Это слово нужно поставить въ ковычкахъ, говоря о томъ времени. Дѣло въ томъ, что интеллигенція эта была вообще говоря не слишкомъ интеллигентна: кадры революціонной интеллигенціи вербовались изъ слишкомъ зеленой молодежи, въ особенности это относится къ еврейской молодежи, которая сплошь и рядомъ не попавъ въ университетъ шла учиться въ коллегіи пропагандистовъ, а оттуда въ тюрьму. Потокъ революціонныхъ дѣятелей обновлялся необыкновенно быстро. Средняя продолжительность революціонной дѣятельности не превышала года. При такихъ условіяхъ нечего удивляться, что наши мѣстныя организаціи не могли выдвинуть снизу достаточнаго количества лицъ, способныхъ на руководство политической дѣятельностью.

Среди рабочихъ въ общемъ тогда тоже не выработалось еще соотвѣтствующихъ элементовъ. Лучшимъ элементомъ рабочихъ организацій въ то время на югѣ Россіи были ремесленники-евреи, иммигрировавшіе на югъ изъ района дѣятельности Бунда. Югъ Россіи обязанъ Бунду очень многимъ. Интеллигенція южныхъ городовъ тоже въ значительной степени была подготовлена Бундомъ. Но евреи-ремесленники по самому своему положенію не могли составить главной опоры для организацій крупныхъ промышленныхъ центровъ юга Россіи, а русскіе, заводскіе, рабочіе въ то время только еще начали полити-

чески шевелиться. При такихъ условіяхъ на мѣстахъ не могли развиться достаточно солидныя и самостоятельныя организаціи.

Отсюда—жажда общепартійныхъ центровъ, вопль объ объединеніи. Мѣстнымъ работникамъ нашей партіи, вообще говоря, это объединеніе рисовалось не въ видѣ кооперації ихъ силъ, а скорѣе въ видѣ призванія варяговъ: „придите княжить и володѣть нами". Таково было настроеніе. И мѣстныя организаціи готовы были „признать руководство" и организаціонно подчиниться, кому угодно, лишь бы этотъ центръ обезпечилъ ихъ самымъ необходимымъ, прежде всего нелегальной литературой и продуктами конспиративной техники того времени.

Я долженъ здѣсь вкратцѣ напомнить читателю объ идейномъ и организаціонномъ хаосѣ того времени.

1902 г. былъ годомъ завершенія кризиса въ развитіи соціаль-демократической мысли, особенно лѣто этого года. Только что прошла волна крестьянскихъ безпорядковъ въ Харьковской и Полтавской губ. и вновь поставила вопросъ уже не теоретически, а и практически объ отношеніи къ крестьянству. Неудачная Виленская демонстрація, закончившаяся поркой демонстрантовъ, произведенной фонъ-Валемъ, и отвѣтный выстрѣлъ Леккерта вызвали глубокое возмущеніе и очень многихъ склонили къ террору. Образовывались всюду группы соціалистовъ-революціонеровъ, пытавшихся „самостоятельно вмѣшаться", какъ они выражались въ нашу агитацію среди рабочихъ. Все это подняло цѣлый рядъ вопросовъ, надъ которыми юная интеллигенція, составлявшая главные кадры нашихъ мѣстныхъ дѣятелей, раньше и не думала. Во время моихъ объѣздовъ по южнымъ городамъ мнѣ не рѣдко приходилось встрѣчать соціаль-демократовъ, которые не только сердцемъ, но и умомъ были на сторонѣ террористической тактики.

Даже центральный органъ „Бунда" Arbeiterstimme (№ 35) поколебался въ этомъ отношеніи. Существовали цѣлыя организаціи, которыя не дѣлали различія между соціаль-демократіей и соціалистами-революціонерами: такъ въ Кишиневѣ соц.-дем. группа соединилась въ постоянный союзъ съ группой соц.-рев. подъ вліяніемъ одного виднаго дѣятеля партіи с.-р., жившаго тогда въ Кишиневѣ.

Тѣмъ больше приходилось дорожить „Искрой". Большинство видѣло въ ней единственное спасеніе для партіи. Отсюда искровскій патріотизмъ, доходившій до того, что искровцы готовы были защищать каждую полемическую выходку «Искры», какъ основное положеніе марксизма и каждаго, сомнѣвающагося хотя бы въ правильной постановкѣ знаковъ припинанія въ какой-нибудь статьѣ «Искры», объявлять еретикомъ «оппортунистомъ», «неустойчивымъ элементомъ» и проч.—у каждаго искровскаго агента карманы его полемики были набиты жупелами подобнаго рода *). Это было иногда смѣшно, чаще

*) Разумѣется, это не относится ко всѣмъ безъ исключенія агентамъ „Искры", среди которыхъ были и лучшіе „практики" того времени.

досадно, потому что кавардакъ идейнаго хаоса увеличивался этимъ еще больше, а людямъ не столь строгаго патріотизма по отношенію къ «Искрѣ», въ томъ числѣ и мнѣ лично, пришлось не мало претерпѣть за это въ «дружескихъ» бесѣдахъ со своими товарищами. Это было характерной чертой объединительной политики не въ мѣру преданныхъ сторонниковъ «Искры». Они поступали точно также, какъ нѣкогда французскій революціонный генералъ Кюстинъ съ депутаціей города Майнца: «пушки наведены на вашъ городъ — вамъ предстоитъ выборъ между истребленіемъ и братствомъ, которое мы вамъ предлагаемъ». Весьма понятно, что въ революціонной средѣ не нашлось такого благоразумія, какъ у бюргеровъ въ Майнцѣ, и инако мыслящіе были безпощадно истребляемы: ихъ не принимали въ мѣстныя организаціи или происходилъ расколъ со всѣми послѣдствіями внутренней борьбы подъ огнемъ усиленной охраны и не прекращающихся арестовъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Петербургъ, Одесса) расколъ вылился въ длительную форму одновременнаго существованія двухъ комитетовъ, которые больше конкурировали другъ съ другомъ, чѣмъ боролись съ общимъ врагомъ.

Однимъ изъ пунктовъ, на которомъ долженъ былъ поклясться правовѣрный искровецъ, было довольно странное положеніе о томъ, что вредны всякія областныя объединенія и не нужны и «опасны» для чистоты принциповъ «популярные органы» для рабочихъ. При такихъ условіяхъ намъ на югѣ не легко было стать искровцами. Тѣмъ не менѣе уже лѣтомъ 1902 г. наша группа принципіально постановила присоединиться къ организаціи «Искры»: если я не ошибаюсь это было первое формальное присоединеніе къ «Искрѣ» со стороны южныхъ организацій. Въ тоже время было постановлено отказаться отъ мысли возобновить южный областной союзъ и всѣ силы употребить на подготовку общаго объединенія. Объ этомъ мы рѣшили освѣдомить всѣ южные комитеты. Въ одномъ только отношеніи мы не пошли на встрѣчу желаніямъ «Искры»: мы рѣшили продолжать изданіе «Юж. Рабочаго». Совѣщаніе, на которомъ было принято это рѣшеніе, понятно мнѣ еще и потому, что оно происходило на квартирѣ Влад. Гал. Короленко—конечно, безъ его вѣдома. Влад. Гал. въ то время уѣхалъ съ семьей на дачу, оставивъ ключъ своимъ знакомымъ. Отъ нихъ ключъ попалъ къ моимъ товарищамъ по организаціи, которые, скрывая меня отъ взоровъ полиціи, водворили въ пустую квартиру Короленко, гдѣ я имѣлъ удовольствіе пробыть, кажется, дня два. Приношу ему здѣсь благодарность и запоздалое извиненіе за нарушеніе неприкосновенности его жилища.

Съ этими рѣшеніями нашихъ полтавскихъ совѣщаній я въ серединѣ лѣта 1902 г. объѣзжалъ южные комитеты. Скудный былъ у меня багажъ: въ рукахъ одна корзина, взятая для того, чтобы не производить въ поѣздѣ у кондукторовъ подозрительнаго впечатлѣнія

человѣка „шатающагося“ безъ дѣла, въ корзинѣ—одна пятикопѣечная булка, которую я, впрочемъ, съѣлъ на первой же остановкѣ, да нѣсколько экземпляровъ нашей прокламаціи о террорѣ. Въ мысляхъ было больше желанія предпринять что нибудь, чѣмъ опредѣленныхъ плановъ. Всѣ комитеты, которые я объѣхалъ, были вполнѣ солидарны съ нами по вопросу о нецѣлесообразности возобновленія союза южныхъ организацій, но и всѣ они были довольно скептически настроены по отношенію къ возможности общаго объединенія. Во всякомъ случаѣ ни одна организація не обѣщала въ этомъ отношеніи никакого содѣйствія—просто потому, что не было силъ. Единственнымъ плюсомъ этой поѣздки было соглашеніе съ группой одесскихъ товарищей объ организаціи типографіи въ Николаевѣ. Эта Николаевская типографія, или вѣрнѣе двѣ типографіи, потому что работы производились въ двухъ отдѣльно оборудованныхъ помѣщеніяхъ, много послужила потомъ и группѣ Южнаго Рабочаго, и Организаціонному Комитету, листки котораго она печатала. Въ ней работало человѣкъ 10—12 профессіональныхъ революціонеровъ. Съ нашей стороны завѣдующимъ технической стороной дѣла былъ товарищъ П—ъ. Ему и еще одному товарищу, фамиліи котораго я не помню, принадлежитъ заслуга организаціи этой крупнѣйшей на югѣ (если не считать Кавказа) нелегальной типографіи. Къ осени 1902 г. всѣ организаціи достаточно оправились отъ разгрома, и агитаціонная дѣятельность развернулась на югѣ еще шире, чѣмъ въ предыдущій годъ. Разговоры объ объединеніи возобновились снова. Наша группа, распространившая свои изданія и въ сѣверныхъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ), пыталась установить прочныя сношенія съ сѣвернымъ организаціями, но это плохо удавалось намъ. Зато на югѣ между нашей группой и мѣстными комитетами сношенія были такъ часты и разносторонни, что сама собой напрашивалась мысль о возсозданіи южнаго областного союза. Однако разъ отвергнувъ эту мысль, мы уже не возвращались къ ней. Правда, мы почти ничего серьезнаго не предприняли и для созыва Организаціоннаго Комитета, учрежденнаго на мартовской конференціи.

Если я не ошибаюсь, въ сентябрѣ или октябрѣ мы получили неожиданное приглашеніе отъ организаціи Искры прислать своего делегата на собраніе Организаціоннаго Комитета. Съ нашей стороны былъ избранъ товарищъ Егоровъ (псевд.). Это первое собраніе Организаціоннаго Комитета было довольно неудачнымъ. Приглашеніе было доставлено съ большимъ запозданіемъ, такъ что мы, отправляя своего делегата, не могли дать ему никакихъ инструкцій. Бундъ же получилъ приглашеніе только послѣ того, какъ собраніе закончилось и разъѣхалось. Съ другой стороны на собраніе явились предусмотрѣнные мартовской конференціей делегаты Кіевскаго Комитета и довольно мифическаго „Сѣвернаго Союза“. Это повело потомъ къ очередной рѣзкой полемикѣ между Бундомъ и Искрой, такъ какъ Бундъ, прочитавъ

печатное извѣщеніе объ образованіи Организаціоннаго Комитета, былъ законно возмущенъ тѣмъ, что его не привлекли съ самаго начала къ дѣлу созыва съѣзда. Изъ-за этого поднялась цѣлая буря. Бундъ выпустилъ печатный протестъ, а Искра обрушилась на него съ укорами за то, что онъ бросаетъ палки подъ колеса „Организаціонному Комитету“. Въ дѣйствительности нужно признать, что виноватъ былъ не Бундъ, а одинъ, весьма неудачный агентъ Искры, который, явившись въ Бундъ, наговорилъ тамъ Богъ знаетъ какого вздору и котораго центральный комитетъ Бунда принялъ за провокатора, къ чему онъ самъ подалъ поводъ своимъ несоотвѣтствующимъ для революціоннаго дѣятеля поведеніемъ. Прошло много времени, прежде чѣмъ удалось уладить этотъ инцидентъ.

Первое собраніе ограничилось конституированіемъ Организаціоннаго Комитета и составленіемъ воззванія къ партіи. Въ этомъ воззваніи между прочимъ говорится: „въ виду того, что дѣло созыва съѣзда представляется въ высшей степени сложнымъ и требуетъ для своего осуществленія значительнаго времени, Организаціонный Комитетъ впредь до возстановленія центральной организаціи партіи беретъ на себя выполненіе нѣкоторыхъ общихъ функцій (выпускъ обще-русскихъ листковъ, общій транспортъ и техника, установленіе связей между комитетами и пр.)“. По отношенію къ созыву съѣзда на этомъ первомъ собраніи не было предпринято ничего опредѣленнаго: было рѣшено созвать второе собраніе, пригласивъ делегата отъ Бунда и пополнивъ составъ Организаціоннаго Комитета цутемъ кооптаціи до необходимыхъ для дѣла размѣровъ. И по отношенію къ организаціи техническихъ функцій, взятыхъ на себя Организаціоннымъ Комитетомъ, дѣло въ началѣ обстояло не лучше: вся дѣятельность въ этомъ отношеніи ограничилась простымъ обмѣномъ услугъ уже существовавшихъ организацій.

Разосланное всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ и напечатанное въ № 32 Искры извѣщеніе объ образованіи Организаціоннаго Комитета сдѣлало однако само по себѣ уже большое дѣло: данъ былъ сигналъ и были мобилизованы всѣ силы. Мѣстныя организаціи всѣ привѣтствовали иниціативу Организаціоннаго Комитета (кромѣ Воронежскаго комитета) Оппозиція нѣкоторыхъ заграничныхъ организацій (Союзъ русскихъ с.-д., „Борьба“), имѣвшихъ основанія опасаться, что составленный въ большинствѣ изъ искровцевъ Организаціонный Комитетъ постарается по возможности устранить ихъ отъ съѣзда, внутри Россіи не была слышна: въ то время одна только Искра имѣла мало-мальски регулярный транспортъ въ Россію, да она была и единственнымъ правильно выходящимъ изданіемъ. Такимъ образомъ, для созыва съѣзда была сразу создана въ общемъ очень благопріятная атмосфера.

Второе собраніе Организаціоннаго Комитета происходило, насколько помнится, въ февралѣ мѣсяцѣ въ Орлѣ. Оно было и един-

ственнымъ пленарнымъ засѣданіемъ, если не считать еще одного наканунѣ открытія съѣзда. На собраніе въ Орлѣ явилось больше членовъ, чѣмъ предполагалось по комплекту: искровцы, боясь потерять большинство, самовольно кооптировали еще нѣсколькихъ человѣкъ, мотивируя эту кооптацію необходимостью „расширить силы“ Организаціоннаго Комитета. Справедливость требуетъ сказать, что среди этихъ неизвѣстно откуда взявшихся членовъ были наши лучшіе практики и люди милые во всѣхъ отношеніяхъ. Бундъ также прислалъ своего представителя. На этомъ собраніи былъ рѣшенъ окончательно созывъ съѣзда.

Работу начали съ обзора силъ нашей партіи въ то время. Было насчитано до 20 организацій во внутренней Россіи и на Кавказѣ. Плохо обстояло дѣло съ западными окраинными организаціями. Изъ всѣхъ членовъ Организаціоннаго Комитета только одинъ представитель Бунда имѣлъ о нихъ свѣдѣнія. Русскіе соціалъ-демократы не имѣли никакихъ связей съ ними. Поэтому было отвергнуто предложеніе Бунда пригласить на съѣздъ всѣ соціалъ-демократическія организаціи Россіи, какъ на съѣздъ учредителей. Мы, русскіе соціалъ-демократы, не имѣли никакихъ основаній осложнять нашъ организаціонный хаосъ привлеченіемъ еще неизвѣстныхъ величинъ. Намъ казалось, что объединеніе съ другими окраинными партіями будетъ нетруднымъ послѣ объединенія внутри Россіи и, наоборотъ, наше внутреннее объединеніе затормозится прежде всего технически, а можетъ быть и идейно, привлеченіемъ на съѣздъ организацій, съ которыми у насъ практически не было никакого контакта. Это было вопросомъ, вызвавшимъ очень продолжительные дебаты. Делегатъ Бунда съ большой настойчивостью требовалъ признанія съѣзда учредительнымъ и приглашенія на него всѣхъ соціалъ-демократическихъ организацій. Но онъ встрѣтилъ очень дружную оппозицію всѣхъ остальныхъ участниковъ совѣщанія и въ концѣ концовъ уступилъ. Другимъ принципіальнымъ вопросомъ былъ вопросъ о голосованіи устава комитетами. Представители Искровской организаціи предпочитали вовсе не подвергать уставъ голосованію, а, такъ сказать, декретировать его организаціямъ. Это было несомнѣнно проще и несомнѣнно прошло бы безъ значительныхъ протестовъ со стороны мѣстныхъ организацій. Съ другой стороны, этимъ устранялась бы всякая опасность измѣненія устава и распредѣленія голосовъ на съѣздѣ въ невыгодную для Искры сторону, и, насколько я помню, это было именно главнымъ соображеніемъ, которое въ частныхъ разговорахъ высказывалось вполнѣ откровенно. Но въ этомъ пунктѣ представитель Бунда и мы, двое делегатовъ Южнаго Рабочаго, оказали рѣшительное сопротивленіе, замѣтивъ что ни въ коемъ случаѣ не допустимъ декретировать уставъ и что правильное голосованіе его комитетами является минимумомъ конституціонныхъ гарантій, безъ которыхъ уставъ будетъ для насъ непріемлемымъ. Этотъ пунктъ намъ троимъ удалось отстоять: одинъ изъ представителей Искровской организаціи голосовалъ вмѣстѣ

съ нами (всего на совѣщаніи было 7 человѣкъ). Всѣ другіе пункты устава были намѣчены гладко почти безъ преній. Какъ характерную черту для того времени, отмѣчу, что даже на такомъ важномъ собраніи не велось никакихъ протоколовъ. Кое-кто дѣлалъ только у себя краткія и никому другому не понятныя замѣтки о принятыхъ рѣшеніяхъ. Я, напр., записывалъ шифромъ важнѣйшія постановленія: я и сейчасъ не совсѣмъ забылъ тотъ шифръ съ 252 обозначеніями, который зналъ тогда наизусть и которымъ могъ писать подъ диктовку.

Окончательно уставъ былъ написанъ двумя днями позже въ Харьковѣ: мнѣ было поручено составленіе объяснительной записки къ нему. Поэтому, когда я уѣзжалъ изъ Орла, у меня съ собой было больше записей, чѣмъ это полагалось по требованіямъ конспираціи. Возвращаться въ Харьковъ мнѣ пришлось въ почти пустомъ поѣздѣ. Я легъ на лавочку въ вагонѣ и задремалъ. Передъ Харьковомъ меня разбудили: передо мной стоялъ жандармъ и кондукторъ, направлявшій прямо въ лицо мнѣ свой фонарь. Съ испугомъ я схватился за боковой карманъ, но все обошлось благополучно: жандармъ усмѣхнулся и посовѣтовалъ не держать денегъ въ боковомъ карманѣ. Оказывается, незадолго передъ тѣмъ было отдано распоряженіе объ осмотрѣ всѣхъ поѣздовъ съ цѣлью поимки оперировавшихъ на дорогѣ карманныхъ воровъ.

Вл. Р—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Современное положеніе аграрнаго вопроса въ Россіи.

I.

Всѣмъ хорошо извѣстно и ясно, какое огромное значеніе имѣетъ аграрный вопросъ въ общественной и политической жизни Россіи. Онъ касается интересовъ самой многочисленной группы населенія Россіи—многомилліоннаго крестьянства, настроеніе котораго, какъ бы оно ни затемнялось господствующими классами, какъ бы ни отодвигалось ими на второй планъ,—неизбѣжно должно въ той или иной мѣрѣ сказаться на ходѣ общественнаго развитія. Вотъ почему для уясненія характера переживаемаго момента чрезвычайно важно дать себѣ полный и вѣрный отчетъ о современномъ положеніи аграрнаго вопроса въ нашемъ отечествѣ.

Едва ли нужно доказывать, что здѣсь, какъ и въ другихъ важныхъ вопросахъ, дороже всего истина, какъ бы сурова она ни была: вѣдь только понявъ истину всю до конца, безъ вся-

рѣчія", семинарской реторикѣ — „плюетъ въ глаза прекрасной Франціи", посылаетъ всевозможныя „громокипящія" проклятія, уродливо контрастирующія съ богатымъ, красочнымъ, истинно-народнымъ языкомъ его повѣстей и разсказовъ, а Короленко всегда одинаково ровенъ, спокоенъ и никогда не опускается до истерическихъ выкриковъ и декламаторскихъ позъ. А. В. Амфитеатровъ разсказываетъ слѣдующее: одно время онъ завѣдывалъ русскимъ отдѣломъ крупной итальянской газеты. Въ это время появилось въ печати „Бытовое явленіе". Амфитеатровъ рѣшилъ съ нимъ ознакомить итальянскую публику, но въ редакціи остались недовольны этимъ произведеніемъ: пестрыхъ итальянцевъ разочаровала необычная простота письма В. Г. Короленко, отсутствіе всякихъ „потрясающихъ" словъ и эффектныхъ жестовъ...

„День юбилея В. Г. Короленко проведетъ въ дорогѣ",—эта хроникерская замѣтка полна глубокаго символическаго значенія: да, и въ день своего юбилея, онъ какъ во всѣ дни своей жизни, будетъ „въ дорогѣ" съ неутомимымъ посохомъ правдоискательства въ рукѣ.

Этимъ посохомъ уже 34 года стучитъ великій „стукальщикъ" нашей литературы и ему, какъ Якову изъ „Послѣдств. отдѣленія", не даромъ даются эти славные удары...

Теперь вся честная мыслящая, молодая Россія съ теплой благодарностью и свѣтлой гордостью произноситъ имя Короленка, а завтра...

Завтра статскіе совѣтники будутъ интересоваться „родомъ занятій", „подсудимаго Короленка"...

Раф. Григорьевъ.

Критическіе наброски.

О литературѣ безъ жизни и о жизни безъ литературы *).

(Трагедія пролетарской культуры).

Не подлежитъ сомнѣнію, та сторона современной общественности, которая въ настоящее время является знаменоносцемъ развитія—міровое движеніе пролетаріата—не имѣетъ *своей* литературы. У нея нѣтъ *своей культуры* художества.

Есть, конечно,—и не только въ литературѣ, но и въ другихъ отрасляхъ искусства, произведенія, въ которыхъ такъ или иначе—отразилась вѣковая тяжба труда съ капиталомъ, и проступаетъ разныхъ степеней и тоновъ „соціалистическая" окраска. За истекшій 19-й вѣкъ ихъ наберется достаточно, начиная съ первыхъ отголосковъ въ литературѣ идей утопистовъ-соціали-

*) См. № 4—5 „Наш. Зари".

стовъ и буржуазныхъ филантроповъ. Цѣлую галлерею можно бы составить ихъ писателей, которымъ—въ ихъ художественномъ творчествѣ—пришлось столкнуться съ этимъ опредѣляющимъ фактомъ новѣйшей исторіи и на него откликнуться, по мѣрѣ разумѣнія каждаго.

Мы могли бы открыть этотъ рядъ старозавѣтной идеалисткой Жоржъ Зандъ (вспомнимъ ея „Грѣхъ г-на Антуана“) и благожелательнымъ Диккенсомъ съ его во многомъ надуманнымъ и сантиментальнымъ, романомъ „Тяжелыя времена“. Мы могли бы вспомнить и Томаса Гуда съ его „Пѣсней о рубашкѣ“, и геніальнаго романтика Гейне, въ незабываемыхъ строфахъ возвѣщавшаго „новую“, „лучшую пѣсню“ — пѣсню труда и счастья на землѣ, взамѣнъ той старой пѣсни, зовущей на небо, которой усыпляютъ народъ— это большое дитя. И далѣе, пѣвцовъ историческаго 48-го года, Фрейлиграта и Гервега: въ ихъ мелодіяхъ общереволюціоннаго характера уже слышатся звуки классовой борьбы только что начавшаго приходить въ движеніе германскаго пролетаріата. И еще далѣе — откровенно буржуазнаго писателя Шпильгагена, которому, однако, удалось сдѣлать нелишенную интереса попытку переложить Лассалевскую эпопею въ форму романа—знаменитаго „Одинъ въ полѣ не воинъ“. И сюда же принесъ свою лепту „натуралистъ“ Золя, давъ одно изъ своихъ лучшихъ созданій „Жерминаль“, а подъ конецъ своей жизни, въ своей послѣдней серіи работъ, и совсѣмъ капитулировавъ передъ новымъ движеніемъ, но—увы! нисколько его не понявъ. И сюда же — въ началѣ своей литературной карьеры— ненадолго забрелъ Гергардтъ Гауптманъ съ тѣмъ, чтобы уже болѣе никогда не возвращаться къ мотивамъ, вдохновившимъ его „Ткачей“ и „Передъ восходомъ солнца“, какъ и его юношескую лирику.

Я могъ бы привести и еще имена, на много увеличивъ ихъ списокъ, но и приведенныхъ, первыхъ подхваченныхъ памятью, довольно для той цѣли, съ которой я ихъ здѣсь перечислилъ. А именно: я хотѣлъ показать, что это имена блестящихъ, но разнородныхъ художниковъ слова, въ своей совокупности не представляющихъ ни литературной школы, ни опредѣленнаго общественнаго теченія. Это—во всѣхъ смыслахъ разные люди,— различныхъ эпохъ, положеній, взглядовъ, у которыхъ одно только общее—что всѣ они могли наблюдать движеніе со стороны, что они запечатлѣли его въ своемъ творчествѣ, отнюдь не будучи съ нимъ органически связаны. Даже тѣ, кто одно время такъ близко къ нему подходилъ, какъ, напр., Фрейлигратъ, сотрудникъ Маркса по „Новой Рейнской Газетѣ“.

Тѣмъ, что они дали, могло въ большей или меньшей степени воспользоваться это движеніе и его занести въ свой духовный инвентарь. Но одно дѣло инвентарь, въ которомъ вперемежку лежитъ свое и чужое, ставшее своимъ: здѣсь все идетъ на потребу, какъ сырой матеріалъ для культуры. И другое—эта самая культура — органическій продуктъ самостоятельнаго коллективнаго творчества.

Такая культура въ художествѣ была, напр., у буржуазіи, которая въ 18-мъ вѣкѣ отвоевывала себѣ положеніе у представителей падающаго феодализма и протискивалась на авансцену

исторіи. Въ литературѣ мы явственно видимъ новую струю, которая, вливаясь въ запруду, образовавшуюся отъ такихъ водъ ложноклассической трагедіи, въ короткій срокъ взбаломутила литературную заводь, прорвала плотины и создала литературу того типа, который наилучше соотвѣтствовалъ міроощущенію тогдашняго буржуазнаго общества. Эта литература была отличной отъ старой и по своей формѣ, и по своему содержанію.

Изъ Англіи на континентъ—во Францію и Германію—шло это движеніе параллельно тѣмъ идейнымъ воздѣйствіямъ со стороны философіи, которыя континентъ оттуда получалъ. Такъ называемая буржуазная драма и такъ называемый сантиментальный романъ демонстраціонно прошли по Европѣ, вытѣсняя искусственность и разсудочность напудреннаго ложноклассицизма съ его міромъ героевъ, подъ которымъ скрывалось великосвѣтское общество того времени. Отъ этихъ „сферъ“ литература перешла къ изображенію горя и радостей „третьяго сословія“. Она взглянула на міръ съ точки зрѣнія бюргера.

Въ Англіи, въ противовѣсъ Драйдену и Попу, явился Лилло и вывелъ на подмостки театра своего „Лондонскаго Купца“, надъ судьбой котораго пролилось столько слезъ, а Ричардсонъ со своей стороны положилъ основаніе несчетному числу чувствительныхъ повѣствованій о несчастныхъ буржуазныхъ Клариссахъ и Памелахъ и безпутныхъ большею частью дворянскаго происхожденія Ловеласахъ.

Во Франціи „буржуазную драму“ теоретически и практически популяризировалъ Дидро; Руссо, подъ вліяніемъ Ричардсона, создавалъ свою „Новую Элоизу“, а Бомарше въ своей трилогіи далъ безсмертную фигуру „Севильскаго цирульника“—прообразъ эмансипирующейся и входящей въ силу буржуазіи.

И та же волна, докатившись до Германіи—несмотря на значительно меньшую выраженность германскихъ общественныхъ отношеній—принесла на своемъ хребтѣ драмы Лессинга и Шиллера (напомнимъ хотя бы Шиллеровскую „Коварство и Любовь“), какъ и „Страданія молодого Вертера“ Гёте.

Но не только аналогичной смѣны литературныхъ формъ не приходится наблюдать въ настоящее время, когда пролетаріатъ выполняетъ по отношенію къ буржуазно-капиталистическому строю роль, подобную той, которую по отношенію къ „старому режиму“ когда-то играла буржуазія, или—лучше—„третье сословіе“. Нѣтъ и вообще какого бы то ни было литературнаго теченія, хотя бы въ отдаленной степени, хотя бы не непосредственно передающаго на языкѣ художественныхъ образовъ то, чѣмъ живетъ и какъ чувствуетъ дѣйствительно грандіозное, дѣйствительно міровое современное движеніе пролетаріата.

Психику этого движенія можно искать вездѣ, гдѣ угодно, но только не въ литературѣ. Эта психика, несобранная въ фокусѣ художественнаго творчества, раздроблена и разбросана по отдѣльнымъ проявленіямъ жизни. И эти проявленія приходится брать одно къ одному, какъ кирпичи, которые складываютъ, чтобы изъ нихъ—равно какъ и изъ предпосылокъ теорій,—сооружать эту психику въ видѣ логическаго „умопостигаемаго“ вывода, но не конкретнаго обобщенія художества.

А между тѣмъ, вѣдь, то же движеніе, которое точно остановилось передъ обнаруженіемъ своей психики, передъ созданіемъ своей культуры, выдвинуло культуру другого порядка; культуру, которой нѣтъ равной ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ общественной жизни, — *культуру практическаго дѣйствія, культуру классовой-экономической и политической борьбы.*

И на фонѣ многообразія и богатства этой культуры тѣмъ ярче оттѣняется невыразительность тѣхъ немногихъ представителей художественной литературы, которыхъ—по крайней мѣрѣ—формально — можно поставить въ связь съ освободительнымъ движеніемъ пролетаріата.

Возьмите Германію. Съ одной стороны, кто не знаетъ политика Бебеля, и съ другой—кто знаетъ въ настоящее время за предѣлами организазій, что одинъ изъ вождей лассальянцевъ, Гозенклеверъ, былъ не только даровитымъ практическимъ дѣятелемъ, но и маленькимъ поэтомъ? Слыхалъ ли кто о романистѣ Швейхелѣ? Многіе ли знаютъ не Карла, а его мать—Минну Каутскую, недавно умершую, плодовитую беллетристку? Или спрашивается, какой вкладъ въ художество внесъ Швейцеръ своей „Эммой"—въ свое время небезъизвѣстнымъ романомъ?

И не то, вѣдь, плохо, что на всѣхъ этихъ писателяхъ лежитъ печать второразрядности. Много хуже, что на нихъ лежитъ и печать случайности, что за ними нѣтъ почвы, жизненныхъ корней. Они не представляютъ особаго теченія. У нихъ нѣтъ ни преемственности, ни сферы дѣйствительнаго вліянія. Это просто соціалъ-демократы, болѣе или менѣе случайно—въ разное время, на протяженіи послѣднихъ 50 лѣтъ—завернувшіе въ литературу... Потому-то они и не показательны для существованія культуры.

Наоборотъ, если бы была дѣйствительная пролетарская культура художества, она бы и эти таланты—при всей скромности ихъ размѣровъ — подобрала, такъ сказать, культивировала, и сообщала имъ ей свойственную оригинальность. Такъ струя русскаго народничества придала своеобразіе писаніямъ не только Глѣба Успенскаго и Златовратскаго, но даже и несравнимаго съ ними Засодимскаго.

Въ чемъ же дѣло? Почему классъ, создавшій великую культуру практическаго дѣйствія, даже и не приступалъ къ созданію культуры художества?

Поставить этотъ вопросъ и попытаться на него отвѣтить, мнѣ кажется, слѣдуетъ именно марксистской литературѣ. Именно она можетъ и должна поискать источниковъ этого явленія въ особенностяхъ капиталистическаго развитія и въ частности—въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ поставлены этимъ развитіемъ рабочій классъ и его движеніе.

Я съ своей стороны въ данной статьѣ постараюсь намѣтить если не отвѣтъ на вопросъ, давно уже меня занимающій, то хотя бы посильный матеріалъ для отвѣта.

И прежде всего, я напомню то положеніе, о которомъ я вскользь упоминалъ въ началѣ статьи, а именно: что если культура всякаго общества, раздѣленнаго на классы или сословія, есть культура его господствующихъ элементовъ, то это тѣмъ болѣе примѣнимо къ культурѣ современнаго *капиталистическаго*

общества, гдѣ на полюсѣ богатства, на буржуазномъ концѣ, сосредоточены предпосылки, нужныя для развитія культуры.

На противоположномъ же богатству концѣ—вмѣстѣ съ увеличеніемъ разстоянія между этими двумя концами цивилизаціи—сосредоточиваются съ одной стороны, *ростъ необезпеченности*, постоянно грозящей переходомъ въ нищету, и съ другой—*ростъ протеста*—отрицанія самыхъ основъ существующаго общественнаго строя и ео ipso—утвержденія задачи его преобразованія на радикально новыхъ началахъ. Идетъ процессъ сплоченія пролетаріата, который обучается капитализмомъ и спаивается имъ въ одно грандіозное „товарищество“, все болѣе переростающее рамки отдѣльныхъ національностей и все болѣе становящееся силой мірового масштаба.

Итакъ, пасынокъ цивилизаціи, ею всѣмъ обдѣленный, и — задача соціальнаго преобразованія, которой нѣтъ равной въ исторіи, возложенная ходомъ развитія именно на этого пасынка, —и только на него.

Въ этомъ, быть можетъ, величайшемъ противорѣчіи изъ всѣхъ, которыми такъ богата эволюція капиталистической общественности, мнѣ думается, и заключается ключъ къ пониманію какъ специфическихъ чертъ пролетарской культуры, такъ и вообще духовныхъ возможностей пролетаріата въ предѣлахъ этой общественности.

Эта культура есть производное отъ даннаго противорѣчія, опредѣляющаго собою положеніе и роль пролетаріата въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Она носитъ въ себѣ черты и той обдѣленности, и того универсализма (всеобъемлющаго характера) историческихъ функцій, о которыхъ я только что упоминалъ.

Это—со всѣми ея достоинствами и недостатками—культура той части человѣчества, чья энергія, особенно при скудости благъ этой части отпущенныхъ цивилизаціей, что дальше, то больше должна уходить и уходить на борьбу или подготовку борьбы, на образованіе, дальнѣйшее развитіе и все болѣе напряженную поддержку того, что я выше назвалъ—„товариществомъ“.

Вѣдь, это боевое товарищество—таково уже его историческое заданіе—есть величина безпрерывно и безконечно ростущая. Уже въ настоящее время оно представляетъ собою такую сумму затратъ человѣческой энергіи, такихъ гигантскихъ размѣровъ постоянно дѣйствующую организацію общественной иниціативы, какихъ до сихъ поръ не видала исторія.

Неудивительно поэтому, что по мѣрѣ того, какъ уровень развитія пролетаріата повышается, и его сознаніе становится болѣе яснымъ въ суровой школѣ капитализма, все болѣе ростутъ и требованія, предъявляемыя товариществомъ пролетаріату: оно береть изъ него относительно все больше жизненныхъ соковъ—душевныхъ и умственныхъ силъ. Оно охватываетъ его жизнь—а стало быть и психику — все болѣе частою сѣтью разнообразнѣйшихъ организацій. Для экономической и политической борьбы оно организуетъ его въ батальоны. Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно въ значительной степени организуетъ и его досугъ.

То небольшое количество времени, которое остается у пролетаріата за отбытіемъ капиталистической повинности, оно отни-

маетъ у него для занятій въ клубѣ, для посѣщенія собранія или союза, словомъ — для общественнаго *дѣла*. *Дѣловитость* все рѣзче становится привычной добродѣтелью — второю натурой этихъ спартанцевъ нашего времени. Интеллигенція пролетаріата — это его сугубо дѣловитый авангардъ: разрываемыя на части, по преимуществу должностныя лица его организацій, съ головою ушедшія въ свои спеціальныя функціи, всѣ упирающіяся въ тріединство—агитаціи, пропаганды и организаціи.

Для организаціи же подлиннаго „бездѣлья", для культуры того важнаго и, скажемъ болѣе, необходимаго человѣческаго „бездѣлья", которое называется художествомъ, — остается не только безконечно мало простора во времени, но и безконечно мало—вниманія. Это—что-то сверхсмѣтное и сверхурочное, чѣмъ можно заниматься только между настоящимъ дѣломъ, между дѣломъ, принимаемымъ въ серьезъ, ибо—вытекающимъ изъ удовлетворенія первичныхъ, самыхъ насущныхъ потребностей пролетарскаго „товарищества".

Подъ давленіемъ неумолимыхъ законовъ борьбы капиталистическаго общества, въ пролетаріатѣ вырабатывается тенденція къ безсознательной экономіи силъ, къ невольному ограниченію культуры практическими нуждами основного процесса пролетарскаго движенія, и вся культура пріобрѣтаетъ характеръ нѣкоторой утилитарности. Создается психика—какъ я уже вскользь отмѣчалъ—пролетарской Спарты, и не могутъ создаться Аѳины.

И надо именно принять во вниманіе это спартанство пролетаріата, продиктованное противорѣчіемъ, лежащимъ въ основѣ всего его развитія, чтобы понять не только отсутствіе у пролетаріата своей культуры художества, но и относительно слабое развитіе всей *неприкладной* стороны его общественной идеологіи.

А эта слабость тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать, что, вѣдь, у истоковъ идейнаго развитія пролетаріата стоитъ величайшая научная теорія 19-го вѣка, несравненное дѣтище Маркса. Но то и любопытно съ интересующей насъ точки зрѣнія, что ученіе Маркса сложилось какъ разъ у *истоковъ* движенія, что Марксъ и Энгельсъ были геніально чуткими провозвѣстниками этого движенія, но отнюдь не его результатомъ. Они были скорѣе всего результатомъ той счастливой комбинаціи, которую представила дореволюціонная Германія въ видѣ радикальной демократіи стараго типа, на которой послѣдовательно осѣдали идеи германской философіи, взгляды французскихъ утопистовъ и впечатлѣнія первоначальныхъ формъ рабочаго движенія Англіи. Это сцѣпленіе вліяній, шедшихъ съ разныхъ сторонъ, и позволило завязаться такимъ удачнымъ индивидуальнымъ узелкамъ, какъ Энгельсъ и Марксъ...

А затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, что получилось? Чѣмъ больше движеніе ширилось и усложнялось, тѣмъ больше въ марксистской средѣ, на протяженіи десятилѣтій, раздавалось не прекращавшихся жалобъ на застой въ теоріи, на забвеніе ея изъ за нуждъ текущей политики, изъ-за вопросовъ служебныхъ.

Кромѣ конкретизаціи отдѣльныхъ тезисовъ Маркса—приложенія ихъ къ новымъ даннымъ позднѣйшей дѣйствительности,—была одна только область, которая являла собой непрестанное движеніе впередъ, это—въ широкомъ значеніи слова понимае-

мая тактика. Я бы назвалъ философіей тактики ту необыкновенно разросшуюся отрасль обществовѣдѣнія, которой посвящали свои лучшія силы всѣ таланты международной соціалдемократіи. Вѣдь, стоитъ, напр., отмѣтить, что самый выдающійся представитель современной марксистской мысли, Карлъ Каутскій, самъ по себѣ блестящій историкъ и знающій экономистъ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ импульсовъ, которые шли отъ движенія, все больше превращался въ такого философа тактики, въ своего рода архистратига соціалдемократическаго дѣйствія.

И это не случайность. Это въ свое время предвидѣлъ уже Энгельсъ. Недаромъ онъ свои надежды—въ смыслѣ развитія теоріи—возлагалъ на тѣ страны, гдѣ движеніе еще не успѣло разрости и или даже почти отсутствовало, какъ то было въ Россіи первой половины 90-хъ годовъ. Я помню его замѣчанія въ этомъ смыслѣ, звучавшія такъ парадоксально, когда въ разговорѣ со мной, за годъ до своей смерти, онъ сказалъ, что у русскихъ марксистовъ есть пока что свободное время, что Россія могла бы, не въ примѣръ своимъ товарищамъ Запада, которыхъ съѣдаетъ злободневная практика, явить образецъ развитія теоріи. Но, вѣдь, это и значитъ, что Энгельсъ изъ положенія, въ которомъ оказалась теорія въ рамкахъ современнаго капиталистическаго строя, искалъ выхода тамъ—въ закоулкѣ отсталой страны,—гдѣ можно было строить расчеты не на культурѣ движенія, а на перекрестныхъ вліяніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которымъ онъ самъ въ свое время былъ обязанъ своимъ появленіемъ въ дореволюціонной Германіи. А это, не значитъ ли въ свою очередь, что онъ нащупывалъ именно ту самую трагедію пролетарской культуры, которую я пытаюсь намѣтить въ настоящей статьѣ?

Но не только противорѣчіе, лежащее въ основѣ пролетарскаго развитія и придающее всей его культурѣ односторонне-практическій характеръ, стоитъ на пути образованію пролетарской культуры художества. Есть и другая, не менѣе существенная особенность капиталистической цивилизаціи, которая дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, какъ и указанное противорѣчіе.

Это—наличность въ капиталистической цивилизаціи, несмотря на чрезвычайное обостреніе классовыхъ отношеній и развитіе классоваго самосознанія, — единаго, недифференцированнаго общеклассоваго цѣлаго культуры такой мощности и такой—если здѣсь примѣнимо это слово—центростремительной силы, какихъ никогда не бывало ни въ одну изъ предшествующихъ цивилизацій.

Вѣдь, рѣчь идетъ—объ этомъ слѣдуетъ помнить—не о цивилизаціи умирающаго Рима или жалкаго средневѣковья, а о стремительно несущейся впередъ и вверхъ цивилизаціи, которая, неся въ собственныхъ нѣдрахъ своего антагониста, идетъ къ своему отрицанію и гибели не черезъ упадокъ силъ, а черезъ ихъ дальнѣйшее развитіе — черезъ тотъ ростъ производства и матеріальной культуры, который является предпосылкой возможности будущей цивилизаціи, грядущей на смѣну капиталистической. А вмѣстѣ съ ростомъ производства и матеріальной куль-

туры идетъ одновременно ростъ и культуры нематеріальной: происходитъ громадное накопленіе духовнаго богатства въ самыхъ различныхъ отрасляхъ научнаго знанія, въ самыхъ разнородныхъ отдѣлахъ культуры.

Вотъ это-то и сообщаетъ покоряющую силу и необычайное распространеніе тому культурному цѣлому современной общественности, въ которомъ въ элементы общеклассовой—всенародной—цѣнности вкраплены продукты и специфически буржуазнаго происхожденія и нерѣдко-буржуазной ограниченности.

Ясна, конечно, размежеванность политики по партійно-классовымъ группировкамъ. Сравнительно легко обнаружить и буржуазные ингредіенты въ тѣхъ научныхъ дисциплинахъ и отдѣльныхъ вопросахъ, которые болѣе или менѣе вплотную подходятъ къ текущей дѣйствительности и къ классовой заинтересованности. Но уже гораздо труднѣе разобраться въ другихъ отдѣлахъ науки, въ философіи, въ эстетикѣ, въ искусствѣ, въ бытѣ, наконецъ, гдѣ эта связь значительно болѣе тонкаго и менѣе ощутимаго свойства. Здѣсь требуется установленіе ряда посредствующихъ звеньевъ, чтобы въ концѣ концовъ получить убѣжденіе, что передъ нами не нейтральное поле человѣческаго духа и его завоеваній, а безконечно менѣе почтенное зрѣлище классовой психологіи и классоваго sui generis творчества. Здѣсь, стало быть, нужна большая предварительная работа, чтобы въ сознаніи рабочихъ массъ, находящихся подъ впечатлѣніемъ этихъ культурныхъ воздѣйствій, отдѣлилось золото отъ лигатуры и прекратилось сплошное вліяніе сплава.

Но если это вѣрно для большинства или очень многихъ культурныхъ воздѣйствій на пролетаріатъ современнаго общества, то тѣмъ болѣе это примѣнимо къ такимъ популярнымъ—всепроникающимъ — элементамъ культуры, какъ художество и культура обыденной жизни.

Я нарочно назвалъ ихъ одно за другимъ, эти два элемента, ибо и въ жизни они другъ съ другомъ соприкасаются, и извѣстный бытовой укладъ прокладываетъ путь извѣстному художеству, онъ дѣлаетъ среду воспріимчивой къ этому художеству, онъ создаетъ для него въ ней психическое предрасположеніе. Бытовой же укладъ пролетаріата въ той его части, которая касается его домашняго быта и его свободнаго отъ заработка и отъ организаціонныхъ обязанностей времени, въ значительной степени еще приближается къ укладу городского мѣщанства, съ его привычками и вкусами, съ его пониманіемъ того, что составляетъ удовольствіе, что пріятно и красиво и, слѣдовательно, что художественно для него интересно.

Черезъ этотъ-то бытъ и его обыденщину и идетъ вліяніе общебуржуазной культуры художества, и встрѣчаетъ гораздо менѣе противодѣйствія, чѣмъ это можно было бы ожидать отъ класса съ такой рѣзко очерченной психикой новатора, какъ классъ пролетаріевъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это новаторство до сихъ поръ еще сильно локализировано, и двѣ души въ груди пролетарія,—мѣщанина и новатора,—которыя должны бы бороться другъ съ другомъ, еще продолжаютъ другъ съ другомъ сожительствовать, между собою подѣливъ тѣ сферы, на которыя каждая распространяетъ вліяніе.

И мѣщанинъ въ пролетаріи—ветхій Адамъ, котораго пролетарій съ себя еще не смогъ или не захотѣлъ совлечь, пріемлетъ это буржуазное художество, которое сочится на него сквозь всѣ поры всемірнаго торжища, черезъ театры, художественныя выставки, черезъ строительное искусство современныхъ городовъ съ ихъ пошлой архитектурой и аляповатымъ комфортомъ, черезъ фельетонную литературу бульварныхъ газетъ, которую онъ продолжаетъ, къ сожалѣнію, поглощать въ безмѣрномъ количествѣ, черезъ то самое варьетэ, въ которое онъ идетъ вслѣдъ за буржуазнымъ плебеемъ, какъ и вслѣдъ за буржуазнымъ патриціемъ.

Вѣдь, капитализмъ не только разслаиваетъ. Онъ обладаетъ и громадною силой нивеллировки. Нивеллируя бытъ и уничтожая архаизмы мѣстныхъ и групповыхъ особенностей, онъ уничтожаетъ и особенность вкусовъ; онъ всѣхъ стремится подвести подъ одинъ ранжиръ; онъ всѣмъ диктуетъ — при различной оплатѣ—единство въ удовольствіяхъ, въ стилѣ, въ зрѣлищѣ, въ типѣ занимательнаго чтенія. Онъ—великій пропагандистъ исключительнаго размаха

Конечно, это не значитъ, чтобы тенденція капитализма къ единству и пропагандѣ не встрѣчала вовсе противодѣйствія въ психикѣ пролетаріата. Въ концѣ концовъ индивидуализмъ эпохи упадка, который въ различныхъ тонахъ но окрашиваетъ собою всю буржуазную литературу настоящаго времени, разбивается о коллективистское нутро пролетаріевъ. Вотъ почему модернизмъ, по крайней мѣрѣ, концентрированный и обнаженный (я уже говорилъ объ этой наиболѣе утонченной формѣ художества, присущей данному періоду капиталистической цивилизаціи), такъ плохо и усваивается этимъ нутромъ. Въ этой своей разновидности буржуазная культура художества сравнительно мало представляетъ для пролетаріата опасности. Но, вѣдь, этимъ видомъ вліяніе буржуазной культуры не исчерпывается. Оно не исчерпывается также и дѣйствіемъ макулатуры рынка.

Есть безконечно болѣе благородное, болѣе высокаго порядка вліяніе, въ которое буржуазная культура входитъ составнымъ элементомъ, не отдѣлимымъ и не отдѣленнымъ для неискушеннаго читателя, входитъ и своими положительными, и своими отрицательными сторонами.

Я имѣю въ виду все цѣлое литературы, какъ въ ея преемственности, начиная съ классиковъ, такъ и въ ея международномъ охватѣ, который все болѣе приближается къ міровому.

Вѣдь, художество—это не только настоящее, которое течетъ, но также и прошлое, которое кристаллизовалось. Это не политика, живущая сегодняшнимъ днемъ, и даже не наука, въ которой чѣмъ быстрѣе идетъ развитіе, тѣмъ скорѣе происходитъ и устарѣваніе. Художество есть единственное мѣсто, гдѣ великіе мертвецы равноправны съ живымъ поколѣніемъ, а часто имѣютъ и пріоритетъ передъ нимъ. Такъ, Шекспиръ до сихъ поръ гораздо болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ любой Зудерманъ и всякій Пшибышевскій...

Но эта великая сокровищница цѣнностей, именно своей нетлѣнностью, своимъ безсмертіемъ, играетъ роль и великой укрывательницы буржуазнаго духа въ его лучшихъ образцахъ (не

періода упадка, а періода подъема и разцвѣта), и великой консервативно-умѣряющей силы. Не будь тѣней прошлаго, безотрадность и несоотвѣтствіе психикѣ пролетаріата „текущей" литературы ощущалось бы много больнѣе, и реакція противъ нея могла бы скорѣе развить потребность въ пролетаріатѣ *своего* художества—ему нужнаго и дорогого. Теперь же то, что есть лучшаго въ пролетаріатѣ, его интеллигенція ищетъ убѣжища и утѣшенія отъ настоящаго въ прошломъ. Она въ старой литературѣ имѣетъ громоотводъ—суррогатъ ей нужнаго творчества, и литература, благодаря этой частично удовлетворенной психикѣ, не представляется этой интеллигенціи ареной, которая должна еще быть оспоренной, въ которой существуютъ, хотя и прикровенно, но тѣ же антагонизмы, что пропитываютъ собою и всю современную общественность.

Но громоотводъ существуетъ не только въ видѣ старой литературы. Капитализмъ не даромъ объединяетъ весь міръ и приводитъ его къ одному знаменателю. Въ общій резервуаръ всемірной литературы постоянно вливается потокъ литературъ въ своемъ родѣ экзотическихъ, точнѣе говоря,—литературъ тѣхъ странъ, гдѣ капитализмъ только дѣлаетъ еще свои первыя завоеванія, и гдѣ литература отражаетъ въ себѣ умонастроенія менѣе чуждыя—хотя и чужія—и болѣе пріемлемыя пролетаріату, чѣмъ литература странъ развитаго капитализма. Такъ отчасти скандинавы (впрочемъ, индивидуализмъ скандинавовъ ихъ до нѣкоторой степени сближаетъ съ современнымъ художествомъ Запада) и въ особенности русская литература отъ своихъ классиковъ и до Чехова и Горькаго включительно (Сологубъ и компанія, разумѣется, не въ счетъ) выполняютъ эту функцію для пролетаріата. Потому-то, напр., періодическая печать европейской соціалдемократіи такъ и переполнена переводами именно изъ этой литературы...

Мы подходимъ къ концу. Мы намѣтили два рода причинъ, мѣшающихъ развитію пролетарской культуры художества. Однѣ связаны съ положеніемъ и ролью пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ. Другія — съ значеніемъ общекультурнаго центра въ современной цивилизаціи.

Остается еще отвѣтить на вопросъ, могущій возникнуть: образуется-ли все же при дальнѣйшемъ развитіи пролетарскаго движенія, еще въ рамкахъ капиталистическаго строя, культура пролетарскаго художества? Многіе, вѣдь, жадно вперяютъ свои очи въ пустыню современной литературы и видятъ порой миражи соціалистическаго искусства. Наконецъ, какъ мы знаемъ, была же культура художества у буржуазіи дореволюціоннаго періода, у буржуазіи, еще только стремившейся къ власти. Отчего же не быть ей и у пролетаріата наканунѣ его торжества?

Мы не хотимъ быть пророками и предсказывать будущее. Въ этомъ будущемъ, быть можетъ, окажутся факторы, которые мы не въ состояніи учесть и предвидѣть. Но одно несомнѣнно: если къ тому времени не измѣнится типъ развитія—предполагать же такое измѣненіе у насъ нѣтъ никакихъ основаній—то едва-ли измѣнится что-нибудь къ лучшему и въ тѣхъ усло-

віяхъ, которыя сейчасъ стоятъ на пути пролетарскаго художества.

Чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ напряженнѣе становится борьба, тѣмъ больше задачъ у пролетарскаго „товарищества“ и обремененія этими задачами. И въ то-же время тѣмъ труднѣе пролетаріату, при относительномъ ухудшеніи его положенія, отстанвать и тѣ небольшіе абсолютные плюсы, которые ему удалось отвоевать у господъ положенія. Надо помнить, что пролетаріатъ до сихъ поръ не имѣетъ еще даже 8-ми-часового рабочаго дня, т. е. элементарныхъ предпосылокъ культурнаго существованія. Его положеніе, такимъ образомъ, въ корнѣ отлично отъ положенія буржуазіи 18-го вѣка, которая прежде чѣмъ взять свои политическія права, имѣла возможность собрать въ свои руки громадную экономическую силу.

Надо быть, поэтому, ревизіонистомъ и вѣрить во врастаніе капитализма въ соціализмъ, чтобы поддерживать эту аналогію, питая иллюзію, что пролетаріатъ сможетъ войти въ царство будущаго въ праздничныхъ одеждахъ богатой и разнообразной культуры.

Нѣтъ, онъ войдетъ въ истрепанной блузѣ, съ руками, покрытыми мозолями, и, уже только войдя, начнетъ строить и культуру художествъ, и всякую другую культуру. А до тѣхъ поръ это будутъ лишь слабые ростки, провозвѣстники будущаго, которыхъ его пролетарскому товариществу надо, конечно, всячески беречь и лелѣять—ибо только это товарищество еще можетъ выходить эти ростки, индивидуально обреченные на гибель.

Но возможные ростки еще не культура, это—только зародышъ культуры.

На этотъ счетъ—поменьше самообольщенья!..

А. Потресовъ.

О томъ, что было.

(1907—09 годы въ Екатеринославѣ).

Вопросъ о томъ, что есть и что должно быть, на страницахъ с.-д-кой печати какъ-будто совершенно стушевывается въ послѣднее время предъ вопросомъ, что было 3—4 года тому назадъ.

Нападки на „ликвидаторовъ“ дѣлаются не только за то, что они дѣлаютъ теперь, а за то, что писали 3—4 года тому назадъ Потресовъ, Маевскій, Ежовъ и другіе. При этомъ даже нынѣшніе друзья „ликвидаторовъ“, какъ К. Оранскій, высказываютъ незнаніе и непониманіе с.-д. практики на мѣстахъ, предшествовавшей и сопутствовавшей выступленіямъ вышеупомянутыхъ литераторовъ.

Эти кривотолки и побуждаютъ меня возстановить нѣкоторые факты изъ того, что было.

IV ГОДЪ ИЗД

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

К. НАУТСКІЙ. Августъ Бебель.
ВЛ. Р—ВЪ. Бебель и парламентская тактика.
А. КОЛЛОНТАЙ. Великій борецъ за право своб. женщинъ.
С. ДАЛИНЪ. Къ теоріи заработной платы.
П. МАСЛОВЪ. Споръ по недоразумѣнію.
ВЛ. Р—ВЪ. Изъ партійнаго прошлаго.
Д—Ъ. Рабочая кооперація на кооперативномъ съѣздѣ.
Н. ГАРВИ. Въ борьбѣ съ забастовочнымъ движеніемъ.

Иностранное обозрѣніе.

М. Н—А. Отъ обороны къ нападенію.
Пі—Й. Ленскій партейтагъ.
С. ШВАРЦЪ. Страховая рабочая кампанія въ С.-Петербургѣ.
Г. НАУМОВЪ. Новая работа по бюджету рабочихъ.

Политическое обозрѣніе.

Н. ОРАНСКІЙ. Тупикъ.
Ф. Д. Современное положеніе и задачи с. д. Франціи.
Библіографія.
Объявленія.

№ 7—8. Спб. 1913. Ц. 45 к.

IV-й годъ изданія.

Контора журнала „НАША ЗАРЯ“ проситъ гг. полугодовыхъ подписчиковъ озаботиться о внесеніи платы за второе полугодіе, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ.

№ 7—8.

С.-Петербургъ, 1913 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“, Средняя Подъяческая 4. Тел. 520-32.
1913.

Оглавленіе.

Стр.

К. Каутскій. Августъ Бебель 3
Вл. Р—въ. Бебель и парламентская тактика 8
А. Коллонтай. Великій борецъ за право и своб. женщинъ 15
С. Далинъ. Къ теоріи заработной платы 25
П. Масловъ. Споръ по недоразумѣнію 34
Вл. Р—въ. Изъ партійнаго прошлаго (Окончаніе) . . 37
Д—ъ. Рабочая кооперація на кооперативн. съѣздѣ . 43
Н. Гарви. Въ борьбѣ съ забастовочнымъ движеніемъ . 50

Иностранное обозрѣніе:

М. Н—а. Отъ обороны къ нападенію 60
П—ій. Іенскій партейтагъ 67

С. Шварцъ. Страховая рабоч. камп. въ С.-Петербургѣ . 74
Г. Наумовъ. Новая работа по бюджету рабочихъ . . 83

Политическое обозрѣніе:

К. Оранскій. Тупикъ 92
Ф. Д. Современное положеніе и задачи с.-д. фракціи. 100
Библіографія 106
Объявленія 110

Изъ партійнаго прошлаго

(по личнымъ воспоминаніямъ)

(окончаніе).

Просматривая теперь объяснительную записку къ проекту устава съѣзда (она напечатана въ приложеніи къ женевскому изданію протоколовъ), я съ удивленіемъ вижу, что въ ней ни слова не сказано о томъ, какъ должны были производиться выборы на съѣздъ, а § 6 устава опредѣляетъ:. „въ выборѣ депутатовъ организаціи не ограничены никакими условіями“ Комментаріи къ этому § отсутствуютъ въ объяснительной запискѣ. Подъ „организаціями“ же разумѣли только комитеты, руководящіе коллективы; въ уставѣ мы не употребляли термина „комитетъ“ только потому, что въ нѣкоторыхъ городахъ существовали по двѣ организаціи одновременно и въ такихъ случаяхъ вторая организація называлась обыкновенно не комитетомъ, а какъ нибудь иначе—группой (Одесса), Союзомъ Борьбы (С,-Петербургъ). О томъ, чтобы привлечь къ выборамъ „периферію“ организаціи, рѣчи въ Организаціонномъ Комитетѣ тогда не заходило, на счетъ этого не только нѣтъ обязательнаго § въ уставѣ, но даже нѣтъ совѣта или пожеланія въ объяснительной запискѣ: въ то время комитеты нигдѣ еще не были выборными и пополнялись они исключительно путемъ кооптаціи.

Единственнымъ исключеніемъ былъ, кажется, Тифлисскій комитетъ.

Такимъ образомъ „партія“ въ своей первой конституціи является намъ аристократической республикой на подобіе древне-спартанской. Народъ не привлекается къ участію въ высшихъ дѣлахъ, полноправнымъ гражданиномъ является—комитетчикъ. Причемъ званіе полноправнаго комитетчика въ свою очередь ставилось въ зависимость не отъ дѣйствительныхъ размѣровъ организаціи, а скорѣе отъ репутаціи организаціи (давности ея существованія, величины того или иного города). § 2 опредѣляетъ условіями привлеченія на съѣздъ слѣдующіе признаки организаціи: 1) не менѣе, чѣмъ годичное существованіе, причемъ подъ этимъ разумѣлось существованіе организаціи, а не даннаго состава ея комитета; 2) наличность въ это время агитаціонной, пропагандистской или организаціонной ея дѣятельности; 3) наличность значительнаго рабочаго населенія въ районѣ дѣятельности организаціи, или въ ея сферѣ вліянія, какъ я тогда выражался въ объяснительной запискѣ: рабочіе попросту приписывались къ комитету, ихъ подчиненіе его руководству считалось чѣмъ то само собой разумѣющимся. Объяснительная записка говоритъ объ этомъ: „такъ какъ въ самодержавной Россіи объ избирателяхъ не можетъ быть и рѣчи, то приходится число избирателей

замѣнить далеко менѣе опредѣленнымъ понятіемъ—сферой вліянія организаціи", и въ другомъ мѣстѣ: „избраннымъ представителемъ соціальдемократическаго движенія не можетъ быть никакая нелегальная организація". Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, что мы сами были мало удовлетворены нашей конституціей, но по конспиративной техникѣ того времени намъ казалось невозможнымъ демократизировать ее. Впослѣдствіи это быстро стало измѣняться, когда рабочія массы дѣйствительно вошли въ движеніе и стали изъ своей среды выдѣлять его руководителей. Черезъ годъ партійная власть на мѣстахъ перешла въ руки гораздо болѣе близкихъ къ рабочимъ „районныхъ" комитетовъ или „собраній".

Но и въ то время кое-гдѣ была уже довольно сильная оппозиція рабочихъ диктатурѣ интеллигентскихъ комитетовъ. Оппозиція эта принимала почти всегда нелѣпую форму вражды къ интеллигенціи вообще, а такъ какъ, несмотря на всю скороспѣлость большинства нашей интеллигенціи того времени, она была все-таки много интеллигентнѣе рабочей части организацій, побѣда оставалась все же за ней, а не за рабочей оппозиціей. Съ этой оппозиціей поступали иногда очень круто: такъ одесская „Рабочая Воля", чисто рабочая организація, была устранена отъ участія въ съѣздѣ простымъ единоличнымъ распоряженіемъ даже не Организаціоннаго Комитета, а одного его члена. Здѣсь я долженъ сказать: mea culpa, mea maxima culpa (моя вина, моя главная вина). Черезъ 3 года мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ товарищемъ, который стоялъ во главѣ этой „Рабочей Воли": тогда онъ былъ уже членомъ комитета (меньшевикомъ) и очень недурно „намылилъ мнѣ голову" за попытку Центр. Комитета, къ которому я принадлежалъ, однимъ простымъ распоряженіемъ вызвать всеобщую забастовку послѣ разгона первой Думы.

Были и обратные случаи: нѣкоторыя организаціи употребили всѣ усилія къ тому, чтобы послать на съѣздъ рабочаго. Нѣсколько рабочихъ бывшихъ на съѣздѣ — кажется ихъ было только трое [1]) — попали именно такимъ образомъ. На съѣздѣ они не играли никакой роли. Помнится, что Екатеринославскій Комитетъ принималъ спеціальныя мѣры къ тому, чтобы разыскать одного виднаго рабочаго и послать его делегатомъ на съѣздъ, но этого не удалось сдѣлать. Этотъ рабочій—Бойковъ („Лука" или „кузнецъ"). Онъ пользовался большимъ вліяніемъ на югѣ и былъ однимъ изъ немногихъ рабочихъ, которые уже въ то время играли руководящую роль въ партійныхъ организаціяхъ. Въ 1906 г. онъ былъ убитъ конвоемъ, препровождавшимъ его на родину въ Псковскую губ., за попытку бѣжать.

Еще одна характерная черта устава 2-го съѣзда. § 7 гласитъ: „депутаты не должны быть ограничены въ своихъ полномочіяхъ импе-

[1]) Отъ С.-Петербургскаго, Кіевскаго и Тульскаго комитетовъ.

ративными мандатами". А въ объяснительной запискѣ къ этому § имѣются такія замѣчанія „необходимо, чтобы депутаты съѣзда имѣли право обсуждать всѣ вопросы а не только тѣ, которые были предусмотрѣны проектомъ порядка дня и которые предварительно обсуждались въ организаціяхъ"... „Каждая организація, посылающая депутата на съѣздъ, должна позаботиться о томъ, чтобы депутатъ явился на съѣздъ подготовленнымъ къ своимъ обязанностямъ. Такая подготовка должна состоять въ предварительномъ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда, въ отдѣльныхъ организаціяхъ". Какіе же это вопросы? Проекта порядка дня въ дѣйствительности не было. Организац. комитетъ не имѣлъ больше пленарнаго засѣданія въ Россіи, порядокъ дня онъ разсматривалъ только наканунѣ открытія съѣзда. Онъ не имѣлъ даже собственнаго проекта—предложенный отъ имени Орг. К. проектъ былъ составленъ Ленинымъ и не былъ извѣстенъ въ Россіи. Слѣдовательно, каждой организаціи въ сущности приходилось обсуждать всѣ возможные вопросы по собственному выбору и усмотрѣнію. Вопросъ о программѣ былъ поставленъ на очередь давно — съ опубликованіемъ проекта „Искры" и „Зари", тоже нужно сказать объ организаціонномъ вопросѣ—брошюра Ленина „Что дѣлать" поставила этотъ вопросъ на первое мѣсто. Наоборотъ, вопросы тактики были совершенно забыты, Я едва ли ошибусь, если скажу, что ни одинъ делегатъ изъ внутренней Россіи не могъ бы представить съѣзду ни одного рѣшенія своей организаціи ни по одному тактическому вопросу.

Впрочемъ, и вообще предварительнаго обсужденія подлежащихъ съѣзду вопросовъ въ мѣсныхъ организнціяхъ не были. Теперь я могъ бы съ полнымъ парвомъ сказать о своей объяснительной запискѣ:

Гладко писано въ бумагѣ
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.

Приходится признаться, что у насъ дѣло вышло не лучше, чѣмъ у героя этой пѣсенки, генерала Реада. Уставъ былъ очень заботливо доставленъ не по почтѣ, а черезъ представителей Орг. Комитета, во всѣ мѣстныя организаціи. Также тщательно была составлена сводка замѣчаній къ уставу и произведена „баллотировка" отдѣльныхъ §§ его, но поправки къ проекту устава уже не были подвергнуты перебаллотировкѣ, когда мы убѣдились, что большинство организацій одобрило уставъ цѣликомъ. Дальше аппаратъ работалъ не такъ гладко. Проекта порядка дня мы не доставили комитетамъ. Не было имъ доставлено и ни одного доклада. А, если къ этому прибавить условія конспиративной жизни того времени—опасность частыхъ и продолжительныхъ собраній, необходимость мѣнять мѣста для наиболѣе дѣятельныхъ товарищей — то легко понять, что организаціи совершенно не могли подготовиться къ съѣзду.

Вотъ, напр., я ѣду въ Ростовъ съ сообщеніемъ о томъ, что уставъ принятъ и что слѣдуетъ заранѣе намѣтить кандидата. Пріѣзжаю въ Ростовъ 2-го марта и прямо съ вокзала попадаю на демонстрацію на Б. Садовой ул. Конечно, въ такой обстановкѣ приходится позабыть о всѣхъ порученіяхъ. А вечеромъ, когда собрался комитетъ, на первую очередь ставится вопросъ, кто не арестованъ и кому слѣдуетъ скрыться изъ города. Въ итогѣ изъ довольно большой организаціи могутъ спокойно оставаться на мѣстѣ 2 — 3 чел.... Потомъ, когда организація оправилась отъ разгрома, всѣ старые члены покинули ее. Избраны, были, понятно, члены стараго комитета, проводившаго извѣстную стачку 1902 г., но они въ то время къ ростовской организаціи не имѣли никакого отношенія. То же было въ Батумѣ. Незадолго до моего пріѣзда организація была совершенно уничтожена арестами, такъ что я, получивъ предупрежденіе объ опасности изъ Тифлиса, боялся даже оставаться въ городѣ и, вмѣсто комитетскаго засѣданія, провалялся цѣлый день на берегу моря. Слѣдуетъ, наоборотъ, отмѣтить исключительно хорошую по тѣмъ временамъ организацію въ Тифлисѣ. По словамъ тифлисскихъ товарищей, въ организацію уплачивали регулярно взносы до 900 рабочихъ. Была своя легальная газета („Квали“—Борьба). Но и въ Тифлисскомъ комитетѣ, насколько помнится, къ выборамъ не привлекалась вся организація. Въ Екатеринославѣ и Кіевѣ выборы были произведены безъ всякой подготовки, и въ Екатеринославѣ прошелъ кандидатъ, который спустя мѣсяцъ послѣ съѣзда изъ пламеннаго сторонника Ленина внезапно превратился въ анархиста. Въ общемъ, конечно, были выбраны лучшіе „практики“. Изъ бывшихъ въ то время на свободѣ, организаціи предпочитали тогда выбирать заочно, но зато такихъ людей, которые пользовались популярностью въ ихъ городѣ. Что касается юга Россіи, то всѣ делегаты, за исключеніемъ одного кіевскаго, были мѣстными дѣятелями.

Какъ происходили выборы на сѣверѣ, я не знаю, знаю только, что въ этотъ періодъ состояніе Петербургской и Московской организацій было въ высшей степени плачевное, и выборы отъ Петербургскаго комитета носили совершенно случайный характеръ. Делегатъ этого комитета (Горскій, рабочій) не проронилъ на съѣздѣ ни одного слова, хотя очень исправно голосовалъ по „Ленину“. Въ общемъ уже тогда, до начала съѣзда, у меня сложилось довольно пессимистическое настроеніе, и я очень хорошо помню, какъ послѣ моихъ разсказовъ о поѣздкѣ по югу, одинъ изъ товарищей подшучивалъ надо мной: „какъ видно, публика плохо ублажаетъ господина партійнаго кондуктора“. Въ то время я велъ въ полномъ смыслѣ слова кондукторскій образъ жизни. Спустя много времени послѣ этого, сидя въ Московской губ. тюрьмѣ (на Таганкѣ), я какъ-то отъ нечего дѣлать подсчитывалъ по путеводителю, сколько верстъ я проѣхалъ за время моей

конспиративной дѣятельности: за 1903 г. получилась цифра близкая къ длинѣ земного экватора.

Къ началу іюня 1903 г. выборы были закончены во всѣхъ организаціяхъ и началась переправа делегатовъ за границу. Почти всѣ ѣхали нелегально. Переправа была организована въ четырехъ пограничныхъ пунктахъ и функціонировала прекрасно. Было арестовано только двое делегатовъ, но по ихъ собственной неосторожности. Многимъ, конечно, пришлось претерпѣть коо-какія непріятности, обычныя для отправляющихся заграницу нелегальнымъ путемъ: грязь литовскихъ корчемъ, путешествіе ночью подъ дождемъ, переодѣваніе въ наполненную паразитами одежду крестьянъ и проч. Я отправлялся однимъ изъ послѣднихъ и сохранилъ объ этомъ моемъ первомъ нелегальномъ переходѣ черезъ границу очень хорошее воспоминаніе: товарищи, на обязанности которыхъ лежала перепра́ва делегатовъ, окружали ихъ самой трогательной заботливостью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ переправлялся я (мѣстечко Владиславовъ Ковен. губ.) переправой завѣдывалъ молодой рабочій-еврей, щетинщикъ. Я пріѣхалъ днемъ и естественно не засталъ его дома. Я хотѣлъ было уйти, но меня остановила дѣвочка лѣтъ 12—13, и настойчиво просила обождать и не ходить на улицу. Я согласился, зашелъ въ указанную мнѣ каморку и сѣлъ.

— Вы къ брату, навѣрное, по дѣлу?

— Да.

— А можно узнать какое это дѣло?

— Нѣтъ.

— А вы мнѣ все-таки скажите хоть начало...

Я посмотрѣлъ на нее: начало? Дѣвочка хотѣла, очевидно, знать начало условленнаго пароля. Неужели и такой ребенокъ уже участвуетъ въ конспираціяхъ. Во внутренней Россіи этого не бывало. На всякій случай, больше изъ любопытства, я произнесъ первыхъ два слова условленной фразы и дѣвочка, торопясь отъ смущенія и коверкая русскія слова, докончила ее, какъ было нужно.

— Ну, сказалъ я, значитъ мы—товарищи, и протянулъ ей руку.

Краснѣя отъ радости и гордости, что ей довѣряютъ и обращаются какъ со взрослой, она начала разсказывать, что „уже давно" помогаетъ брату въ его конспиративныхъ обязанностяхъ. Это слово „конспиративный» она повторяла нѣсколько разъ—очевидно, оно доставляло ей большое удовольствіе. Потомъ она сообщила мнѣ, что за послѣдніе дни появились въ мѣстечкѣ шпіоны, и пограничная стража чаще, чѣмъ обыкновенно, дѣлаетъ обыски у мѣстныхъ жителей. Это сообщеніе мнѣ не понравилось, и я спросилъ, не лучше ли мнѣ запрятаться куда-нибудь подальше, а не сидѣть въ комнатѣ, да еще въ первомъ этажѣ, куда можно заглянуть черезъ окно.

— Конечно, конечно, вотъ я и говорю, подождите немного, я скоро отведу васъ въ синагогу.

Часа черезъ два я сидѣлъ въ синагогѣ. Ко мнѣ подошелъ старикъ-еврей и предложилъ что-то. Не понявъ его, я жестомъ отказался. Послѣ мнѣ объяснили, что онъ предлагалъ мнѣ еврейскія молитвенныя одежды, что предлагать „талесъ“ страннику — почетная обязанность, которую исполняютъ старики, и что я очень нехорошо сдѣлалъ, отказавшись и обидѣвъ этимъ старика. Передо мной положили старый-старый молитвенникъ на древне-еврейскомъ языкѣ: красивый шрифтъ. Я перелистывалъ его, искоса поглядывая на молящихся. На меня не обращали вниманія, и я благополучно просидѣлъ часа три.

Благородная эта религія, еврейская! Черезъ годъ при такой же нелегальной переправѣ мнѣ пришлось часа два пробыть въ костелѣ: тамъ почти все время пришлось простоять на колѣняхъ, да еще въ довершеніе всего подошелъ ксендзъ съ серебряной корзиночкой, наполненной мелкими монетами. Я со злостью бросилъ ему гривенникъ и вспомнилъ при этомъ Гейневскаго Гіацинта: онъ былъ рѣшительно неправъ, отдавая предпочтеніе католицизму.

Я могъ бы закончить на этомъ свои воспоминанія, но мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ объ участникахъ 2-го съѣзда. Трое изъ нихъ умерло: *Богданъ Куньянцъ* („Рубенъ“, „Б. Радинъ“, въ протоколахъ съѣзда „Русовъ“) былъ делегатомъ отъ Баку, гдѣ онъ и тогда уже игралъ крупную роль. Впослѣдствіи онъ былъ членомъ Исполнительнаго Комитета Петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Былъ сосланъ на поселеніе, бѣжалъ оттуда и жилъ въ Баку. Послѣ ареста ему грозила 3-хъ лѣтняя каторга за побѣгъ съ поселенія. Умеръ онъ въ тюрьмѣ отъ сыпного тифа совсѣмъ молодымъ. *Евдокія Семеновна Левина* (въ протоколахъ съѣзда Ивановъ) была моимъ товарищемъ по группѣ „Юж. Рабочаго“. Она была лучшей литературной силой нашего журнала, много послужила нашей партіи и внѣ этого журнала. Она участвовала въ соціальдемократическомъ движеніи первой половины 90-хъ годовъ въ Харьковѣ. Происшедшій на второмъ съѣздѣ расколъ сильно потрясъ ее, горячую сторонницу „Искры“. Послѣ съѣзда она отошла отъ движенія, нервы ея были совершенно разбиты. Въ 1905 г. незадолго до революціи она бросилась въ море въ Крыму и утонула. *Николай Бауманъ* (въ протоколахъ съѣзда „Сорокинъ“), былъ убитъ въ Москвѣ черносотенцами въ день объявленія манифеста 17-го октября 1905 г. Я помню его такимъ, какимъ онъ былъ за нѣсколько минутъ до смерти, когда онъ, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, готовился вести толпу рабочихъ къ губернской тюрьмѣ.

Изъ оставшихся участниковъ 2-го съѣзда трое были депутатами Гос. Думы (Жорданія, Мандельбергъ, Зурабовъ), многіе другіе играли видную роль въ с.-д. движеніи. И вотъ это обстоятельство и память

о погибшихъ товарищахъ, которые всѣ были крупными общественными дѣятелями, заставляетъ меня думать, что неудачно закончившійся 2-й съѣздъ, несмотря на все, былъ событіемъ положительнаго значенія въ исторіи нашей партіи.

Вл. Р—въ.

Рабочая кооперація на кооперативномъ съѣздѣ.

I.

Классовыя задачи рабочей кооперації, отрывающія ее отъ „единой кооперативной семьи", но дѣлающія зато составной частью рабочаго движенія, вызвали образованіе на Кіевскомъ кооперативномъ съѣздѣ особой рабочей группы. Составъ ея, казалось бы, намѣчался самъ собой. Въ нее должны были бы войти представители рабочихъ потребительныхъ обществъ, съ одной стороны, делегаты отъ рабочихъ и служащихъ въ кооперативахъ—съ другой. Такой составъ группы подчеркнулъ бы одну изъ основныхъ классовыхъ задачъ рабочей кооперації—обязанность всегда стоять на стражѣ интересовъ наемнаго труда и дѣйствовать въ полномъ согласіи съ профессіональными организаціями рабочихъ...

Между тѣмъ, на учредительномъ собраніи группы вопросъ объ ея составѣ вызвалъ продолжительные и страстные споры. Депутатомъ Петровскимъ было внесено предложеніе объ образованіи отдѣльной марксистской группы. Предложеніе это, поддержанное и нѣкоторыми меньшевиками, шло въ разрѣзъ со всей прежней практикой рабочихъ выступленій на общественныхъ съѣздахъ. Обычно рабочая группа—или по меньшей мѣрѣ ядро ея—складывалась изъ всѣхъ делегатовъ отъ рабочихъ организацій, независимо отъ политическихъ убѣжденій. Этой практикой, вытекающей изъ общаго отношенія марксизма къ безпартійнымъ рабочимъ организаціямъ, посылавшимъ на съѣзды своихъ делегатовъ, достигалось единство рабочихъ выступленій и въ то же время въ совмѣстной работѣ расширялось и укрѣплялось вліяніе марксизма на не марксистскіе пролетарскіе элементы; идейная гегемонія внутри рабочихъ делегацій на съѣздахъ всегда безспорно принадлежала марксистамъ. Предложеніе деп. Петровскаго, будь оно принято, внесло бы сѣмена раскола не только въ рабочія выступленія на самомъ съѣздѣ, но и въ рабочую кооперацію вообще, и этимъ не ускорило бы, а, наоборотъ, задержало бы еще только начинающееся классовое самоопредѣленіе ея.

Къ счастью, и для марксизма, и для рабочей кооперації, предложеніе деп. Петровскаго было провалено. Лишь въ видѣ

IV годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Ортодоксъ. Основные элементы философіи іосифа Дицгена.
А. Коллонтай. Защита материнства
П. Масловъ. Установленіе минимума заработной платы.
Ст. Новицкій. Переломъ въ польскомъ рабочемъ движеніи.
Н. Гарѣвъ. Лѣтопись рабочаго движенія.

СРЕДИ ЖУРНАЛОВЪ.

Л. Сѣдовъ. 1. Новое въ рабочемъ движеніи. 2. Новое у лѣвыхъ народниковъ.

Н. Борисовъ. Безъ живого дѣла. (Памяти Н. Г. Помяловскаго.
Г. Ракитинъ. Рабочая масса и рабочая интеллигенція.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. М—въ. 1. На Балканскомъ пепелищѣ. 2. Новая эра въ Ирландіи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Н. Череванинъ. Передъ новой сессіей Думы.
Виталій. Дѣло Бейлиса.
Откликъ. Замѣтки на текущія темы.
Библіографія.
Объявленія.

№ 9. Спб. 1913. Ц. 30.

IV-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ.

№ 9.

С.-Петербургъ, 1913 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Коммерческая Типографія. Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1913

Рабочая масса и рабочая интеллигенція.

I.

Побѣда, одержанная сторонниками газеты „Правда" на общемъ собраніи петербургскаго профессіональнаго союза металлистовъ, какъ и нѣкоторые другіе факты, свидѣтельствующіе объ усиленіи вліянія большевизма въ рабочей средѣ (особенно въ Петербургѣ), заставляютъ невольно призадуматься: Какъ это случилось, что опорные пункты меньшевистскаго направленія и спеціально такъ называемаго „ликвидаторства" начинаютъ уходить изъ подъ вліянія теченія, которое заложило фундаментъ открытыхъ рабочихъ организацій въ Россіи и которое одно только дѣятельно работало въ нихъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо уяснить себѣ характерныя черты рабочаго движенія нашего времени.

Два основныхъ момента отличаютъ начавшееся съ весны 1912 года возрожденіе рабочаго движенія. Это, во-первыхъ, огромный *подъемъ массоваго рабочаго движенія*, и, во вторыхъ, медленно, но постепенно совершающееся на почвѣ этого движенія *объединеніе рабочей интеллигенціи.*

Россія давно уже не переживала такого подъема энергіи рабочаго класса, какой мы наблюдаемъ въ 1912—13 г.г. Подъемъ этотъ, выражающійся преимущественно въ необычайномъ количествѣ экономичесиихъ и политическихъ стачекъ, находитъ себѣ объясненіе въ прекращеніи промышленнаго кризиса и въ благопріятной экономической конъюнктурѣ, наступившихъ въ Россіи съ 1910 года. Намъ нѣтъ надобности указывать на всѣ признаки промышленнаго подъема. Каждый рабочій непосредственно на себѣ ощущаетъ его вліяніе.

Экономическій подъемъ сопровождается въ значительной степени вызываемымъ имъ-же политическимъ оживленіемъ. Послѣ нѣсколькихъ мрачныхъ лѣтъ контръ-революціи съ ихъ всеобщей придавленностью и общественнымъ индифферентизмомъ (равнодушіемъ) наступаетъ, несмотря на господствующую по прежнему правительственную реакцію, политическое пробужденіе, всеобщій интересъ къ политикѣ. Эта обстановка, въ которой совершается возрожденіе рабочаго движенія, не можетъ не откладывать на немъ своего отпечатка.

Благопріятная экономическая конъюнктура создаетъ въ широкихъ рабочихъ массахъ чувство увѣренности въ себѣ и сравнительно легкую подвижность. Масса безъ особеннаго сопротивленія втягивается въ стачку, охотно присоединяется къ возникшей по чьей либо иниціативѣ политической забастовкѣ, не боясь локаутовъ, потери заработка, безработицы. Въ свою очередь, атмосфера политическаго возбужденія, въ которой протекаетъ теперь наше рабочее движеніе, очень легко придаетъ

массовому движенію, возникающему на чисто экономической почвѣ, *политическій* и *революціонный* характеръ. Рабочія массы воспринимаютъ безъ труда политичеекіе лозунги: чѣмъ радикальнѣе, тѣмъ лучше. Этому не мало содѣйствуетъ систематическое и неуклонное вмѣшательство администраціи въ экономическія забастовки и все усиливающіяся по отношенію къ рабочему классу репрессіи. Самые широкіе слои рабочей массы, самые ея отсталые элементы принимаютъ въ настоящее время участіе въ разнаго рода политическихъ протестахъ: стачкахъ солидарности, резолюціяхъ и митингахъ, въ попыткахъ уличныхъ манифестацій, иниціатива которыхъ исходитъ отъ той или иной политической группы.

Не малое вліяніе на характеръ рабочаго движенія нашего времени оказываетъ еще одинъ факторъ: составъ рабочей арміи. Движеніе распространяется теперь не только на сознательныхъ передовыхъ рабочихъ: дѣйствующая пролетарская масса захватываетъ совершенно свѣжіе, еще не извѣдавшіе классовой борьбы, элементы рабочихъ.

Промышленное оживленіе стягиваетъ въ города вчерашнихъ крестьянъ, не успѣвшихъ еще „вывариться въ фабричномъ котлѣ“ и выковать свое сознаніе на горнѣ повседневной борьбы съ хозяевами. Разультаты землеустроительной политики правительства также содѣйствуютъ выталкиванію изъ деревни многихъ сотенъ и тысячъ крестьянъ, впервые вступающихъ въ ряды пролетарской арміи. Наконецъ, въ движеніи впервые принимаетъ теперь участіе та рабочая молодежь, которая выросла и созрѣла въ періодъ послѣ 1905 года,

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ ведетъ къ тому, что значительная часть дѣйствующей и борющейся въ наши дни рабочей массы представляетъ изъ себя не организованные, сознательные кадры пролетаріата, воспитанные въ классовой борьбѣ съ капиталомъ, испытавшіе на себѣ вліяніе профессіональныхъ и политическихъ рабочихъ организацій, но еще только пробуждающійся классъ, повинующійся скорѣе инстинкту и чувству, чѣмъ сознанію и разсчету, не отрѣшившійся въ массѣ своей отъ примитивности крестьянскаго міровоззрѣнія и плохо разбирающійся въ сущности капиталистическаго строя.

Преобладаніе въ массовомъ движеніи такихъ элементовъ придаетъ ему неорганизованный, импульсивный и схихійный характеръ, проявляющійся, между прочимъ, въ томъ, что масса легко переходитъ отъ чрезмѣрной вѣры въ свои силы къ столь же неумѣренному разочарованію въ нихъ, отъ крайне революціонныхъ по внѣшности формъ борьбы къ малодушной покорности и индифферентизму, нерѣдко прикрывающемуся принципіальнымъ „бойкотизмомъ“.

Подобный импульсивный и неорганизованный характеръ таитъ въ себѣ много опасностей. Отсутствіе выдержки у массъ и ихъ склонность бросаться въ борьбу, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ за и противъ, ведетъ нерѣдко къ тяжелымъ и серьезнымъ пораженіямъ. Такъ было напр. въ Петербургѣ на зав. Айвазъ, гдѣ администрація сознательно вызвала рабочихъ на стачку, чтобы потомъ голодомъ склонить ихъ къ принятію новыхъ, болѣе выгодныхъ для *нея*, условій. И она этого въ зна-

чительной степени добилась. Рабочая масса пока еще далека отъ сознанія вредныхъ сторонъ стихійности и неорганизованности своего движенія.

И это легко понять. Промышленное оживленіе, вызывающее стремительный характеръ движенія, облегчаетъ рабочимъ побѣду, несмотря на ихъ неорганизованность. И оно же, въ случаѣ пораженія стачки, сравнительно скоро даетъ возможность пострадавшему за стачку отдѣльному рабочему найти себѣ работу въ другомъ мѣстѣ. Только благодаря этому, несмотря на отсутствіе сильныхъ профессіональныхъ рабочихъ организацій, могущественнымъ организаціямъ предпринимателей не удается свести окончательно на нѣтъ результаты стачечнаго движенія. Картина перемѣнится, какъ только въ производствѣ наступитъ заминка и разразится кризисъ со своими обычными послѣдствіями въ видѣ массовыхъ разсчетовъ, безработицы, голода и нужды. Тѣ самыя неорганизованныя массы, которыя сегодня бастуютъ по любому поводу, равнодушно относясь къ организаціи, смиренно поплетутся тогда за побѣдной колесницей организованныхъ предпринимателей, униженно проходя подъ ярмомъ капитализма и обильно пополняя для него кадры штрейкбрехеровъ.

Но это дѣло будущаго, а пока... пока, увлекаемые стихіей и чувствуя свою классовую солидирность, не разъединяемую взаимною конкурренціей, рабочіе переоцѣниваютъ значеніе своихъ стихійныхъ порывовъ и не дооцѣниваютъ важность сильныхъ организацій для дѣйствительныхъ завоеваній. Разумѣется, передовымъ слоямъ рабочихъ опытъ стачечнаго движенія уже говоритъ о необходимости болѣе сложной тактики и внушаетъ мысль о настоятельности, сильныхъ, охватывающихъ массы, организацій. Но, къ сожалѣнію, этотъ опытъ, учитываемый сливками рабочаго класса, лишь очень медленно воспринимается и усваивается широкими массами.

При указанной выше психологіи и настроеніяхъ массъ тактическіе взгляды, развиваемые „Правдой“ и ея преемницами, находятъ себѣ благодарную почву и легко усваиваются этими массами. Революціонная фразеологія: разговоры о „неурѣзанныхъ“, лозунгахъ „коренной реформѣ“, противопоставляемой „частичнымъ“ требованіямъ, преклоненіе передъ предразсудками рабочихъ и грубая лесть имъ, возвеличиваніе *всякой* стачки, независимо отъ ея цѣли и организованности—какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ примитивному сознанію, соединяемому съ революціоннымъ настроеніемъ, только что вступающей въ движеніе и получающей свое первое боевое крещеніе массы. Для нея, не извѣдавшей на своемъ опытѣ всей сложности классовой борьбы, гораздо доступнѣе тактика и взгляды, не требующіе повседневной, упорной, не рѣдко мелочной борьбы и принесенія постоянныхъ жертвъ для своей организаціи, но обѣщающіе „сразу“, однимъ взмахомъ, легкую побѣду. Рабочему массовику понятнѣе противопоставленіе пролетаріата вмѣстѣ съ крестьянствомъ, изъ рядовъ котораго онъ вышелъ, но отъ котораго окончательно еще не отдѣлился, всему буржуазному обществу, отъ Пуришкевича до Милюкова, какъ единой реакціонной массѣ, чѣмъ классовое обособленіе при сохраненіи различнаго отношенія къ различнымъ соціальнымъ группировкамъ внутри

этого общества. Ему ближе народническій лозунгъ „земли“, воспринятый большевизмомъ, чѣмъ какая то свобода коалиціи, реальнаго значенія которой онъ, не познавшій на практикѣ важности организаціи, не оцѣниваетъ. Его стихійно-революціонному настроенію болѣе отвѣчаетъ псевдо-марксистская тактика „послѣдовательныхъ“, чѣмъ гибкая классовая тактика дѣйствительнаго марксизма.

Упрощенная тактика большевизма, встрѣчающая откликъ среди широкихъ массъ, находитъ себѣ горячихъ приверженцевъ и послѣдователей среди подростающей рабочей молодежи, служащей посредствующимъ звеномъ между руководящими кругами большевистскаго направленія и рабочими массами. Эти революціонно и идеалистически настроенные, но обыкновенно теоретически и политически мало подготовленные къ руководству классовымъ движеніемъ, рабочіе легко становятся жертвой демагогіи, обильнымъ потокомъ идущей изъ лагеря „послѣдовательнаго“ марксизма, дѣлаясь проводниками въ рабочихъ массахъ его идей. Эта, часто еще зеленая молодежь, составляетъ кадры корреспондентовъ въ большевистскія газеты, ихъ распространителей и авторовъ многочисленныхъ резолюцій, членовъ большевистски настроенныхъ правленій профессіональныхъ союзовъ и клубовъ. Правда, какъ неоднократно отмѣчалось въ печати, эти элементы, несмотря на свою преданность, мало способны къ веденію *самостоятельной* работы по организаціи и пропагандѣ среди массъ: для этого у нихъ отсутствуютъ какъ необходимыя теоретическія познанія, такъ и практическій опытъ. Ихъ энергіи и революціоннаго настроенія хватаетъ только на то, чтобы заражать массы, подготовленныя къ этому вышеуказанными условіями, своимъ настроеніемъ и являться застрѣльщиками въ ихъ стихійныхъ движеніяхъ, но не на то, чтобы руководить организованнымъ классовымъ движеніемъ.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло не съ сознательнымъ воспринятіемъ рабочими массами тактики „послѣдовательнаго“ марксизма, какъ это утверждаютъ большевики, но съ временнымъ успѣхомъ послѣднихъ благодаря соотвѣтствію ихъ идей съ стихійнымъ настроеніемъ массъ. Испытывая на себѣ уроки классовой борьбы и сталкиваясь съ организованнымъ отпоромъ предпринимательскихъ организацій, рабочія массы постепенно будутъ освобождаться отъ переоцѣнки собственныхъ силъ и тѣхъ иллюзій, которыя внушаются имъ представителями большевистскаго теченія. Временное увлеченіе массъ и подростающей рабочей молодежи большевистскими „лозунгами“ является своего рода исторически необходимой предохранительной прививкой на пути къ сознательному и организованному движенію. Это послѣднее смѣнитъ стихійныя вспышки неорганизованныхъ массъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше рабочій авангардъ сумѣетъ осмыслить для рабочихъ неизбѣжный процессъ ихъ превращенія изъ распыленной массы въ организованный и сознающій свои интересы классъ.

II.

Годы контр-революціи, не оставившіе почти никакого слѣда въ сознаніи рабочихъ массъ, сыграли немаловажную роль въ

классовомъ самоопредѣленіи передовыхъ круговъ русскаго пролетаріата. Революція возбудила цѣлый рядъ вопросовъ, на которые они стали искать отвѣта въ годы реакціи. Участіе въ просвѣтительныхъ обществахъ и профессіональныхъ союзахъ, усиленное занятіе самообразованіемъ, попытки открытыхъ выступленій на общественныхъ съѣздахъ, серьезный интересъ, проявленный къ дѣятельности Думы и соц.-дем. фракціи—все это подготовило и выработало ко времени подъема движенія довольно плотный слой рабочей интеллигенціи, нѣсколько отличной отъ типа передовыхъ рабочихъ дореволюціоннаго періода. До 1905 года интеллигентные и активные рабочіе с.—д. быстро переходили въ разрядъ „профессіональныхъ революціонеровъ"; отрываясь отъ массъ; теперешній рабочій—интеллигентъ продолжаетъ жить и работать въ тѣхъ же условіяхъ, что и рабочая масса, сохраняя съ ней самую тѣсную связь. Рабочій, вырабатывавшійся въ тѣсныхъ рамкахъ подпольныхъ кружковъ въ сознательнаго с. д., продолжалъ, дѣлаясь членомъ „комитета", смотрѣть снизу вверхъ на своего руководителя интеллигента, призваннаго творить „политику". Напротивъ того, современный рабочій с. д., прошедшій школу открытыхъ рабочихъ организацій, проявляетъ гораздо больше самостоятельности какъ въ области мысли, такъ и дѣйствія, стремясь самостоятельно дѣлать свое дѣло безъ посторонней указки, живо ощущая лежащую на немъ отвѣтственность. Выработавшаяся въ годы реакціи привычка изо дня въ день выступать съ докладами на собраніяхъ рабочихъ организацій и иногда на чужихъ съѣздахъ, а также пріобрѣтенное въ эти годы умѣнье вести отвѣтственную организаціонную работу, выдѣлили изъ передового слоя рабочихъ ораторовъ и организаторовъ, докладчиковъ и опытныхъ секретарей, умѣющихъ оріентироваться въ самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. А сравнительно широкое даже въ годы реакціи распространеніе профессіональной прессы выработало довольно значительное количество рабочихъ, свободно владѣющихъ перомъ.

Такимъ образомъ къ началу возрожденія рабочаго движенія, послѣ контр-революціонной спячки мы наряду съ стихійно пришедшими въ движеніе и легко поддающимися воздѣйствію извнѣ, революціонно настроенными массами, имѣемъ на лицо значительный въ количественномъ и высоко стоящій въ качественномъ отношеніи сознательный пролетарскій авангардъ. [1]) Выработавшійся въ годы реакціи при отсутствіи массоваго движенія, авангардъ этотъ могъ превратиться въ организованную политическую силу только въ періодъ подъема при наличности этого движенія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что именно за два послѣдніе года происходитъ процессъ превращенія этихъ разрозненныхъ передовыхъ элементовъ рабочаго класса въ организованные отряды соціальдемократіи.

---

[1]) Въ своихъ интересныхъ статьяхъ въ газ. „Лучъ" и „Живая Жизнь". „Рабочіе и культура" тов. Квадратъ, хорошо знакомый съ дѣятельностью рабочихъ организацій, отмѣчаетъ уменьшеніе (относительное) въ послѣднее время рабочей интеллигенціи въ крупныхъ центрахъ благодаря репрессіямъ и медленность процесса выработки замѣстителей выбывающимъ изъ строя, что приводитъ къ несоотвѣтствію между выдвинутыми массовымъ движеніемъ задачами и персоналомъ для ихъ выполненія.

Казалось бы, что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ синтезъ (сліяніе) обоихъ этихъ элементовъ, т. е. сочетаніе массовой энергіи рабочаго класса съ сознательностью, политическими и организаціонными навыками стоящей впереди него и руководящей имъ рабочей интеллигенціи. И въ самомъ дѣлѣ во многихъ отрасляхъ и формахъ рабочаго движенія такъ оно и происходитъ (организація страховой, коалиціонной кампаніи, борьба противъ преслѣдованій печати, руководство многими экономическими стачками, дѣятелоность въ нѣкоторыхъ культурно—просвѣтительныхъ обществахъ и т. д.)

И, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили, нерѣдко настроеніе широкихъ рабочихъ массъ неблагопріятно направленію дѣятельности и взглядамъ этой рабочей интеллигенціи, стоящей въ подавляющемъ своемъ большинствѣ на точкѣ зрѣнія т. наз. „ликвидаторскаго" теченія. Это интеллигенція, организуясь сама, напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы придать движенію *организованный и сознательный* характеръ, пропитавъ его опредѣленными *политическими стремленіями*, стоящими въ силу историческаго развитія на очереди дня, словомъ *организовать классовое движеніе въ условіяхъ третьеіюньской конституціи;* а рабочія массы, въ силу указанныхъ въ первой главѣ причинъ, колеблются изъ стороны въ сторону, поддерживая любые лозунги и легко поддаваясь вліянію большевистскихъ идей.

Стихійность движенія массъ и активность вышехарактеризованнаго слоя рабочей молодежи, идущаго за большевиками, позволяютъ послѣднимъ организовать борьбу „массъ" съ ея соціалдемократическимъ рабочимъ авангардомъ подъ флагомъ „борьбы съ ликвидаторствомъ". Приспособляясь къ примитивному уровню сознанія массъ и къ не менѣе примитивному пониманію классовыхъ задачъ рабочею молодежью, большевизмъ одерживаетъ свои легкія „побѣды" въ профессіональныхъ и иныхъ рабочихъ организаціяхъ.

Эти „побѣды" не должны, однако, смущать сторонниковъ меньшевистскаго теченія. Ибо въ нихъ проявляется не столько торжество большевистскихъ идей надъ меньшевистскими, сколько торжество стихійности надъ сознательностью, неорганизованности надъ организаціей. Здѣсь одерживаетъ верхъ не одна организованная с. д. фракція надъ другой, но вчерашній день движенія надъ его завтрашнимъ днемъ. Побѣды большевизма—это болѣзнь роста русскаго рабочаго движенія и русской соціалдемократіи, корни которой лежатъ главнымъ образомъ въ ихъ историческомъ прошломъ. Будущее же принадлежитъ тому теченію въ соціалдемократіи, которое уже теперь собираетъ вокругъ себя наиболѣе сознательные и марксистски мыслящіе рабочіе элементы.

Исторія европейскаго рабочаго движенія даетъ намъ многочисленные примѣры того, какъ втягиваясь впервые въ движеніе, свѣжіе слои рабочего класса, не развившіеся еще въ сознательный пролетаріатъ, представляютъ благодарную почву для успѣховъ анархизма, синдикализма, революціоннаго авантюризма и просто демагогіи. Такъ было, напр., въ свое время во Франціи, Италіи, Испаніи. Тѣ же условія дали успѣхъ „радикаламъ" въ австрійскомъ движеніи 80-хъ г.г. и обезпечивали „побѣды" лассальянцамъ надъ эйзенахцами въ Германіи. Всегда марксистскому

передовому слою пролетаріата приходилось не безъ борьбы отвоевывать себѣ господствующее вліяніе въ массахъ.

Рабочій классъ долженъ самъ продѣлать много этаповъ, не разъ стукнуться лбомъ о стѣну, прежде чѣмъ сознательно воспримetъ соціалъ-демократическую тактику. Напомнимъ, сколькихъ усилій понадобилось Лассалю и его послѣдователямъ, чтобы завоевать берлинскихъ рабочихъ, шедшихъ за либералами, и сколько энергіи затратили въ свою очередь Бебель и Либкнехтъ, чтобы отвоевать Берлинъ отъ лассальянцевъ.

Передовые рабочіе, принадлежащіе къ такъ наз. „ликвидаторскому" теченію, тѣмъ меньше должны смущаться побѣдами „послѣдовательныхъ", что на другой день послѣ побѣды побѣдители логикой движенія вынуждаются дѣйствовать въ томъ именно направленіи, какого требовали побѣжденные. Такъ происходитъ и съ профессіональными союзами, въ которыхъ „послѣдовательные" вынуждены на практикѣ дѣлать то же самое дѣло, за которое „ликвидаторы" обвинялись въ либерализмѣ и измѣнничествѣ [1]), такъ происходитъ и съ страховой кампаніей, въ которую „послѣдовательные" вносятъ теперь расколъ, хотя они въ сущности выдвигаютъ въ качествѣ центральнаго лозунга всей кампаніи тотъ самый лозунгъ общей кассы, который давно былъ выдвинутъ „ликвидаторами". Такъ будетъ и со свободой коалиціи. Ибо во всѣхъ областяхъ дѣятельности рабочіе—„ликвидаторы", въ качествѣ рабочей интеллигенціи, являются иниціаторами новыхъ политическихъ и тактическихъ лозунговъ, новыхъ формъ движенія. Эти новые лозунги обыкновенно встрѣчаются большевиками, какъ „измѣна", „ликвидаторство", „либеральная рабочая политика", и имъ нерѣдко удается увлечь за собой массы въ отрицаніи этихъ лозунговъ и новыхъ методовъ борьбы. Но, когда массы самой жизнью толкаются къ этимъ же лозунгамъ и методамъ, большевики покорно воспринимаютъ ихъ какъ *свои* программныя и тактическія требованія.

Такъ было съ самаго возникновенія большевизма и такъ должно быть, ибо объективный ходъ рабочаго движенія неизбѣжно ведетъ рабочія массы на тотъ европейскій путь, на который сознательно зовутъ его передовые рабочіе „ликвидаторы".

Побѣждая формально, большевизмъ сдаетъ одну свою идейную позицію за другой. Критика со стороны марксистскаго-меньшевистскаго лагеря, соприкосновеніе его съ массой, передаваемый по традиціи опытъ открытыхъ рабочихъ организацій, созданныхъ меньшевиками, заставляютъ его мало по малу отказываться отъ своихъ сектантскихъ замашекъ, отъ своего революціоннаго утопизма и воспринимать марксистскую тактику, включающую и „положительную работу" и „открытую дѣятельность" и „борьбу

---

[1]) Любопытно, что, начиная работать въ проф. союзахъ въ качествѣ отвѣтственныхъ лицъ, рабочіе-большевики также предостерегаютъ рабочихъ отъ неорганизованныхъ стачекъ, „стачечнаго азарта", какъ это дѣлали „ликвидаторы". Примѣръ—московскій союзъ „Рабочая Солидарность" и петербургскій союзъ металлистовъ. См. напр. любопытную ст. въ 9 № „Металлиста" секретаря союза А. Киселева (прошедшаго по списку „Правды"). „Очередные вопросы нашей союзной практики".

за частичныя права". Только фракціонныя усилія и демагогія руководящаго большевистскаго кружка мѣшаютъ искреннимъ и честнымъ послѣдователямъ большевистскаго теченія признать однородность стремленій всѣхъ сознательныхъ рабочихъ—соціалъ демократовъ и осуществить то единство пролетарскаго движенія, безъ котораго оно теряетъ значительную часть своей силы передъ лицомъ классовыхъ противниковъ.

Нельзя отрицать того, что въ условіяхъ русской жизни есть много такого, что и въ будущемъ будетъ питать большевистскія идеи; большевизмъ поэтому не имѣетъ шансовъ въ скоромъ времени исчезнуть совсѣмъ изъ рабочаго движенія, но, по мѣрѣ того, какъ массовое движеніе будетъ принимать организованный классовый характеръ, идеи большевизма будутъ терять вліяніе, находя себѣ опору только въ самыхъ отсталыхъ, неорганизованныхъ ея слояхъ.

Передовые элементы организованнаго пролетаріата, сплотившіеся подъ флагомъ такъ наз. ликвидаторства", учитывая неизбѣжное будущее нашего рабочаго движенія, объявили войну расколу и стали подъ знамя единства. Этотъ лозунгъ не является въ ихъ устахъ демагогической вывѣской, т. к. они не отдѣляютъ себя отъ движенія рабочихъ массъ,—а оно не можетъ не быть единымъ,—ставя своею цѣлью организовать его и просвѣтить сознаніе его участниковъ. Пусть сегодня массы еще не склонны воспринимать всѣ взгляды и лозунги, усвоенные рабочей интеллигенціей. Это значитъ только, что послѣдней предстоитъ еще не мало поработать и что она еще въ очень незначительной степени выполнила свою задачу. Послѣднее находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что только недавно начавъ дѣло самоорганизаціи, рабочій авангардъ не всегда достаточно удѣлялъ вниманія организаціи и просвѣщенію массы, иногда замыкаясь въ свою собственную сферу и не пытаясь связать своихъ тактическихъ взглядовъ съ текущими потребностями и настроеніями рабочихъ массъ.

Задачей передового авангарда является поэтому не отгораживаніе отъ рабочей массы, чтобы она ни дѣлала, какъ бы она ни относилась къ такъ наз. „ликвидаторскому" теченію, но активная просвѣтительная и политическая работа среди этихъ массъ. Развивая сознаніе массъ и увеличивая число сознательныхъ соціалъ-демократовъ, рабочіе меньшевики усилятъ свои позиціи въ массахъ и ускорятъ процессъ прохожденія рабочими массами большевистскаго этапа движенія.

Взявшись за дѣятельное и организованное проведеніе политическихъ кампаній, затрагивающихъ живо рабочія массы, они на практикѣ покажутъ массамъ правильность того пути, на который они ихъ зовутъ и лишатъ почвы ту демагогическую травлю противъ такъ наз. „ликвидаторства", которая спекулируетъ на несознательность массъ.

Этимъ и только этимъ путемъ, т. е. путемъ политической дѣятельности, сплачивающей массы во имя *единаго дѣла* и путемъ *пропаганды*, идейно обобщающей и разъясняющей значеніе этого общаго дѣла, будетъ подготовлена почва для единства соціалъ-демократіи въ Россіи, единства, котораго такъ желаетъ

россійскій пролетаріатъ, но для осуществленія котораго онъ пока еще обнаружилъ такъ мало „воли".

Единство соціалъ-демократіи можетъ опираться только на единство классового движенія пролетаріата. *Организація* этого движенія и приданіе ему *сознательности*—было и осталось преимущественною задачей тѣхъ передовыхъ элементовъ пролетаріата, которые теперъ ославляются въ качествѣ его враговъ.

Г. Ракитинъ.

Иностранное обозрѣніе.

I. На балканскомъ пепелищѣ.

Мы присутствуемъ уже при третьемъ, но далеко не послѣднемъ, актѣ балканской траги-комедіи. Сначала союзники—„освободители" воевали съ Турціей, затѣмъ „освободители" рѣзали другъ друга; наконецъ освобожденные албанцы стали воевать со своими „освободителями" сербами.

Война на Балканскомъ полуостровѣ, на этомъ перекресткѣ міровыхъ торговыхъ путей, куда искони устремлены были хищные взоры всѣхъ „великихъ державъ", показала, что пора освободительныхъ войнъ въ Европѣ безвозвратно прошла, она больше чѣмъ какая либо другая война показала, съ какимъ цинизмомъ современная европейская буржуазія жонглируетъ съ понятіями—„національное объединеніе" и „національное освобожденіе", которыя когда то были написаны на ея знамени.

„Двѣсти тысячъ искалѣченныхъ или убитыхъ мужчинъ, 2 милліарда государственнаго долга, разореніе народныхъ массъ и слава жесточайшаго въ цивилизованномъ мірѣ народа"—таковъ итогъ „освободительной" войны для болгаръ, по словамъ болгарскаго соціалъ-демократа Саказова.

Но этимъ не исчерпывается зло, которое причинила балканскимъ славянамъ война. Не менѣе пагубенъ для нихъ звѣриный націонализмъ и всяческій политическій развратъ, который она посѣяла въ ихъ демократіи.

Одинъ болгарскій интеллигентъ, бывшій соц.-демократъ изъ фракціи „тѣсняковъ", проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ атмосферѣ военныхъ звѣрствъ и дипломатическихъ интригъ, писалъ въ письмѣ къ своему пріятелю, наканунѣ второй балканской войны:

„Россія насъ научила собственнымъ примѣромъ считаться только со своими интересами и издѣваться надъ всѣмъ идеальнымъ, славянскимъ.. Австрія хочетъ обезсилить Сербію какой угодно цѣной, а для этого ей нуженъ союзникъ съ тыла Сербіи, а такимъ можетъ быть только Болгарія... Австрія нашъ спаситель и мы не отступимъ передъ антиславянской политикой Австріи..

IV годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

К. Оранскій Свобода коалицій, какъ соціально-политическій лозунгъ
В. Майскій Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія на Западѣ ст. V
Гр. Петровичъ. На пути къ земской реформѣ.
Н. Борисовъ. „Мертвый домъ" нашихъ дней
В. Валерьяновъ. Пролетаріатъ и и искуство.
А. Потресовъ Критическіе наброски. (Отвѣтъ В. Валерьянову)
В. Левицкій Изъ иностранной соціалистической печати.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Н. Череванинъ Критическій моментъ въ жизни октябризма
Л. Сѣдовъ Послѣ процесса

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

П. Бэръ. Конгрессъ французскихъ металлистовъ.
А. Мартыновъ Побѣда социалистовъ въ Италіи
Л. Мартовъ Расколъ въ с.-д. Франціи
Отклики. 1 Правительственно октябристская свобода печати 2 На вѣрномъ пути. 3 Работа умныхъ дѣлъ мастеровъ. 4 Къ столѣтней годовщины Н. Г. Огарева
Б. Некрологъ | ф. Г. Сиротскій |
Библіографія.
Объявленія.

№. 10—11. | Спб. 1913. | Ц. 45.

IV-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 10—11.

С.-Петербургъ, 1913 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1913.

Къ вопросу о пролетарской культурѣ.

I

За послѣднее время, въ связи съ вопросомъ объ оскудѣніи русской литературы и поисками причинъ такового, особенно остро всталъ вопросъ о пролетарской культурѣ.

Въ этомъ отношеніи останавливаетъ на себѣ вниманіе статья тов. Потресова въ № 6 „Нашей Зари".

Передъ этимъ, въ № 4-5 того же журнала, тов. Потресовъ разобралъ статью проф. Овс.-Куликовскаго, взывающаго на страницахъ „Рѣчи" къ современнымъ художникамъ, драматургамъ, артистамъ, призывающаго ихъ бросить утонченныя „переживанія" и обратиться къ жизни.

Призывъ Овс.-Куликовскаго остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и тов. Потресовъ, задавъ себѣ вопросъ:—почему это такъ, отвѣчаетъ: „Современнымъ художникамъ, драматургамъ, артистамъ мѣшаетъ обращать вниманіе на жизнь *наличность опредѣленной психики, опредѣленнаго душевнаго уклада*".

Они не могутъ создать новыя цѣнности художества. Ихъ литература и искусство безжизненны. Но, тѣмъ не менѣе, литература и искусство находятся въ безраздѣльномъ ихъ владѣніи.

Почему же—спрашиваетъ далѣе тов. Потресовъ—тѣ, что нынѣ являются творцами жизни, классъ, обладающій громадными жизненными силами—пролетарскія массы не находятъ въ себѣ творческихъ силъ для созданія соотвѣтствующей имъ нужной культуры художества, какъ здоровой реакціи противъ упадочной культуры буржуазіи?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является вышеупомянутая статья.

Причины этого отсутствія творческихъ силъ въ пролетарскихъ массахъ тов. Потресовъ видитъ въ слѣдующемъ.

Пролетаріатъ создалъ великую культуру практическаго дѣйствія, культуру классово-экономической и политической борьбы и это помѣшало ему создать свою культуру художества.

Пролетаріатъ „пасынокъ цивилизаціи, ею всѣмъ обдѣленный—и задача соціальнаго преобразованія, которой нѣтъ равной въ исторіи, возложенная ходомъ развитія именно на этого пасынка—и только на него".

Далѣе курсивъ: „въ этомъ, быть можетъ величайшемъ противорѣчіи изъ всѣхъ, которыми такъ богата эволюція катиталистической общественности, мнѣ думается, и заключается ключъ къ пониманію какъ специфическихъ чертъ пролетарской культуры, такъ и вообще духовныхъ возможностей пролетаріата въ предѣлахъ этой общественности".

Конкретизируя положенія, тов. Потресовъ приходитъ къ выводу, что есть два рода причинъ, мѣшающихъ развитію проле-

тарской культуры художествъ: 1) связанные съ положеніемъ и ролью пролетаріата въ капиталистическомъ общ-вѣ.; и 2) связанные со значеніемъ общекультурнаго центра въ современной цивилизаціи.

Въ первомъ случаѣ всѣ силы пролетаріата уходятъ на творчество культуры практическаго дѣйствія, что оставляетъ слишкомъ мало времени и еще меньше вниманія для творчества культуры художества.

Второе предполагаетъ наличность старой литературы буржуазіи періода подъема и расцвѣта, являющейся громоотводомъ, суррогатомъ нужнаго пролетаріату творчества.

Конечный вопросъ и выводы таковы.

„Образуется ли все же при дальнѣйшемъ развитіи пролетарскаго движенія, еще въ рамкахъ капиталистическаго строя, культура пролетарскаго художества?“ Нѣтъ, не создастся.

„Придетъ ли пролетаріатъ къ царству соціализма—по образному выраженію т. Потресова—въ праздничныхъ одеждахъ богатой и разнообразной культуры?“. Нѣтъ, „онъ войдетъ въ царство будущаго въ истрепанной блузѣ, съ руками покрытыми мозолями и, уже только войдя, начнетъ строить и культуру художества и всякую другую культуру“.

„Возможные же ростки еще не культура, это—только зародышъ культуры“.

„На этотъ счетъ поменьше самообольщенья!“

Такъ заканчиваетъ свою статью тов. Потресовъ.

II

Прежде чѣмъ приступить къ разбору и критикѣ положеній статьи тов. Потресова, постараемся разграничить два отождествляемыхъ въ статьѣ, но по существу своему различныхъ, понятія. Это—культура пролетаріата и—культура соціалистическая.

Культура пролетаріата есть культура, творимая имъ въ его жизни—борьбѣ, на пути къ соціалистическому о-ву, въ рамкахъ капиталистическаго строя.

Культура же соціалистическая суть синтезъ классовыхъ культуръ за порогомъ капиталистическаго о-ва въ обществѣ соціалистическомъ.

Иначе быть не можетъ. Мы мыслимъ пролетаріатъ, какъ классъ, только въ капиталистическомъ о-вѣ и понятіе пролетаріата какъ класса въ о-вѣ соціалистическомъ не можетъ существовать, ибо тогда не будетъ основной предпосылки этого—частной собственности на средства производства.

А разъ это такъ, то пролетаріатъ въ царствѣ будущаго будетъ строить не свою, пролетарскую, культуру, а культуру безклассоваго соціалистическаго о-ва.

До тѣхъ же поръ, онъ, въ рамкахъ капиталистическаго строя, будетъ создавать, творить свою пролетарскую культуру, которая и ляжетъ въ основу культуры соціалистической.

„Пролетаріатъ выдвинулъ культуру практическаго дѣйствія, культуру классово-экономической и политической борьбы“—говоритъ тов. Потресовъ—„и всѣ силы пролетаріата взяты этой борь-

бой". Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ силы пролетаріата взяты борьбой, но не вѣрно, по моему мнѣнію, само пониманіе характера и слагаемыхъ этой борьбы.

Въ борьбу классово-экономическую и политическую входитъ, какъ слагаемое, и борьба за культуру художества.

Не будемъ спорить съ тѣмъ, что культура художества есть производное, зависимое отъ политико-экономическихъ причинъ, но это не даетъ намъ права разрывать ихъ связь и начертывать имъ пути, другъ отъ друга независимые.

„Воздѣйствуя на природу внѣ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу" (Капиталъ т. I-й). Это вполнѣ примѣнимо и къ данному случаю; измѣняя въ ходѣ борьбы взаимоотношенія классовъ о-ва, пролетаріатъ измѣняетъ свою психологію. Она откристализовывается отъ наслѣдій прошлаго, тяготѣющихъ надъ сознаніемъ, очищется и принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленный и ясный характеръ.

И это измѣненіе идетъ въ строгой связи съ ходомъ измѣненія классово-экономическаго и политическаго положенія пролетаріата, а поэтому нельзя порывать связь двухъ явленій одного и того же порядка; они развиваются, протекая въ одномъ и томъ же руслѣ, подчиняясь единому закону историческаго развитія, и если есть разница, то это лишь разница темпа развитія, а не разница по существу.

Мы можемъ говорить только о превалированіи одного надъ другимъ, что вполнѣ допустимо.

Никто не станетъ отрицать того, что задачи политико-экономической борьбы превалируютъ надъ задачами борьбы за культуру художества. И это отнюдь не противорѣчіе, продиктованное неумолимымъ ходомъ историческаго развитія, а какъ разъ обратное—вполнѣ логичное развитіе пролетарской борьбы. Если до настоящаго момента задачи политико—экономической борьбы были первостепенными задачами, и отодвигали на задній планъ задачи борьбы за культуру художествъ, то теперь пролетаріатъ въ своемъ развитіи достигъ такого пункта, гдѣ онъ долженъ обратить большее вниманіе на свою, доселѣ второстепенную, задачу.

Въ данный моментъ, когда наша борьба получила широкій размахъ и все болѣе и болѣе начинаетъ охватывать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—для пролетаріата недостаточно уже оспореннаго имъ поля политико-экономическихъ отношеній, въ силу логическаго хода развитія пролетарской борьбы, рамки расширяются и передъ пролетаріатомъ встаетъ вопросъ объ интенсивной борьбѣ за культуру художества; борьба его вступаетъ въ новый циклъ, когда вторая задача требуетъ отъ пролетаріата равнаго съ другой къ ней отношенія.

Отсюда для меня падаетъ то противорѣчіе, о которомъ говоритъ т. Потресовъ.

III

Обратившись къ характеру и средствамъ нашей борьбы, мы видимъ, что она несетъ на себѣ печать повседневности, широ-

каго размаха и коллективнаго дѣйствія. И это не только борьба двухъ физическихъ силъ, это, въ большей степени, борьба двухъ психологій, безкровная, почти невидимая, но страшно ожесточенная, борьба двухъ тѣсно сплоченныхъ противустоящихъ другъ другу силъ.

Средство нашей борьбы, наше оружіе и оружіе противника, въ этомъ случаѣ: мысль, слово, логика, сила убѣжденія; сила физическаго дѣйствія въ этой области,—все болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ и выявляется лишь въ моменты революціонныхъ вспышекъ.

И мы встрѣчаемъ съ противной стороны противупоставленную намъ силу мысли, логики, слова, убѣжденія, воплощающуюся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: рѣчь, философское сочиненіе, выявляющее логическое развитіе мысли даннаго класса, художественное произведеніе слова, являющееся конкретнымъ художественнымъ обобщеніемъ мыслей и симпатій даннаго класса, живопись, скульптура, и т. д., и т. д.

Противустоящей намъ стороной руководитъ естественное желаніе, всѣми имѣющимися въ ея рукахъ средствами, убить или, въ лучшемъ случаѣ, ослабить психологическое стремленіе противодѣйствія. Буржуазія нашего времени имѣетъ въ своихъ рукахъ оружіе колоссальной силы, въ лицѣ вѣковыхъ завоеваній своей культуры, въ данномъ случаѣ—культуры художества.

Мы же своей культуры художества не имѣемъ и питаемся отъ культурныхъ плодовъ буржуазіи, тѣмъ самымъ подчиняя себя воздѣйствію буржуазной культуры, которое не можетъ быть положительнымъ для насъ,-оно безусловно отрицательно.

Получается непримиримое противорѣчіе, недопустимое дѣйствіе, имѣющее мѣсто въ ходѣ нашей жизни—борьбы: мы боремся противъ буржуазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ отравляемся ядомъ ея культуры, мы стремимся къ разрушенію буржуазнаго строя, сосредоточиваемъ на этомъ всѣ свои силы и вмѣстѣ съ тѣмъ сами разрушаемъ часть своей работы воспріятіемъ отравляющей буржуазной культуры.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мы должны въ области культуры художества противупоставить буржуазіи свою культуру художества, это необходимо, если мы желаемъ большаго успѣха нашей борьбѣ.

Но—говоритъ т. Потресовъ—для этого нѣтъ необходимыхъ предпосылокъ.

„На противоположномъ богатству концѣ, растетъ необезпеченность, а также растетъ и протестъ".

Но вѣдь ростъ необезпеченности, нищета, въ полномъ смыслѣ, были вѣчными спутниками пролетаріата и, несмотря на это, онъ сумѣлъ развернуть свои творческія силы.

Да—но всѣ эти силы сосредоточены въ области политико-экономической борьбы, а для творчества культурныхъ цѣнностей нѣтъ силъ. Движеніе растетъ, получая все болѣе и болѣе широкія очертанія, и на арену борьбы появляются все новыя и новыя силы.

„Чѣмъ глубже захватывается жизнь даннымъ историческимъ дѣйствіемъ, тѣмъ болѣе растутъ размѣры силы, совершающей

это дѣйствіе". [1]) Чѣмъ больше требованій, чѣмъ шире масштабъ борьбы, тѣмъ больше силъ появляется для необходимой работы.

То, что у пролетаріата нѣтъ восьмичасового рабочаго дня, не можетъ быть аргументомъ: у пролетаріата не было и нѣтъ восьмичасового рабочаго дня,—а онъ сумѣлъ создать движеніе громадной силы, у него нѣтъ времени,—а онъ создалъ цѣлый рядъ своихъ идеологовъ, ораторовъ, организаторовъ, работниковъ прессы; у него нѣтъ времени,—а онъ создалъ свои культурно—просвѣтительныя организаціи, школы, клубы, создалъ кадры работниковъ, плохо ли хорошо ли, но несущихъ въ рабочую массу зачатки культуры, дѣятельно работающихъ надъ поднятіемъ культурнаго уровня массъ, тѣмъ самымъ двигающихъ впередъ дѣло строительства рабочей пролетарской культуры художествъ.

IV

Слабые ростки, провозвѣстники будущаго, развѣ они до порога соціализма такъ и останутся ростками? А всѣ стремленія пролетаріевъ, воплощающихъ таковые, въ попыткахъ пока, выявленія своихъ мыслей въ художественной формѣ, развѣ не говорятъ противъ этого: посмотрите газеты наши, работы учениковъ Пречистенскихъ курсовъ, рабочій театръ,—послѣдній завоевываетъ все больше и больше симпатій, и большія силы, скрытыя пока, но отчасти уже выявляющіяся, встрѣтили, въ области сценическаго искусства, признаніе авторитетовъ сцены (отзывы Сулержицкаго и другихъ), – всѣ эти доказательства стремленій пролетаріата къ творчеству культуры художествъ и подготовительныя работы въ этой области развѣ не даютъ намъ увѣренности въ пышномъ разцвѣтѣ этихъ сторонъ пролетарскаго сознанія. Да, наконецъ, кто сможетъ пытаться остановить ихъ ростъ и развитіе вопреки всѣмъ законамъ историческаго развитія, которое всегда динамично?

Пусть то, что сейчасъ имѣется,—только слабые ростки, пусть выживутъ наиболѣе изъ нихъ приспособленные,—историческій прогрессъ произведетъ здѣсь свой, такъ сказать, естественный отборъ, тѣмъ сильнѣе и тѣмъ цѣннѣе для насъ будутъ эти уже не ростки, а растенія.

Фактъ того, что художники не пролетаріи приходили къ пролетаріату на время, какъ заѣзжаютъ постояльцы на постоялый дворъ, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что пролетаріату нужны свои художники, твои творцы культуры художествъ; только они одни способны будутъ съ исчерпывающей полнотой выявить, обобщивъ въ художественной формѣ, затаенныя, глубоко скрытыя, мысли и стремленія пролетаріата.

Я не страшусь „питать иллюзію" и глубоко вѣрю въ то, что пролетаріатъ войдетъ въ царство будущаго „въ праздничныхъ одеждахъ" законченнаго комплекса культурныхъ цѣнностей и ему не надо будетъ строить тамъ свою культуру художества и всякую другую культуру: онъ будетъ развивать и обо-

[1]) Плехановъ „Основн. вопр. марксизма".

гащать, а этотъ процессъ безпредѣленъ, но уже не свою пролетарскую культуру, а культуру соціалистическую—синтезъ его, культуры, положенной въ основу и всѣхъ классовыхъ культуръ прошедшихъ сквозь огонь горнила побѣдителя, освободителя человѣчества—пролетаріата.

И на этотъ счетъ—не поменьше самообольщенія, а поменьше инертности и побольше дѣйствія.

Мы говоримъ, мы вѣримъ въ то, что капиталистическій строй въ самомъ себѣ, въ своемъ развитіи несетъ свою собственную гибель, тѣмъ не менѣе, мы не взваливаемъ всего на плечи историческаго процесса, мы, наоборотъ, прилагаемъ всѣ усилія къ тому, чтобы всемѣрно ускорить этотъ процессъ и сдѣлать его наименѣе для насъ болѣзненнымъ.

Какъ разъ обратное мы видимъ въ отношеніи къ творчеству культуры художества.

Надо помнить, что забвеніе, сверхсмѣтность культуры художества и отграниченіе только въ сферу культуры практическаго дѣйствія можетъ сослужить намъ плохую службу.

Мы должны разбить предубѣжденіе, что культура художества есть что-то второстепенное, могущее обождать; это глубоко ошибочно.

Мы должны поставить вопросъ о творчествѣ нашей культеры наряду съ непосредственными нашими задачами, а не стремиться отодвинуть его на задворки, какъ это мы дѣлали до сихъ поръ.

Мнѣ могутъ возразить: взгляните въ суровое лицо фактовъ и вашъ пылъ остынетъ; они говорятъ, что пролетаріатъ въ этой области не создалъ; ничего достойнаго вниманія. Даже если бы я согласился съ этимъ, все же дѣлать изъ этого выводъ, что пролетаріатъ до соціалистическаго о-ва не создастъ своей культуры и говорить о ея трагедіи, по меньшей мѣрѣ, рискованно.

Вѣдь соціалистическій строй придетъ не завтра, не послѣ завтра: насъ отдѣляетъ отъ него громадное пространство во времени, а подводить итоги и подписывать смертный приговоръ пролетарской культурѣ мы сможемъ только тогда, когда мы сможемъ утверждать, что соціализмъ уже не за горами, а мы бѣдны, нищи и наги, въ содержаніи своей культуры.

Но культура художества, увлеченіе ею, какъ воспитывающей чувство, можетъ пойти во вредъ нашему сознанію.

Мы совершенно вѣрно учитывали и учитываемъ чувство, какъ врага сознанія, но все же это не должно страшить насъ, когда мы отдадимъ должное количество силъ для воспитанія чувства у пролетарія; синтезъ сознанія и чувства даетъ законченную, гармонически развитую, личность, даетъ ей наибольшую глубину и ясную опредѣленность.

И мы должны не закрывать глазъ на всѣ явленія жизни, охватывать ее всю сверху до низу, въ ней воспитывая равно какъ сознаніе такъ и чувство и въ ней же объединяя ихъ.

V.

Задачи, стоящія передъ нами, въ этомъ случаѣ, страшно сложны и трудны, но мелкихъ задачъ у пролетаріата нѣтъ, и

въ этой области пролетаріатъ сумѣетъ развернуть всѣ свои силы, какъ развернулъ уже въ области политико-экономической борьбы.

Передъ нами встаетъ задача пересмотра всѣхъ культурныхъ цѣнностей буржуазіи, критическое отдѣленіе въ ея содержаніи пшеницы отъ плевелъ, выработка критическаго противоядія этому яду.

Наряду съ этимъ должно идти собираніе и концентрація всѣхъ, (имѣющихся въ пролетарскихъ массахъ) творческихъ силъ, которыя до сихъ поръ распылены, (а мы не дѣлали серьезныхъ попытокъ къ ихъ объединенію); въ этомъ рядѣ молодыхъ ростковъ мы найдемъ крѣпкіе ростки свѣжихъ, здоровыхъ талантовъ.

Я не хочу самообольщеніемъ украшать себѣ картину, но все то, что уже дѣлается въ этой области нашими товарищами, говоритъ мнѣ, что „все таки движется".

Пусть это пока еще младенческіе шаги, примитивность формы, узость и бѣдность лексикона, громадное стороннее вліяніе,—все это неоспоримо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, порою въ двухъ-трехъ строкахъ, промелькнетъ, среди десятковъ строкъ чужого нанія истинно близкое, нужное и родное.

Мы должны выводить изъ тьмы растущія тамъ творческія силы; всякій знаетъ, какъ тяжело даже и крупному художнику добиться признанія, тѣмъ болѣе въ нашъ утилитарный вѣкъ и еще тѣмъ болѣе художнику-пролетарію.

Но подъ прикрытіемъ мощнаго коллектива при его поддержкѣ, эти таланты могутъ быть выведаны изъ тьмы и силою своею, вспоенной и вскормленной силою великаго коллектива, силою своего таланта они сумѣютъ охватить и выяснить всю нашу современную жизнь и въ ея бѣшеномъ темпѣ отыскать истинные пути творчества.

Въ данный моментъ, въ пору всеобщаго литературнаго оскудѣнія, когда мы видимъ художественныя проявленія безсилія современныхъ художниковъ,—проникнуть въ душу капиталистическаго строя, постигнуть его своеобразную, имъ чуждую колосально мощную красоту; когда мы видимъ повальное бѣгство подъ защиту голубого неба или обратно подъ черныя крылья символа безсмысленности нашего существованія,—не должны ли мы ждать пророка, способнаго словомъ, продиктованымъ его таланту, вывести насъ изъ тупика на торную широкую дорогу.

Кругомъ безжизненное, высохшее поле, нѣтъ истиннаго искуства, нѣтъ свѣжихъ душистыхъ его цвѣтовъ, человѣчество хмуро сидитъ и жуетъ грязную мочалку безжизненныхъ буржуазныхъ измышленій, вперяя взоры впередъ въ туманы будущаго, силясь увидѣть тамъ что-нибудь новое и свѣтлое.

И когда оно видитъ слабый, какъ свѣтъ Ивановскаго червячка, проблескъ новой силы, раздается предостерегающій окликъ: „на этотъ счетъ поменьше самообольщенія", свѣжій источникъ, на который вы съ такой надеждой взираете, сейчасъ не дастъ вамъ ничего, только въ будущемъ, когда онъ превратится въ многоводную широкою рѣку, вы сможете пить отъ его живительныхъ струй...

А въ это же время въ рядахъ пролетаріата, несущаго въ рукахъ факелъ всемірнаго освобожденія, загорается огонекъ истиннаго искуства.

Были ли въ исторіи моменты такого напряженнѣйшаго ожиданія, подобные тому, что переживаемъ мы теперь?

Въ безсильномъ стремленіи мечется, пытаясь схватить столь близкій всепроникающій духъ истиннаго творчества, оскудѣвшая буржуазная душа и всѣ кровью истиннаго страданія написанные образы, все это не то, не то, чего она такъ тщетно ищетъ, Свѣтъ истиннаго искуства померкъ для нея и, спотыкаясь во все сгущающейся тьмѣ своего творчества, безсильно падаетъ, теряющее жизненные соки, буржуазное искусство.

И здѣсь же, твердымъ и увѣреннымъ шагомъ, по вѣрному, широкому, исторически предназначенному пути, движутся безчисленные легіоны пробудившихся пролетарскихъ силъ.

Только они одни несутъ въ себѣ искомое слово, только они одни способны вдохнуть душу живую въ оскудѣвшую жизнь, только они одни способны дать вѣрный и полный отвѣтъ, такъ жаждущему отвѣта человѣчеству.

Нѣтъ трагедіи пролетарской культуры для того, кто вѣритъ въ творческую мощь пролетаріата, кто видитъ въ немъ развивающіяся творческія всеобъемляющія силы и тотъ не будетъ ставить имъ на пути слабыя плотины предостереженій.

Я вѣрю въ творческія силы пролетаріата и вѣрю въ то, что онъ придетъ къ порогу, добытаго великою борьбой, царства свѣтлаго будущаго во всеоружіи своей идеологіи съ полнымъ законченымъ комплексомъ культурныхъ цѣнностей.

И въ этомъ случаѣ не поменьше самообольщенія, а побольше вѣры, поменьше стремленія отодвинуть на задній планъ, выдвинутый жизнью, вопросъ о строительствѣ нашей культуры, и больше, какъ можно больше, активнаго дѣйствія.

Въ этомъ, и только въ этомъ, залогъ успѣха въ творчествѣ, гармонично развитой личности пролетарскаго коллектива.

В. Валерьяновъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Отвѣтъ В. Валерьянову.

Я очень радъ, что т. Валерьяновъ—одинъ изъ представителей нарождающейся у насъ пролетарской интеллигенціи—обрушился на меня съ такой страстностью. Вѣдь, страстность—это возбужденное вниманіе и во всякомъ случаѣ отсутствіе того равнодушія къ вопросу о пролетарской культурѣ, поставленному мной въ статьѣ, котораго я больше всего опасался . . . .

Но я нисколько не радъ, что эта страстность—слѣпая, что т. Валерьяновъ забылъ о золотомъ правилѣ спора: держать сердце горячимъ, но разсудокъ холоднымъ.

Конечно, я готовъ допустить, что выводы моей статьи представляются ему непріятными. Ему можетъ даже казаться—хотя и неправильно, какъ я надѣюсь въ дальнѣйшемъ выяснить, что статья подрываетъ порывъ, ослабляетъ энергію, словомъ—является собою, какъ онъ говоритъ, „слабую плотину предостереженій", становящуюся на пути могучему потоку пролетарскаго творчества. Пусть такъ! Но отсюда что слѣдуетъ? Единственно то, что т. Валерьянову надлежало бы тѣмъ болѣе не сердцемъ играть, а напречь свой разсудокъ, вооружить его аргументами и попытаться фактамъ моей статьи противопоставить факты, анализу—анализъ.

Но этого то тов. Валерьяновъ и не думаетъ дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, взять хотя бы для начала исходное положеніе моей статьи, гласящее, что міровое движеніе пролетаріата создало „культуру, которой нѣтъ равной ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ общественной жизни", культуру практическаго дѣйствія, культуру классовой—экономической и политической борьбы, и не создало—культуры художества.

Это совершенно несомнѣнный итогъ пролетарскаго развитія за цѣлый 19-й вѣкъ—въ Германіи, Франціи, Австріи, Англіи . . , во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочее движеніе подвинулось наиболѣе впередъ и гдѣ соотвѣтственно этому наиболѣе осязательны проявленія его коллективнаго творчества. Эти проявленія чрезвычайно варьируютъ по странамъ, въ каждой странѣ культура пролетарскаго движенія имѣетъ свои специфическія особенности, свою—въ нѣкоторомъ родѣ—національную физіономію. Но нигдѣ—положительно нигдѣ—она не включаетъ въ себя культуру художества.

Можно различно толковать этотъ фактъ, но его невозможно оспаривать.

Тов. Валерьяновъ его и не оспариваетъ; онъ просто отъ него убѣгаетъ, упраздняя дѣйствительность и на ея мѣсто водружая фантазію. Ибо что же, какъ не пустая фантазія, та „борьба за культуру художества", о которой тов. Валерьяновъ вдругъ начинаетъ распространяться, какъ о реальномъ явленіи жизни, какъ объ одномъ изъ „слагаемыхъ" наличной борьбы рабочаго класса? Въ этой борьбѣ, говоритъ онъ, пока „превалируютъ" другія слагаемыя, но вскорѣ борьба за культуру художества добьется своего равноправія. Ясно: неравноправная, она *уже* существуетъ въ настоящее время . . . . для тов. Валерьянова.

„Беру кусокъ жизни, грубой, и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ"—говоритъ модернистъ Сологубъ.

Беру собственный палецъ и высасываю изъ него все то, что мнѣ нужно, ибо таково мое хотѣнье—декретируетъ тов. Валерьяновъ.

Передъ такой аргументаціей что же и остается, какъ не капитулировать?

Но шутки въ сторону! Мнѣ кажется, что я нащупываю источникъ ошибки тов. Валерьянова. Мнѣ кажется, я начинаю по-

нимать, почему никакія „Европы“ на него не оказываютъ дѣйствія, и проходитъ мимо сознанія весь мой посильный анализъ причинъ, мѣшающихъ въ капиталистическомъ обществѣ—какъ я понимаю—развитію пролетарской культуры художества и сообщающихъ всей имѣющейся культурѣ пролетаріата односторонне—спартанскій характеръ

Тов. Валерьяновъ загипнотизированъ начальными шагами культурно—просвѣтительнаго движенія русскаго рабочаго класса. Предъ его глазами неотступно стоятъ „пречистенскіе курсы“, „рабочій театръ“ и, наконецъ, тѣ писанія рабочихъ, которыя появляются въ ежедневной рабочей печати. И онъ искренно недоумѣваетъ: чего же еще нужно? Недоумѣваетъ потому, что наивно смѣшиваетъ просвѣтительное движеніе рабочаго класса, являющееся, конечно, необходимой предпосылкой для развитія въ этомъ классѣ всякого рода культуры,- съ процессомъ непосредственной выработки пролетаріатомъ художественныхъ цѣнностей,своей собственной культуры художества. Вѣдь, въ томъ то и дѣло, что тов Валерьяновъ ставитъ точку тамъ, гдѣ только и начинается вопросъ и вмѣстѣ съ нимъ затрудненіе.

Почему изъ нѣдръ просвѣтительнаго движенія выходитъ огромное общественно-политическое творчество пролетаріата, и ни въ малой мѣрѣ не выходитъ- художественнаго?

Германія, напр., уже въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, видѣла культурное движеніе, аналогичное тому, которое въ настоящее время происходитъ въ Россіи. Она кишѣла образовательными кружками, такъ называемыми Arbeiterbildungsvereinами. Но изъ этихъ кружковъ вышли Бебель, Ауэръ, Вальтейхъ, словомъ—весь необычайный урожай на пролетарскіе политическіе таланты 60-хъ годовъ, и не вышло даже самомалѣйшей струйки, которая, какъ таковая, заняла бы свое мѣсто въ художественной литературѣ Германіи.

Съ тѣхъ поръ истекло полъ-вѣка и какіе полъ-вѣка! Полъвѣка, изумлявшіе міръ непрерывнымъ напоромъ пролетарской энергіи и пролетарскаго творчества. Точки приложенія силъ все множились; содержаніе движенія все усложнялось; новыя сферы общественной дѣятельности становились достояніемъ пролетаріата. А съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, росла и культурно-просвѣтительная работа имъ созданныхъ организацій. Я уже не говорю про общую рабочую печать, число органовъ которой въ настоящее время приблизилось къ сотнѣ, а число экземпляровъ перевалило за милліонъ. Но кромѣ того создавались спеціальные очаги просвѣщенія и культуры. Тутъ и система рефератовъ и лекцій; тутъ и спеціальная партійная школа для выработки редакторовъ; тутъ и ростущая литература для юношества; тутъ и Neue Welt—иллюстрированное еженедѣльное приложеніе къ рабочимъ газетамъ; тутъ и театръ „свободная народная сцена“, функціонирующая въ Берлинѣ уже въ теч еніедвухъ десятилѣтій. Короче говоря: тутъ все есть въ этомъ грандіозномъ процессѣ формированія пролетарской культуры,—нѣтъ только того, что мы въ данномъ случаѣ ищемъ—нѣтъ и въ зародышевомъ видѣ своего пролетарскаго художества.

Есть, конечно, писанія рабочихъ, подобныя тѣмъ, которыя смутили въ Россіи тов. Валерьянова. Какъ и всюду, приходящій

въ сознаніе пролетаріатъ берется за перо и при случаѣ—пишетъ стихи и сочиняетъ разсказы. Но тов. Валерьяновъ забылъ различеніе, которое когда то еще дѣлалъ Бѣлинскій, между словесностью и литературой. Вѣдь, цѣлое море словесности еще не гарантируетъ намъ даже капли художества. А намъ нужна не случайно упавшая капля, а струя, которая живетъ и всѣмъ своимъ существомъ говоритъ, что въ тѣхъ нѣдрахъ, изъ которыхъ она бьетъ, есть родникъ художественнаго творчества. Намъ нужно въ художествѣ представительство пролетарскаго духа, пролетарской психики, пролетарскаго міроощущенія. Но имѣются ли они въ этихъ писаніяхъ?—Нѣтъ, не имѣются, не въ обиду будь сказано тов. Валерьянову.

А, вѣдь, опытъ Германіи, казалось бы, долженъ говорить краснорѣчивѣе опыта всякой другой страны съ развитымъ пролетарскимъ движеніемъ, ибо нигдѣ культура движенія не достигала такого расцвѣта, нигдѣ идеологія не получала подобнаго развитія, какъ именно въ Германіи, не даромъ германское движеніе служитъ всегдашнимъ образцомъ и предметомъ подражанія для пролетаріата всѣхъ другихъ національностей. И если здѣсь, въ Германіи, какъ и всюду,—и ярче, чѣмъ-всюду-пролетаріатъ вошелъ въ общественно-политическую жизнь съ опредѣленнымъ лицомъ, но не раскрылъ своего лица для художества, то едва ли, послѣ безпримѣрнаго полувѣкового развитія, умѣстно сводить этотъ культурный изъянъ на случай, на простую запоздалость выявленія нѣкоторыхъ сторонъ пролетарской культуры.

Очевидно, приходится обращаться къ самой культурѣ и въ условіяхъ ея образованія въ обстановкѣ каниталистической цивилизаціи искать отвѣта на проклятой вопросъ. Я это и сдѣлалъ въ статьѣ, вызвавшей такъ много тяжелыхъ ощущеній у тов. Валерьянова.

Собственно говоря, ощущенія эти и являются главнѣйшимъ содержаніемъ статьи моего оппонента. Онъ, вѣдь, не столько споритъ съ мной или меня опровергаетъ, сколько изливаетъ горечь по поводу тѣхъ выводовъ, которые. якобы, слѣдуютъ изъ этой непріятной статьи. Такъ онъ даже и попытки не дѣлаетъ посягнуть на мою аргументацію, критически разобрать мой анализъ двоякого рода причинъ, мѣшающихъ—при современныхъ общественныхъ условіяхъ—развитію пролетарской культуры художества. Но за то, онъ съ тѣмъ большей запальчивостью обвиняетъ меня въ маловѣріи; съ тѣмъ большою категоричностью провозглашаетъ „нѣтъ трагедіи пролетарской культуры для того, кто вѣритъ въ творческую мощь пролетаріата". „Я вѣрю въ творческія силы пролетаріата—говоритъ онъ—и вѣрю въ то, что онъ придетъ къ порогу добытою великою борьбой царства свѣтлаго будущаго во всеоружіи своей идеологіи, съ полнымъ законченнымъ комплексомъ культурныхъ цѣнностей".

Когда я читалъ эти строки, я думалъ: тов. Валерьяновъ, конечно, хорошій человѣкъ, онъ желаетъ всего добраго и главное—онъ неумолимо твердъ въ своей вѣрѣ въ пролетаріатъ. Но меня смущало одно. Мнѣ казалось: эта вѣра его не по Маркеу, а по Филарету, я вспомнилъ свои гимназическіе годы, когда я въ катехизисѣ училъ, что „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе,

вещей обличеніе невидимыхъ т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ". Вотъ именно такъ—мнѣ кажется—вѣритъ и тов. Валерьяновъ: вѣритъ въ то, чего нѣтъ, и безтрепетной рукой отметаетъ, что есть.

Не изъ познанія жизни беретъ онъ свою увѣренность въ будущемъ, а изъ тайниковъ своего безсознательнаго чувства. Потому то онъ такъ и боится фактовъ и готовъ отъ нихъ отчураться, какъ отъ нечистой силы. Эта вѣра есть въ сущности самое злое безвѣріе, то неустойчивое равновѣсіе, которое въ каждый данный моментъ грозитъ рухнуть—подъ дѣйствіемъ этихъ отрицаемыхъ фактовъ. Марксизмъ никогда не стоялъ на почвѣ подобной вѣры. Онъ гордъ былъ именно тѣмъ, что изъ неприкрашеннаго познанія жизни со всѣми ея отрицательными сторонами выковывалъ себѣ свое классовое оружіе и строилъ свой идеалъ, опираясь на фундаментъ науки.

Надъ тов. же Валерьяновымъ эта филаретовская вѣра играетъ, мнѣ думается, невеселую шутку. Она заставляетъ его, воспѣвая пролетаріатъ, ненарокомъ воспѣть—помимо его сознанія и воли—и современный капитализмъ: не какъ цивилизація, которая идетъ къ своему отрицанію сквозь строй жесточайшихъ и все обостряющихся внутреннихъ противорѣчій, а какъ нѣкое гармоническое цѣлое, вылестывающее въ нѣдрахъ своихъ свою высшую ступень—соціалистическую.

Если пролетаріатъ и на самомъ дѣлѣ способенъ—какъ полагаетъ тов. Валерьяновъ—при существующихъ общественныхъ условіяхъ, не только сплотиться въ великую армію, какъ думалъ нѣкогда Марксъ, но и дать „полный законченный комплексъ" своихъ „культурныхъ цѣнностей", т. е. развернуть во всемъ ея объемѣ свою пролетарскую культуру, то, очевидно, эти общественныя отношенія совсѣмъ не такъ дурны, какъ про нихъ злословятъ старомодные соціальдомократы, и въ своемъ развитіи эти отношенія совсѣмъ не идутъ—къ революціи. Зачѣмъ революція?—Не „соціальная революція", а соціальная реформа, исподволь, незамѣтно и постепенно преобразующая капиталистическое общество въ соціалистическое, вотъ тотъ процессъ, который единственно отвѣчаетъ радостному оптимизму тов. Валерьянова.

Мнѣ очень жаль, что я долженъ его огорчить, но сказать приходится: это оптимизмъ совсѣмъ не соціалдемократа-марксиста, а въ лучшемъ случаѣ—ревизіониста, а то такъ и просто заурядъ-демократа буржуазно-соціалистической помѣси.

Конечно, я нисколько не сомнѣваюсь—тов. Валерьяновъ благономѣреннѣйшій изъ марксистовъ-соціальдемократовъ. Но, вѣдь, то и характерно, что онъ такъ легко заблудился въ этихъ понятіяхъ объ общественной эволюціи, которыя только на поверхностный взглядъ представляются такими радикальными и такими дающими удовлетвореніе пролетарскому патріотизму, а въ дѣйствительности—повторяютъ лишь ходячія иллюзіи обывательскаго демократизма. Стало быть какъ сильны еще предразсудки демократа-обывателя и какъ безконечно много еще предстоитъ марксизму выкорчевывать изъ пролетарскихъ головъ этой обывательской мудрости!

Съ этой же мудростью далеко не уѣдешь! Это какъ нельзя болѣе явственно слѣдуетъ изъ примѣра тов. Валерьянова, который не нашелъ ничего лучшаго, какъ обидѣться за пролетаріата, читая прогнозъ, который я ставлю пролетарской культурѣ художества и отчасти всему культурному развитію пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ. Я оскорбляю пролетаріатъ!

Но что сказалъ бы тов. Валерьяновъ, еслибы зналъ, что Карлъ Каутскій, помнится, въ одной изъ своихъ работъ 90-хъ годовъ—согрѣшилъ еще худшимъ прогнозомъ—правда, примѣнительно къ Англіи? Каутскій предполагалъ возможнымъ, что въ Англіи пролетаріатъ вплоть до самой соціальной революціи такъ и не сумѣетъ развить своей идеологіи, такъ и не сможетъ сложиться въ правильно организованную соціалистическую партію. Однако, и въ этомъ случаѣ переходъ отъ капиталистическаго къ соціалистическому строю въ Англіи все же—помнѣнію Каутскаго-произойдетъ, но только въ худшихъ условіяхъ, эмпирически, тяжелымъ путемъ стихійнаго приспособленія.

Такимъ образомъ, Каутскій не декламировалъ о „творческой мощи пролетаріата", а серьезно пытаясь разобраться въ путяхъ общественной эволюціи, не боялся намѣтить и тотъ ненормальный случай, который онъ предвидѣлъ для Англіи. Норма, конечно,—иная. Но и норма—болѣе типичный историческій путь пролетарскаго развитія съ его конечнымъ исходомъ—не представляетъ того иллюминованнаго и расцвѣченнаго флагами Невскаго проспекта, какимъ она какъ будто рисуется моему экспансивному оппоненту.

Въ этомъ лучше всего убѣдиться, если окинуть взоромъ рабочее движеніе всѣхъ тѣхъ странъ, которыя входятъ въ составъ современнаго интернаціонала. Какой колоссальный ростъ, какой блестящій успѣхъ по сравненію съ тѣмъ, что представляло собою рабочее движеніе пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ эпоху интернаціонала Маркса и Бакунина! Но вмѣстѣ съ тѣмъ кокое въ тоже время отставаніе отъ этихъ роста и успѣха всѣхъ тѣхъ частей культуры, которыя не входятъ непосредственно въ повседневную практику борьбы!

Такъ, въ прошлой статьѣ я говорилъ объ односторонне—спартанской культуры современнаго пролетаріата и говорилъ, имѣя въ виду всего больше Германію. Но, вѣдь, Германія—это блистательное исключеніе; германское движеніе въ смыслѣ богатства и разносторонности своихъ культурныхъ цѣнностей—недосягаемый примѣръ для другихъ—даже самыхъ культурныхъ—народовъ.

Очевидно, пролетаріату въ его процессѣ сплоченія, въ его освободительномъ движеніи, приходится пробираться сквозь чащу такихъ неблагопріятныхъ условій, которыя дѣлаютъ объяснимымъ нынѣшнее недоразвитіе его пролетарской культуры, и вѣроятнымъ, что и вплоть до соціальной революціи онъ окажется не въ состояніи ее доразвить до конца. И, очевидно, есть какія то общія причины, которыя въ міровомъ движеніи пролетаріата дѣлаютъ преобладающей эмпирику практической политики, такъ часто враждующую со всякой идеологіей и во всякомъ

случаѣ меньше всего представляющую поле, пригодное для культурныхъ посѣвовъ.

Этого не слѣдуетъ замалчивать. Надъ этимъ стоитъ подумать, ибо только подумавъ и познавъ изнанку движенія, можно попытаться ослабить ея дѣйствіе, можно противъ нея съ извѣстнымъ успѣхомъ бороться.

Но меньше всего пригодны для этого парадныя фразы и точка зрѣнія оффиціальнаго благополучія. „Передъ нами—говоритъ т. Валерьяновъ—встаетъ задача пересмотра всѣхъ культурныхъ цѣнностей буржуазіи, критическое отдѣленіе въ ея содержаніи пшеницы отъ плевелъ, выработка критическаго противоядія яду". И далѣе—„мы должны выводить изъ тьмы растущія тамъ творческія силы".

Очень хорошо! Я совершенно серьезно привѣтствую это заявленіе тов. Валерьянова, полагаю, однако, что именно въ цѣляхъ, поставленныхъ имъ, не мѣшаетъ имѣть въ своей памяти какъ разъ тѣ слова, которыми я закончилъ статью: поменьше самообольщенія!

Побольше активности въ дѣлѣ раздвиганія границъ пролетарской культуры и поменьше самообольщенія наприм. въ дѣлѣ открыванія—своихъ собственныхъ пролетарскихъ художниковъ. Нѣтъ болѣе безнадежнаго занятія, какъ присвоеніе пролетаріатомъ себѣ ему чуждыхъ—хотя и благосклонныхъ—писателей, или раздуваніе мухи въ слона—только потому, что эта муха пролетарскаго происхожденія. Пролетаріатъ уже давно переросъ свои дѣтскія пеленки, онъ сдаетъ въ настоящее время аттестатъ своей гражданской зрѣлости; пора перестать говорить съ нимъ, присюсюкивая и пришепетывая, какъ съ неосмысленномъ младенцемъ.

Да, культура художества едва ли разовьется у пролетаріата вплоть до того переходного времени, которое зовется соціальной революціей. Но что изъ того? Развѣ это, быть можетъ, не совсѣмъ пріятное сознаніе, хотя въ чемъ бы то не было сужаетъ размахъ пролетарской работы? Развѣ пролетарская работа нуждается въ горячительныхъ средствахъ иллюзій? Развѣ это сознаніе, наоборотъ, не подчеркиваетъ, всей критикой современной культуры пролетаріата, настоятельную необходимость накопленія капитала культурныхъ цѣнностей, развѣ оно не говоритъ—какъ и я говорилъ въ той статьѣ—о сугубыхъ задачахъ, которыя лежатъ на пролетарскомъ товариществѣ,—о томъ, что это товарищество должно беречь и лелѣять рѣдкіе всходы пролетарской культуры, провозвѣстники будущаго?

Но тутъ тов. Валерьяновъ хватаетъ меня на словѣ и завѣряетъ читателя, что я смѣшиваю культуру пролетаріата въ рамкахъ современнаго капиталистическаго строя съ культурой, которая будетъ вырабатываться въ соціалистическомъ обществѣ на слѣдующій день послѣ соціальной революціи.

Нѣтъ, тов. Валерьяновъ, я этихъ культуръ не смѣшиваю. Но я дѣйствительно думаю, что именно пролетаріатъ, а не будущій синтезированный гражданинъ будущаго синтезированнаго царства, разовьетъ богатѣйшую культуру въ ту, по всей вѣроятности, длительную эпоху реформъ, которая отдѣляетъ современное капиталистическое общество отъ подготовляемаго

этой эпохой соціалистическаго строя. Я именно къ эпохѣ соціальной революціи отношу предполагаемый мною расцвѣтъ той культуры, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа культурой пролетаріата.....

Я кончилъ. За мою реплику да не посѣтуетъ на меня тов. Валерьяновъ.

А. Потресовъ.

Изъ иностранной соціалистической печати.

1. Разногласія внутри германской и австрійской соціальдемократіи.

Подводя итоги іенскому партейтагу германской соціальдемократіи, К. Каутскій такъ характеризуетъ (№ 52 „Die Neue Zeit“) его результаты:

„Третій іенскій партейтагъ снова подтвердилъ непоколебимое единство нашей партіи. И въ такой же степени онъ подтвердилъ сохраненіе ею ея прежней тактики. Новая „наступательная“ тактика (*тактика Р. Люксембургъ—В. Л.*) ни разу не была ясно формулирована, не говоря уже о тактикѣ „смѣлаго нападенія“. Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки развить и защищать ее. Ее поэтому можно считать исчерпанной. Мы остаемся тѣмъ, чѣмъ были: непримиримыми врагами буржуазнаго общества, не менѣе опасными ему изъза того, что мы остаемся при нашей старой тактикѣ и что мы отваживаемся только на такія задачи, до которыхъ мы считаемъ себя доросшими. Благодаря этому Германская соціальдемократія оставалась свободной отъ пораженій, какъ никакая другая революціонная партія; благодаря этому она пріобрѣла довѣріе массъ въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая партія и стала сильнѣе всѣхъ другихъ партій. Мы остаемся вѣрны нашей тактикѣ—вести пролетаріатъ не только къ борьбѣ, но и къ побѣдамъ!“

Каутскій такимъ образомъ утверждаетъ, что отрицательное отношеніе большинства партіи къ „ревизіи“ (пересмотру) тактики „слѣва“ и къ чрезмѣрному преувеличенію значенія политической массовой стачки отнюдь не означаетъ отказа соціальдемократіи отъ ея революціонныхъ задачъ, отъ ея непримиромой съ современнымъ буржуазнымъ строемъ классовой тактики. Иначе думаютъ германскіе „ревизіонисты“, которымъ вторитъ большинство иностранныхъ обозрѣвателей нашихъ толстыхъ и тонкихъ журналовъ, утверждающіе, что разногласія между „лѣвымъ“ крыломъ и „центромъ“ германской соціальдемокра-

тіи — являются ни чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ преній ортодоксовъ съ ревизіонистами[1]).

На самомъ дѣлѣ гораздо больше сходства имѣется между ревизіонистами и современными „сверхъ радикалами", чѣмъ между первыми и центромъ партіи. И ревизіонисты и радикалы одинаково неправы, когда причину замѣчающейся остановки въ ростѣ партіи, объясняемую глубокими соціально-экономическими причинами, видятъ въ консерватизмѣ и закостенѣлости ея тактики. Разница между ними только та, что радикалы требуютъ перехода къ тактикѣ „наступленія" путемъ массовой политической стачки или другихъ крайнихъ формъ борьбы, тогда какъ ревизіонисты указываютъ, какъ на единственный выходъ, на необходимость блока „отъ Бассермана (вождя національ-либераловъ) до Бебеля", т. е. на перемѣну тактики въ направленіи къ чистому реформизму. И тѣ и другіе переоцѣниваютъ: —радикалы— готовность рабочихъ массъ къ рѣшительной борьбѣ и достигнутую ими степень сознательности; ревизіонисты—значеніе парламентской дѣятельности и вліянія соціальдемократіи на либирально—буржуазныя партіи.

Для позиціи германскаго ревизіонизма характерны появившіеся передъ партейтагомъ номера ревизіонистскаго журнала „Sozialistische Monatshefte" („Соціалистическій Ежемѣсячникъ") —Въ 18—20 № этого журнала В. Кольбъ, одинъ изъ видныхъ представителей этого теченія, въ ст. „тактика соціальдемократіи" пишетъ, возражая противъ пропаганды Р. Люксембургъ и ея коллегами политической массовой стачки, какъ постояннаго средства борьбы:

„Политическая демократизація Пруссіи и Германіи будетъ достигнута не путемъ революціонныхъ массовыхъ дѣйствій, но путемъ конкретной послѣдовательно реформистской тактики и политики. Политическое развитіе Германіи настоятельно требуетъ *кооперации всѣхъ неконсервативныхъ партій*".

Въ другомъ мѣстѣ тей же статьи Кольбъ всю вину за безсиліе партіи добиться демократизаціи Пруссіи сваливаетъ на

„теоретически ложное представленіе партіи, будто бы демократизація Германіи неосуществима законнымъ путемъ".

Словомъ, не экономическія условія, не политическій гнетъ въ Пруссіи, не недостаточная еще для преодолѣнія господства юнкеровъ организованность массъ препятствуютъ завоеваніямъ партіи, а ея теорія. Эта чисто *идеалистическая* точка зрѣнія какъ двѣ капли воды походитъ на столь же идеалистическую постановку вопроса „сверхрадикалки" Р. Люксембургъ, считающей, что только благодаря „тормозящей" роли правленія партіи въ Германіи массовая политическая стачка не стала еще повседневнымъ явленіемъ.

---

[1]) См напр. ст. Ратнера въ „Сѣв. Запискахъ", Я. Неволина въ „Завѣтахъ", Бланка въ „Вѣст. Евр.".

Возрождающійся ревизіонизъ снова поднимаетъ также вопросъ о соціалистическомъ министеріализмѣ (т. е. объ участіи соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ). Поводомъ къ обсужденію заново этого вопроса послужили событія въ Даніи и Голландіи, гдѣ соціалисты стояли передъ соблазномъ вступленія въ буржуазное министерство. Этому вопросу посвящены ст, Бернштейна въ 18—20 №, Квесселя въ 15 № и Шрадера въ 16—17 №№. „Sozialistische Monatshefte".

Всѣ эти авторы порицаютъ голландскихъ соціалистовъ, которые, послѣ долгихъ колебаній и борьбы въ собственныхъ рядахъ, отказались отъ образованія вмѣстѣ съ прогрессистами общаго министерства; они утверждаютъ, что этимъ голландскіе соціалисты, убоявшись отвѣтственности, не выполнили лежащей на нихъ передъ голландскимъ пролетаріатомъ обязанности, т. к., благодаря образованію либеральнаго министерства, въ виду отказа соціалистовъ, реформа избирательнаго права и проведеніе государственнаго страхованія рабочихъ были отложены на неопредѣленное время.

Здѣсь читателямъ опять внушается ложная мысль, будто проведеніе важныхъ для пролетаріата реформъ зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ парламентскихъ комбинацій и переговоровъ, а не отъ совокупности классовыхъ отношеній въ странѣ.

Упрекая голландскихъ и датскихъ соціалистовъ (послѣдніе также отказались образовать радикально — соціалистическое министерство), Бернштейнъ и другіе ревизіонисты противопоставляютъ имъ баденскихъ соціальдемократовъ, давно уже осуществляющихъ тѣсный либерально-соціалистическій блокъ. Но не успѣли еще обсохнуть перья, которыми объ этомъ писали на стр. „Sozialistische Monatshefte", какъ результаты выборовъ въ баденскій ландтагъ принесли наглядное доказательство краха практиковавшагося баденскими соціальдемократами блока. На этихъ выборахъ одна только соціальдемократія понесла уронъ, тогда какъ всѣ другія партіи выиграли какъ по числу завоеванныхъ мѣстъ, такъ и по количеству поданныхъ за нихъ голосовъ. Соціальдемократія потеряла 11.750 голосовъ, между тѣмъ какъ либералы втирали 14.669 и блокъ правыхъ—25.806 голосовъ [1]). Такимъ образомъ практиковавшаяся въ Баденѣ ревизіонистами тактика блока съ либералами, которая вела къ затушевыванію различій между соціалистами и либералами, вмѣсто того, чтобы привести первыхъ чуть ли не къ власти, подготовила ихъ пораженіе и побѣду ихъ сотрудниковъ по блоку.

Несмотря на постоянныя утвержденія ревизіонистовъ, что марксистская „догма" (т. е. теорія) устарѣла и не отвѣчаетъ жизни, дѣйствительная жизнь и дѣйствительное развитіе классовой борьбы застав-

[1]) См. ст. Г. Лемана въ 9 №. „Die N. Z." „Еще о баденскихъ выборахъ въ ландтагъ".

ритъ, что она сможетъ добиться величайшихъ успѣховъ, если только партія и союзы будутъ стремиться впередъ мужественнѣе, рѣшительнѣе и упорнѣе. Недовольство разочаровавшихся въ этомъ обращается поэтому противъ насъ вмѣсто виновныхъ; противъ нашихъ депутатовъ вмѣсто нашихъ враговъ противъ соціальдемократіи вмѣсто капитализма".

Отсюда Бауэръ дѣлаетъ слѣдующій, совершенно правильный выводъ:

„Мы должны освободить массу отъ этого несоціалистическаго метода мышленія. Мы не можемъ сдѣлать этого сразу. Для этого потребуется долголѣтняя просвѣтительная работа. Но эта работа должна быть выполнена. Мы должны *вернуть массы къ старому ученію социализма*, которое говоритъ намъ, что положительные успѣхи въ капиталистическомъ обществѣ могутъ быть достигнуты только съ трудомъ, только изрѣдка, только въ недостаточной степени; что рабочій классъ можетъ освободиться не путемъ постепенно мирнаго подъема, но и въ буряхъ соціальнаго переворота".

2) *Пролетаріатъ и искусство.*

Вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ искусству, затронутый въ ст. А. Потресова въ 6-ой кн. „Нашей Зари" и вызвавшій оживленные споры въ с. д. средѣ, разсматривается также въ 1 № австрійскаго с. д. журнала „Der Kampf" въ ст. Д. Г. Баха „Рабочій и искусство". Бахъ съ нѣсколько иной, чѣмъ А. Потресовъ, стороны подходитъ къ этому интересному вопросу

Для Баха „искусство является важнымъ, даже незамѣнимымъ средствомъ для освобожденія пролетаріата и всего человѣчества". Имущіе классы сознали роль искусства въ классовой борьбѣ гораздо раньше представителей пролетаріата и сумѣли воспользоваться имъ въ своихъ интересахъ противъ него.

Пролетаріатъ, по мнѣнію Баха, не долженъ отказываться и отрекаться отъ произведеній искусства, порождаемыхъ современнымъ обществомъ. Конечно, ошибки дѣлаютъ тѣ изъ соціалистовъ, которые считаютъ *своимъ* какого—ниб. художника за ту или иную фразу или мысль, высказанную въ его произведеніяхъ и сближающую его съ соціалистическими міровоззрѣніемъ пролетаріата. Ибо, этимъ „соціалистическимъ" мыслямъ и фразамъ каждаго такого художника можно противопоставить нѣсколько другихъ—антисоціалистическихъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Вагнеръ, котораго, по случаю минувшаго столѣтняго юбилея, одни писатели изъ соціалистическаго міра чествовали, какъ художника съ соціалистическимъ духомъ, другіе какъ типичнаго идеолога мелкой буржуазіи. Методъ причисленія художника къ тому или иному лагерю на основаніи вырванныхъ изъ контекста его произведеній фразъ—въ корнѣ ошибоченъ. [1]) Ибо, напр., тотъ же самый Вагнеръ

[1]) Къ сожалѣнію, эту ошибку нерѣдко совершаютъ наши отечественные художественные критики.

„революціоненъ не благодаря отдѣльнымъ мѣстамъ въ его произведеніяхъ, но вслѣдствіе общаго характера своего искуства. Онъ далъ намъ новую музыку, новую форму драматическаго искусства посредствомъ соединенія звуковъ и силъ, онъ подарилъ намъ незабываемые звуки и образы, обогатилъ наше чувство. Развѣ этого не достаточно, развѣ не является это революціоннымъ".

Если бы дѣло обстояло иначе, пролетаріату пришлось бы отказаться отъ искусства величайшихъ художниковъ міра, что означало бы „обѣдненіе" его духовной сущности.

Значеніе художника или произведеній искусства для пролетаріата заключается не столько въ томъ, къ какому *классу принадлежитъ этотъ художникъ*, сколько въ томъ, къ какому періоду историческаго развитія класса, идеологомъ котораго онъ является, относится его художественная дѣятельность. Шиллеръ, напримѣръ, былъ поэтомъ буржуазіи, но онъ былъ идеологомъ *революціонной* буржуазіи, буржуазіи періода историческаго подъема; поэтому его произведенія отличаются революціоннымъ характеромъ, а въ наше время пролетаріатъ находитъ въ нихъ отзвукъ своимъ стремленіямъ, хотя въ нихъ не содержится никакихъ специфическихъ „пролетарскихъ" чертъ. Характерно, что современная буржуазія, настроенія которой рѣзко разнятся отъ ея же настроеній въ періодъ ея юности, избѣгаетъ ставить на сценѣ его произведенія, не имѣетъ къ нимъ „вкуса", и что „буржуазный" Шиллеръ сталъ поэтомъ „для юношества, для народа". То же повторяется въ другихъ странахъ съ художниками буржуазіи перваго періода ея развитія. Для пролетаріата, слѣдовательно, важно не то, что тотъ или иной художникъ принадлежалъ по своему происхожденію или психологіи къ буржуазіи, а то, что въ произведеніяхъ этихъ художниковъ „вело за предѣлы класса":

„только потому, что они выходили за предѣлы класса, они были великими людьми, великими художниками. Хотя вѣрно, что каждый связанъ со своимъ классомъ и матеріалистическое пониманіе исторіи учитъ насъ, что за всякой идеологіей и образами, создаваемыми какимъ нибудь классомъ, не слѣдуетъ забывать матеріальныхъ основъ бытія, которыя опредѣляютъ сознаніе, но сознаніе обратно опредѣляетъ развивающееся бытіе и относится также къ матеріальнымъ основомъ будущаго времени".

Такимъ образомъ идеологъ буржуазіи періода ея расцвѣта, въ періодъ ея упадка становятся

„поэтами поднимающагося класса пролетаріата, поэтами будущаго. На мѣсто же буржуазнаго искусства (*періода подъема В. Л.*) возникаетъ буржуазная эстетика, являющаяся дѣйствительнымъ врагомъ пролетаріата". „Ибо для всякаго истиннаго искусства наступаетъ время, когда оно перестаетъ соотвѣтствовать потребности своего класса. Тогда оно начинаетъ отвергаться. Но новый поднимающійся классъ беретъ его въ свои руки".

Сторонники буржуазной эстетики, или, что тоже, „искусства для искусства", требуютъ его автономности, т. е. полной независимо-

сти отъ дѣйствительной жизни. Стремленіе къ „искусству для искусства“ или къ „чистому искусству“ является результатомъ того, что классъ, порожденіемъ котораго онъ является, перестаетъ чувствовать подъ собою почву, и не даетъ ему стимуловъ и содержанія для творчества. Но т. к. въ произведеніяхъ искусства форма и содержаніе составляютъ единое цѣлое, то художники, тѣшащіе себя мечтой о своей независимости отъ прозы жизни, вынуждены то „отталкивать отъ себя классъ будущаго“, то притягиваться къ нему, „когда ихъ зависимость отъ жизни начинаетъ чувствоваться сильнѣе“.

Каково же отношеніе пролетаріата къ искусству? На это Бахъ отвѣчаетъ:

Рабочій, пролетарій принимаетъ искусство не какъ подарокъ, но какъ необходимость; онъ обогащается искусствомъ и освобождается при его помощи и вмѣстѣ съ нимъ. Онъ познаетъ условія, обусловленность и необходимость искусства; поэтому онъ можетъ итти вмѣстѣ съ искусствомъ, такъ какъ пролетаріатъ самъ пойметъ, что онъ долженъ отвергнуть, что въ немъ является простой артистической игрой, самоцѣлью, въ то время какъ оно должно служить средствомъ къ цѣли, которое дѣлаетъ возможнымъ развитіе новыхъ формъ, соотвѣтствующихъ новому содержанію. Искусство всегда идетъ впереди времени и всякое крупное произведеніе искусства революціонно, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ новые элементы“.

Признавая значеніе формъ искусства и ихъ исторической обусловленности, пролетаріатъ не можетъ проходить мимо его содержанія. Мы имѣемъ уже „пролетарскихъ поэтовъ, т. е. художниковъ, въ произведеніяхъ которыхъ живетъ душа и чувство современнаго пролетарія“. Но такихъ художниковъ немного, т. к., по справедливому указанію Баха,

„не всякій, кто чувствуетъ по пролетарски или соціалистически, и пишетъ стихи, написалъ стихотвореніе, заслуживающее этого названія“.

Большинство соціалистическихъ дѣятелей, писавшихъ стихи, писало ихъ очень плохо.

„И никому не придетъ въ голову требовать отъ нихъ другого. Нельзя также предъявлять соціалистическихъ требованій къ художнику, чтобы его произведенія соотвѣтствовали партійной программѣ, для того, чтобы пріобрѣсти для пролетаріата цѣнность. Для рабочаго такая „поэзія“ не имѣетъ цѣны, даже вредна“.

Ибо искреннее революціонное заключается не въ этомъ, а въ художественности произведенія, въ гармоніи его формы и содержанія, которое заключается не въ описаніи событій самихъ по себѣ, но въ обогащеніи нашихъ чувствъ, въ подъемѣ нашихъ ощущеній“.

Конечно, пролетаріату въ настоящее время недоступны многіе виды искусства, благодаря существующимъ на нихъ монополіямъ капиталистическаго класса, но пролетаріатъ долженъ стремиться къ пріобщенію себя къ сокровищницѣ искусство и требуютъ широкаго распространенія его произведеній и ихъ общедоступности.

„Рабочій классъ долженъ одну область искусства за другой брать въ свое вѣдѣніе“.

Конечно, это нелегко, т. к. не всякое произведеніе искусства доступно еще ему, но, вѣдь, эстетическое и художественное развитіе пролетаріата только еще начинается. Онъ стоитъ только въ самомъ началѣ этого пути.

„Если научить рабочихъ познавать, что такое искусство, то онп уже сумѣютъ отдѣлить исторически обусловленное въ немъ отъ вѣчно цѣннаго".

Ошибочно поэтому поступаютъ т[illegible], кто хочетъ уберечь пролетаріатъ отъ вліянія того или другого произведенія искусства только потому, что авторъ его принадлежитъ къ враждебному пролетаріату классу.

„Искусство не можетъ быть отдѣлено отъ пролетаріата, т. к. пролетаріатъ не только поднимающійся классъ, но онъ классъ, который вмѣстѣ съ своимъ освобожденіемъ несетъ освобожденіе всему человѣчеству. Онъ классъ *онйствующій за свои собственные предѣлы,* и поэтому онъ заодно съ искусствомъ".

Мы видимъ такимъ образомъ, что Бахъ не даетъ прямого отвѣта на вопросъ, возможно ли для пролетаріата создать *свою* „культуру художества" въ предѣлахъ буржуазнаго общества, на который Потресовъ отвѣчаетъ отрицательно. Можно думать, по отдѣльнымъ мѣстамъ его статьи, что онъ скорѣе склоняется къ той мысли, что эта культура можетъ быть создана еще до наступленія соціальнаго переворота. Но во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ Потресовымъ, Бахъ признаетъ, что путь къ созданію „пролетарскаго" искусства представляетъ собой длинный, тернистый путь.

Первымъ необходимымъ шагомъ на этомъ пути является пріобщеніе пролетаріата къ искусству вообще, ознакомленіе его съ исторіей искусства въ связи съ исторіей экономическихъ и общественныхъ отношеній, пониманіе обусловленности этихъ протзведеній искусства той эпохой, въ которой они сѳздавались, такимъ образомъ прежде, чѣмъ начать создавать сввю собственную культуру художества, преодолѣвъ искусство, до сихъ поръ бывшее, пролетаріату придется основательно усвоить и переработать его. А т. к. условія, въ которыхъ современный пролетаріатъ можетъ воспринимать искусство, крайне неблагопріятны для ея усвоенія, на что указываютъ и А. Потресовъ и Бахъ, то совершѣнно очевидно, что вопросъ о самостоятельномъ пролетарскомъ творчествѣ въ области искусства не является не только для русскаго, но и для Западно-Европейскаго рабочаго класса, вопросомъ ближайшаго будущаго, хотя, разумѣется, уже и теперь тѣ или иные мотивы пролетарской психологіи могутъ находить себѣ болѣе или менѣе полное отраженіе въ современной художественной литературѣ.

В. Левицкій.

вмѣстѣ съ тѣмъ возмутительное поведеніе прусскихъ офицеровъ очевиднымъ образомъ внушалось кѣмъ-то свыше, главарями германскихъ шовинистовъ. Это еще больше усилило всеобщее возмущеніе цабернской „военной диктатурой". Это былъ настоящій вызовъ всему эльзасскому населенію всѣхъ классовъ и сословій. Естественно, что на этотъ разъ подняли бунтъ противъ правительства и клерикалы изъ партіи центра, которая опирается главнымъ образомъ на католическое населеніе рейнскихъ провинцій По поводу цабернскихъ событій въ рейхстагъ внесенъ былъ запросъ соц.-демократами и свободомыслящими. Съ объясненіями выступили канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ и военный министръ. Рѣчь военнаго министра, съ которымъ солидаризовался и канцлеръ, была настоящимъ принципіальнымъ восхваленіемъ диктатуры сабли. Это переполнило чашу терпѣнія даже самыхъ умѣренныхъ и благонамѣренныхъ буржуазныхъ партій. Послѣ объясненій правительства рейхстагъ выразилъ недовѣріе канцлеру огромнымъ большинствомъ 293 голосовъ противъ 54.

Такимъ образомъ совершенно неожиданно натянутая струна лопнула, и въ Германіи разразился давнымъ давно небывалый конституціонный кризисъ.

А. Мартыновъ.

Расколъ въ соціалъ-демократической фракціи.

I.

Соціалдемократическая фракція 4-й Думы раскололась. Шесть депутатовъ, во главѣ съ Р. Малиновскимъ, вышли изъ ея состава и образовали особую думскую группу. Это выступленіе шести большевистскихъ депутатовъ явилось изрядной неожиданностью не только для широкой публики, не только для рабочаго класса, но и, въ значительной мѣрѣ, для большевистски настроенныхъ круговъ соціалдемократіи. Ибо предшествовавшія этому выступленію событія не давали никакого основанія ожидать такой именно развязки конфликтовъ, имѣвшихъ мѣсто въ думской фракціи. По крайней мѣрѣ не было основанія ожидать такой быстрой развязки.

Фракція 4-ой Думы составилась,какъ извѣстно, изъ депутатовъ, избранныхъ на основаніи двухъ различныхъ избирательныхъ платформъ. Это, конечно, было очень плохо, но это было еще съ полбѣды. Различныя платформы опирались на одну и ту же партійную программу, агитація велась подъ однимъ и тѣмъ же партійнымъ знаменемъ. Ни

одно изъ програмныхъ требованій, выставленныхъ въ той или другой платформѣ, не отрицалось сторонниками другой. Все разногласіе исчерпывалось вопросомъ о томъ, какія именно изъ програмныхъ требованій партіи должны выдвигаться въ первую очередь въ избирательную кампанію, на какихъ должна концентрироваться избирательная агитація. Никакія существенныя разногласія въ области избирательной тактики также не выплыли въ ходѣ этой предвыборной кампаніи,—поскольку, по крайней мѣрѣ, большевики не рѣшились послѣдовательно развить брошенные въ ихъ литературѣ намеки на возможность избирательной спекуляціи въ союзѣ съ черной-сотней противъ ненавистнаго буржуазнаго либерализма.

Настоящая бѣда заключалась въ томъ, что за двумя платформами стояли двѣ обособившіяся организаціи, сформировавшіяся незадолго до выборовъ. Фактически длящійся нѣсколько лѣтъ и за послѣдніе годы совершенно оформившійся расколъ партійнаго „подполья“ становился препятствіемъ къ проведенію единой партійной избирательной кампаніи. Объединившаяся вокругъ Ленина часть большевиковъ отказалась не только отъ совмѣстнаго веденія кампаніи, но и отъ избирательныхъ соглашеній (въ рабочей куріи) съ другой частью партіи. Соціалдемократія Польши и Литвы не только выступила отдѣльно отъ Бунда и П.П.С., но и сама раздѣлилась на двѣ непримиримыя части, пугавшія другъ друга своей сверхсмѣтной „ортодоксальностью“.

Этотъ партійный хаосъ могъ бы принести пролетаріату много зла, если бы на помощь не пришла фактическая оторванность передовыхъ рабочихъ отъ фракціонныхъ центровъ и вытекающая отсюда слабость фракціонной дисциплины. Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ, конечно, о Ленинской фракціи, ибо объединенная Организаціоннымъ комитетомъ другая часть партіи сама рекомендовала рабочимъ единство избирательной кампаніи и шла на всякія соглашенія. Мѣстные большевистскіе кружки, официально исповѣдуя сектантское кредо Ленинской конференціи, на дѣлѣ вступали въ соглашеніе съ „ликвидаторами“, составляли общіе избирательные комитеты, и тамъ, гдѣ чувствовали себя въ меньшинствѣ, присоединялись къ „ликвидаторской“ избирательной платформѣ и даже давали избирать своихъ лидеровъ въ Думу на ея основѣ. Такимъ образомъ, какъ извѣстно, прошелъ, напримѣръ, въ Думу въ Екатеринославской губерніи депутатъ Петровскій, числящійся большевикомъ. Точно также большевикъ Мурановъ изъ Харьковской губ. прошелъ какъ кандидатъ партіи по той же „ликвидаторской“ августовской платформѣ. Въ Московской губерніи дружно дѣйствовали „ликвидаторы“ съ ленинцами, во главѣ которыхъ стоялъ организаторъ нынѣшняго раскола Малиновскій. И только въ Петербургѣ и Варшавѣ, подъ непосредственнымъ давленіемъ главныхъ штабовъ дезорганизаторскихъ сектъ, послѣднимъ удалось поставить неприглядный спектакль двойныхъ выборовъ со всѣми злокачественными

послѣдствіями вплоть до двусмысленной исторіи въ связи съ избраніемъ депутата Бадаева и до невѣроятной и нелишенной антисемитскаго привкуса травли польскихъ и русскихъ мнимыхъ соціалистовъ противъ депутата Ягелло.

Несмотря на эти два исключенія, общая атмосфера, окружавшая избирательную кампанію, была до такой степени враждебной приватнымъ цѣлямъ ленинской секты, что всѣ члены соціальдемократической фракціи явились въ Думу, напутствуемые наказами о необходимости во что бы то ни стало охранять единство думскаго представительства. Подъ давленіемъ ясно выраженнаго общественнаго мнѣнія рабочихъ, сами депутаты большевики сочли нужнымъ сдѣлать демонстративное заявленіе, въ которомъ подчеркивали ихъ несогласіе съ политикой ленинской секты. Въ интервью, помѣщенномъ въ „Лучѣ", Петровскій говорилъ комплименты ликвидаторамъ—въ ковычкахъ и подвергалъ сомнѣнію существованіе ликвидаторства безъ ковычекъ. Малиновскій опровергалъ вложенный ему „Правдой" въ уста призывъ петербургскихъ рабочихъ бороться на выборахъ съ „ликвидаторами". Всѣ большевистскіе депутаты, кромѣ Малиновскаго и Муранова, дали согласіе сотрудничать въ обѣихъ соціальдемократическихъ газетахъ. Голосуя противъ включенія депутата Ягелло во фракцію по формально-организаціоннымъ соображеніямъ, они оговаривались, что считаютъ Ягелло соціальдемократомъ.

Эта идиллія, конечно, длилась недолго. Непрекращающаяся борьба въ самомъ рабочемъ движеніи, при усиленномъ стараніи не брезгующей средствами Ленинской клики, привела къ измѣненію позиціи большевистскихъ депутатовъ. Подъ не искреннимъ предлогомъ возмущенія передовой статьей въ 101 номерѣ „Луча", они демонстративно выступаютъ изъ этой газеты, не сдѣлавъ попытки разрѣшить свой конфликтъ съ ней вполнѣ доступнымъ имъ организаціоннымъ путемъ. Позже они даютъ свои имена для воззванія, положившаго начало раскола въ страховой кампаніи, путемъ созданія кружкового страхового журнала, затѣяннаго и руководимаго разоблаченнымъ „Новой рабочей газетой" темнымъ дѣятелемъ изъ оффиціальнаго органа боевой капиталистической политики. Короче: большевистскіе депутаты даютъ себя низвести до роли орудія въ кружковой борьбѣ Ленина и кампаніи.

Но все это ограничивается областью внѣдумской работы—тамъ, гдѣ вопросы классовой борьбы пролетаріата удается опутать кружковой интригой и сплести съ самодовлѣющими интересами кружкового подполья. Въ самой Думѣ, гдѣ вопросы классовой политики встаютъ во весь ростъ и рѣшать ихъ приходится подъ непосредственнымъ контролемъ избирателей, попытки вырыть пропасть между двумя частями фракціи оказываются безплодными. Не то, чтобы общая противоположность большевизма и меньшевизма не отражалась на конкретной постановкѣ вопросовъ въ думской тактикѣ. Напротивъ, дальнѣйшее

развитіе нашего соціальдемократическаго „парламентаризма“ должно будетъ поставить и на почвѣ думской дѣятельности во всей полнотѣ вопросъ о двухъ тактикахъ и двухъ концепціяхъ соціальдемократизма, какъ онъ уже отчасти былъ поставленъ во 2-ой Думѣ. Но со времени 2-ой Думы, дѣйствовавшей еще въ условіяхъ революціоннаго періода, русская политическая жизнь сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, и классовая борьба втиснута въ рамки политическихъ будней, да еще будней эпохи общественнаго застоя. Поэтому и въ 3-ей, и еще въ 4-ой Думахъ соціальдемократическій „парламентаризмъ“ обреченъ оставаться въ неразвитомъ состояніи. Ни количественныя, ни качественныя силы самой фракціи, ни характеръ связи ея съ движеніемъ рабочаго класса, ни степень организованности послѣдняго, ни, наконецъ, темпъ политической жизни въ странѣ — не позволяютъ соціальдемократическимъ депутатамъ развить всѣ возможности, заложенныя въ парламентской дѣятельности соціальдемократіи на данной стадіи историческаго развитія. Фракціи, въ общемъ и цѣломъ, приходится занимать въ Думѣ оборонительную позицію; ея выступленія *непосредственно* не отражаются на ходѣ рабочаго движенія и общественнаго движенія вообще, не даютъ толчка движеніямъ и выступленіямъ народныхъ массъ. При такихъ условіяхъ фракціи приходится заботиться, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы съ достоинствомъ выражать въ контръ-революціонной, внутренне разлагающейся Госуд. Думѣ, протестъ противъ всячески травимаго и на каждомъ шагу оскорбляемаго реакціей рабочаго класса; непосредственной задачей своей думской агитаціи ей приходится ставить лишь поддержаніе бодрости въ пробуждающемся политически рабочемъ классѣ, привлекать вниманіе широкихъ народныхъ массъ къ этому пробужденію, воскрешать въ памяти массъ партійныя традиціи. Здѣсь трудно проявиться, по крайней мѣрѣ сколько нибудь полно, различію большевистской и меньшевистской концепціи соціальдемократизма; лишь съ большой натяжкой и большой искуственностью ленинцамъ удавалось привлекать вниманіе партійныхъ круговъ къ еретическимъ выступленіямъ отдѣльныхъ депутатовъ въ 3-ей Думѣ. Въ нынѣшней Думѣ не въ мѣру усердные большевики приготовительнаго класса пытались было обозначить свою линію думской тактики, объявивъ обязанностью революціонной соціальдемократіи голосовать противъ ассигновокъ на увеличеніе жалованія пролетаріямъ почты и телеграфа. Но эта смѣлая инициатива внесла такое разстройство и смятеніе въ большевистскіе ряды, что большевистское начальство вынуждено было призвать къ порядку младенцевъ изъ редакціи „Правды“ и замести слѣды съ еще большей граціей, чѣмъ которую они проявили, когда пытались на выборахъ начать флиртъ съ черной сотней. Послѣ этой неудачи, отъ открытія „революціонныхъ“ Америкъ въ области думской тактики пришлось отказаться, и депутаты Малиновскій, Петровскій и другіе, подобно са-

мымъ страшнымъ „ликвидаторамъ", призывали съ думской трибуны пролетаріатъ къ борьбѣ за „частичное" требованіе „свободы организацій".

Никого поэтому не удивило, что подводя итоги первой думской сессіи, большевистскій журналъ „Просвѣщеніе" не только выразилъ полное одобреніе думской фракціи, но, даже перомъ своего руководителя Г. З., выписалъ ей форменный похвальный листъ, признавъ, что эта дѣятельность носила большевистскій характеръ. Авторъ могъ быть искрененъ, говоря это, ибо, повторяемъ, при томъ преимущественно оборонительномъ характерѣ, который по необходимости носила дѣятельность фракціи, никакой особой большевистской или меньшевистской линіи у ней обозначиться не могло. А для наивнаго большевистскаго міровоззрѣнія вполнѣ понятна тенденція приписать большевизму все, въ чемъ не удалось усмотрѣть признаковъ какой-либо особой ереси. По одному лишь „принциніальному" пункту большевики оговаривали свое несогласіе съ фракціей. Они не одобряли заявленія Чхенкели о томъ, что фракція требуетъ учрежденій, гарантирующихъ свободное развитіе національной культуры угнетенныхъ народностей. Произвольно подмѣняя это понятіе терминомъ „культурно-національной автономіи", большевики подняли шумъ объ отступленіи отъ партійной программы. Но всякому ясно, что разногласія въ вопросѣ о цѣлесообразности этого лозунга, какъ бы ни важно было оно само по себѣ, лежитъ внѣ плоскости разногласій, раздѣляющихъ два лагеря россійской соціальдемократіи. Перекинуть мостъ отъ культурно-національной автономіи къ отрицанію „подполья", „частичнымъ требованіямъ", коалиціонной кампаніи—задача, непосильная даже для софистовъ изъ „Просвѣщенія".

Съ тѣмъ большимъ изумленіемъ встрѣчено было извѣстіе, что передъ началомъ второй сессіи шесть большевистскихъ депутатовъ предъявили фракціи ультиматумъ въ такой формѣ, которая заранѣе говорила о неизбѣжности раскола. Шесть депутатовъ заявили, что ихъ партійныя убѣжденія не позволяютъ имъ болѣе выносить гнетъ дисциплины, налагаемой на нихъ принадлежностью къ думской фракціи. Они поэтому ультимативнымъ условіемъ своего дальнѣйшаго пребыванія во фракціи ставили ея переустройство на началахъ федераціи двухъ частей съ представленіемъ во всѣхъ спорныхъ вопросахъ большевистской шестеркѣ такого же голоса, какъ и восьмеркѣ. Какъ полагается у этого сорта людей, который навязалъ шести депутатамъ ихъ ультиматумъ, главнымъ мотивомъ задуманнаго ими переворота выставлей не *образъ дѣйствій* думской фракціи, а ея «образъ мыслей». Этотъ «образъ мыслей» сразу не рѣшились назвать «ликвидаторскимъ». Съ трогательною деликатностью птенцы гнѣзда ленинскаго заявляютъ: не будучи «ликвидаторами», вы, повидимому, склоняетесь къ «ликвидаторству». Но одна уже такая склонность къ „образу мыслей" для той аудиторіи, на которую разсчитываютъ Ленинъ и К°,

достаточный аргументъ, устраняющій необходимость иныхъ аргументовъ по существу дѣла. Въ дальнѣйшихъ документахъ уже безцеремоннѣе говорится о „ликвидаторской восьмеркѣ".

По существу же дѣла „гнетъ", которому фракція подвергала шестерыхъ большевиковъ, исчерпывается слѣдующими дѣяніями: ихъ убѣждали содѣйствовать единству соціальдемократіи сотрудничествомъ въ органахъ обоихъ направленій; неудовлетворено ихъ требованіе о приглашеніи во фракцію второго (большевистскаго) секретаря; когда Малиновскій сложилъ съ себя званіе члена бюджетной комиссіи, то фракція на его мѣсто назначила Скобелева, а не Петровского, котораго выставляли кандидатовъ большевики. И такъ далѣе, въ томъ же мелочно—кляузномъ духѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, что шесть депутатовъ даже не понимаютъ, что офиціальнымъ представителемъ пролетаріата *стыдно* вылѣзать на публику съ такого рода дѣтскими претензіями.

Среди этихъ наивныхъ жалобъ на «засилье» меньшивиковъ, не сумѣвшихъ оцѣнить бюджетной компетенціи Петровскаго, сиротливо торчитъ „принципіальная" обида, нанесенная шестеркѣ: это все та же культурно—національная автономія, которою фракція якобы нарушила партійную программу. Двумя словами здѣсь необходимо остановиться на этомъ единственномъ принципіальномъ аргументѣ.

Что требованіе государственныхъ учрежденій, гарантирующихъ полное развитіе національной культуры, не противорѣчитъ принципіальной программѣ соціаль-демократіи,—объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы отношеніе къ нимъ австрійской рабочей партіи и, въ особенности, лица, нѣсколько болѣе компетентнаго въ вопросахъ марксистской теоріи, чѣмъ Малиновскій,—Отто Бауэра. Что россійская соціальдемократія не считала это требованіе принципіально противорѣчащимъ своей программѣ, видно изъ того, что она включила въ 1906 году въ свой составъ Бундъ на условіи предоставленія ему права вести агитацію въ пользу этого требованія. Доводъ же о томъ, что при выработкѣ программы въ 1903 году соотвѣтственное требованіе Бунда было отклонено, не можетъ представляться доводомъ въ пользу запрещенія депутатамъ высказываться въ пользу аналогичнаго требованія. При выработкѣ программы были отклонены и такія требованія, какъ отмѣна смертной казни и пропорціональное представительство при выборахъ. Ихъ отклоненіе не означало признанія ихъ противорѣчащими марксизму или интересамъ рабочаго класса. Оно означало только, что партія не сочла нужнымъ включать ихъ въ свою боевую программу въ данный моментъ. И, если бы послѣ распада партійной организаціи, при невозможности нормальнымъ организаціоннымъ путемъ добиться дополненія программы соотвѣтствующимъ пунктомъ, депутаты рѣшились на свой рискъ и страхъ выставить въ Думѣ требованіе объ отмѣнѣ смертной казни или о введеніи пропорціональныхъ выборовъ,

то едва ли кто-либо упрекнулъ бы депутатовъ въ нарушеніи „программы", въ опасномъ ревизіонизмѣ.

Сказаннымъ я вовсе не хочу утверждать политической цѣлесообразности программнаго заявленія, сдѣланнаго въ рѣчи Чхенкели. Напротивъ, необходимо признать, что думская фракція поступила бы многимъ лучше, если бы воздержалась отъ провозглашенія отъ имени партіи такого программнаго тезиса, который, не будучи формально признанъ партіей, и по существу не имѣетъ за собой отчетливо выраженнаго партійнаго мнѣнія. Если требованія жизни побудили отдѣльныя части соціальдемократіи, не дожидаясь партійной санкціи, ввести въ агитацію данное положительное требованіе въ области національнаго вопроса—что, повторяемъ, отнюдь не противорѣчитъ принципіально партійной программѣ, онѣ должны были выдвигать это требованіе отъ своего только имени [1]). Такъ именно отнеслась къ требованію культурно-національной автономіи августовская конференція. Разумѣется, формальная неправильность, допущенная въ этомъ случаѣ, не только не даетъ права имъ вопить о систематическомъ угнетеніи меньшинства, ни поднимать вопросъ о возстаніи фракціи противъ партіи, но принадлежитъ къ числу ошибокъ, которыя неизбѣжны въ дѣятельности каждаго политическаго коллектива о которыхъ въ серьезныхъ политическихъ организаціяхъ не принято поднимать шума.

Чувствуя, до какой степени легкомысленно обоснованъ ихъ ультиматумъ, шесть депутатовъ, въ дополненіе или въ замѣну доводовъ по существу, выдвинули привиллегированность своего положенія, какъ депутатовъ рабочей куріи, въ противоположность остальнымъ депутатамъ. Въ качествѣ „куріальныхъ" депутатовъ, ленинцы объявляютъ себя единственными представителями пролетаріата, третируя остальныхъ депутатовъ, какъ представителей мелко-буржуазныхъ слоевъ населенія. На этой почвѣ большевиками развита такая демагогическая агитація, сдобренная софизмами и прямой неправдой, что на этомъ аргументѣ придется по необходимости остановиться.

Неправда, во-первыхъ, будто „шестеро" одни прошли по рабочей куріи. Кромѣ нихъ, по той же куріи прошло еще четыре депутата, входящихъ нынѣ въ составъ „восьмерки". Между этими четырьмя и шестью ленинцами различіе одно: послѣдніе избраны потому, что Столыпинскій законъ заранѣе обезпечилъ шесть мѣстъ въ Думѣ выборщикамъ по рабочей куріи. Остальные же четыре избранника рабочей куріи были проведены не на основаніи Столыпинскаго закона, стремившагося ограничить число рабочихъ депутатовъ, а вопреки ему, благодаря побѣдѣ оппозиціи на выборахъ и создавшейся для нея необходимости удѣлить одно изъ мѣстъ кандидатамъ рабочихъ. Это различіе

[1]) Депутатъ Ягелло такъ и поступилъ, когда говорилъ при обсужденіи смѣты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о требованіяхъ организованныхъ польскихъ и еврейскихъ рабочихъ.

само по себѣ должно было бы убить возможность всякаго куріальнаго чванства со стороны „шестерки“. Тѣмъ болѣе отталкивающій характеръ оно носитъ, что не всѣ шесть депутатовъ выбраны хотя бы только благодаря особенностямъ Столыпинскаго закона. Одинъ изъ нихъ—Бадаевъ—былъ на самомъ дѣлѣ проведенъ голосами правыхъ и октябристскихъ выборщиковъ противъ другихъ рабочихъ кандидатовъ, получившихъ на губернскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ рабочихъ значительно большее число голосовъ, чѣмъ нынѣшній петербургскій депутатъ. При такихъ уловіяхъ нужна большая политическая безсовѣстность, чтобы позволять себѣ претендовать на привиллегированное положеніе патентованнаго представителя рабочаго класса.

Невѣрно, во-вторыхъ, будто бы принадлежность большевикамъ всѣхъ шести „куріальныхъ“ мандатовъ, т. е. тѣхъ, которые законъ 3-го іюня обезпечиваетъ рабочимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что пролетаріатъ соотвѣтствующихъ, наиболѣе промышленныхъ, губерній высказался за большевистскую фракцію. Мы только что упомянули о томъ, какъ акушерскіе октябристкіе щипцы помогли при родахъ большевистскаго младенца въ Петербургѣ. Выше мы указали, что избранный въ Екатеринославской губ. большевикъ Петровскій представлялъ собой платформу августовской конференціи, и что Мурановъ и Малиновскій избраны по соглашенію обѣихъ частей партіи. Послѣ этого спекуляція съ милльономъ рабочихъ, сконцентрированныхъ въ шести губерніяхъ, должна быть признана покушеніемъ съ негодными средствами.

Не выдерживаетъ, наконецъ, критики, хотя и даетъ заманчивый поводъ для демагогіи, противопоставленіе депутатовъ, избранныхъ по рабочей куріи, соціальдемократамъ, прошедшимъ по другимъ куріямъ (въ дѣйствительности, по второй городской). Не говоря уже о томъ, что эта вторая курія охватываетъ различные слои чисто пролетарскихъ избирателей и что, напротивъ, рабочая курія охватываетъ большинство рабочаго класса,—при современныхъ условіяхъ соціальдемократическія побѣды въ городской куріи предполагаютъ такую политическую борьбу съ другими партіями, какой нѣтъ мѣста въ рабочей куріи. А лишь при такой политической борьбѣ можетъ развернуться дѣйствительная партійность и лишь при такихъ условіяхъ добытая избирательная побѣда является побѣдой партіи въ полномъ смыслѣ слова. Достаточно упомянуть, что депутаты городской куріи въ 3-ей и 4-ой Думѣ—Предкальнъ, Покровскій, Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели, Маньковъ—проходили въ Думу въ непосредственной борьбѣ не только съ кандидатами реакціи, но и съ кандидатами либеральной и буржуазно-національной оппозиціи. Надо ли еще прибавлять, что при русскихъ условіяхъ противопоставленіе „куріальныхъ“ депутатовъ другимъ сводитъ къ тому возвеличенію „мускулистаго кулака“ рабочаго и къ

той травлѣ партійныхъ интеллигентовъ, которыя способны лишь задержать политическое развитіе массъ на примитивномъ уровнѣ?

Соціальдемократическая фракція, какъ извѣстно, отвергла ультиматумъ ленинцевъ. При данныхъ условіяхъ она не могла поступить иначе, даже подъ угрозой формальнаго раскола. Принципъ федеративнаго строенія думской фракціи и рѣшеніе всѣхъ вопросовъ соглашеніемъ двухъ равноправныхъ частей, вообще говоря, можетъ быть признанъ лесообразнымъ при извѣстныхъ условіяхъ если бы онъ сколько-нибудь обезпечивалъ возможность совмѣстной работы. Но такое соглашеніе можетъ быть реально достижимо лишь въ томъ случаѣ, если борящіяся внутри рабочей партіи группы проводятъ его на всемъ протяженіи своей политической дѣятельности. Какъ первый шагъ по пути возстановленія единства —федеративное соглашеніе является необходимымъ. Но у насъ дѣло шло не о первомъ шагѣ къ возстановленію нарушенной партійной связи, а о послѣднемъ шагѣ для ея нарушенія тамъ, гдѣ она еще сохранилась —въ Думѣ. Ленинская „шестерка", пріобрѣвшая себѣ уже полную автономію въ дѣлѣ разрушенія соціальдемократическаго единства внѣ Думы, добивалась лишь возможности парализовать своимъ вето дѣятельность думской фракціи или принуждать ее проводить волю ленинскаго кружка. Требуя установленія федеративнаго устройства фракціи, „шестерка" нарочито вызывающее подчеркивала въ своихъ заявленіяхъ, что внѣ Думы будетъ дѣйствовать, какъ „непримиримый" противникъ другой части партіи, что внѣ Думы дезорганизація всѣхъ проявленій рабочаго движенія должна идти своимъ путемъ. При этихъ условіяхъ ультиматумъ шестерки долженъ былъ быть отвергнутъ, дабы думская фракція могла выполнить свой долгъ передъ пролетаріатомъ.

II.

Какъ отнесся пролетаріатъ къ расколу думской фракціи, которую онъ привыкъ представлять себѣ единымъ цѣлымъ? Объ этомъ трудно судить на основаніи данныхъ, имѣющихся въ печати. Тысячъ десять съ лишнимъ рабочихъ высказались по этому вопросу въ „Новой Рабочей Газетѣ" и въ „За правду". Изъ этого числа нѣсколько больше половины одобрило дѣйствіе „шестерки". Но значеніе этого перевѣса значительно умаляется тѣмъ фактомъ, что противъ раскола и, слѣдовательно, за большинство соціальдемократической фракціи высказалось множество партійныхъ коллективовъ, въ томъ числѣ нѣкоторые, объединяющіе сравнительно значительное количество рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, высказалась только наиболѣе активная, наиболѣе близкая къ партійной организаціи часть рабочаго класса: лишь исключеніями являются резолюціи цѣлыхъ заводовъ или массовыхъ собраній. Какъ отнеслась къ расколу широкая масса, лишенная воз-

можности серьезно обсудить кризисъ,—для выясненія этого вопроса нѣтъ никакихъ данныхъ. Опытъ прошлаго учитъ, что на такія явленія внутри партійной жизни, которыя близко ея касаются, но о которыхъ она не въ состояніи непосредственно высказаться, рабочая масса подчасъ реагируетъ впослѣдствіи и въ весьма неожиданной формѣ, какъ это было на петербургскихъ выборахъ во 2-ую Думу, когда большинство крупныхъ заводовъ избрало соціалистовъ-революціонеровъ. Не будетъ ничего удивительнаго, если безотвѣтственный и преступно легкомысленный шагъ шести „куріальныхъ" депутатовъ подаритъ с.-д-ію сюрпризъ подобнаго пораженія.

Пока же широкая масса поневолѣ молчитъ, покорно терпя, что ее кромсаютъ и „приписываютъ" къ той или другой части расколовшейся фракціи, какъ встарину приписывали „крѣпостныя души" къ частямъ раздѣленнаго имѣнія. Публицисты газеты „За правду" приписали, такимъ образомъ, къ „шестеркѣ" цѣлый милліонъ пролетаріевъ, числящійся по статистикѣ въ представленныхъ ими губерніяхъ.

Что касается „верховъ" рабочаго класса и примыкающей къ нимъ интеллигенціи, то здѣсь, для многихъ большевистски и анти-ликвидаторски настроенныхъ элементовъ, новое предпріятіе ленинской клики оказалось слишкомъ сильнымъ испытаніемъ ихъ фракціоннаго „патріотизма". Довольно значительное количество большевиковъ заявили себя несолидарными съ дѣйствіями „шестерки" и громко протестовали противъ увѣнчанія раскола. Въ этомъ отношеніи можно, и не питая особыхъ иллюзій, признать, что въ нѣкоторыхъ кругахъ с.-д. „послѣдовательность послѣдовательныхъ" начинаетъ вызывать здоровую реакцію.

А, между тѣмъ, ихъ дѣйствія были вполнѣ послѣдовательны. Лозунгъ „размежеванія", гордо провозглашенный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣетъ свою логику. Въ его основѣ лежитъ противопоставленіе секты праведныхъ, единственно надежныхъ соціалистовъ [1]), не только движенію класса въ цѣломъ, которое неизмѣнно разсматривается исключительно какъ объектъ воздѣйствія со стороны партіи—секты; эта партія—секта противопоставляется дѣйствительной рабочей партіи, существующей независимо отъ преходящихъ внѣшнихъ организаціонныхъ формъ, не перестающей существовать при полномъ даже распадѣ этихъ формъ, проявляющей себя при всѣхъ классовыхъ выступленіяхъ пролетаріата. Партія—секта противопоставлялась дѣйствительной партіи, несмотря на то, что это послѣдняя, при всѣхъ организаціонныхъ метаморфозахъ и при всей „ликвидаціи" старыхъ формъ организаціи, продолжала во всѣхъ своихъ частяхъ хранить вѣрность одному и тому же партійному знамени, одной и той

[1]) Ради надругательства надъ Марксомъ, называющихъ себя послѣдовательными марксистами.

же программѣ, одной и той же марксистской теоріи. Подчиненіе классоваго движенія диктатурѣ отмежевавшихся отъ широкихъ соц.-дем. коллективности кружковъ стало единственной цѣлью этихъ послѣднихъ. Расколъ во всѣхъ сферахъ рабочаго движенія,—въ профессіональныхъ союзахъ, въ страховой кампаніи, явился единственнымъ оружіемъ для достиженія этой цѣли.

Существованіе единой думской фракціи, являющейся въ силу самаго своего положенія наиболѣе сильнымъ концентраціоннымъ пунктомъ для рабочаго движенія, парализовало въ значительной мѣрѣ усилія принципіальныхъ раскольниковъ, ослабляло значеніе достигнутыхъ ими успѣховъ. Расколотые въ движеніи слои пролетаріата организаціи и районы политически вновь объединялись самымъ фактомъ своей связи съ единой думской фракціей. Понимая это, такъ называемые „ликвидаторы", въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ, шли на громадныя жертвы и уступки, чтобы только сохранить этотъ единственный, объединяющій органъ соціалъ-демократическаго движенія; и еслибъ въ политикѣ (увы! даже и въ соціалистической политикѣ кружковаго періода) было мѣсто справедливости, то такіе посторонніе фракціонной борьбѣ наблюдатели, какъ Г. В. Плехановъ и нѣкоторые другіе марксисты, должны были бы давно уже признать, что для ликвидаторовъ единая партія не пустая фраза и не предлогъ для кружковыхъ цѣлей. Но, признавъ это, пришлось бы поставить вопросъ о томъ, какіе же они ликвидаторы? И пришлось бы отказаться отъ весьма удобной, но чудовищно неправдивой формулы: обѣ стороны одинаково повинны въ несчастіи русскаго пролетаріата —перманентномъ расколѣ.

Ставши бѣльмомъ на глазу послѣдовательнаго ленинизма, единство думской фракціи должно было быть разрушено. Но, какъ указано выше, *изнутри*, изъ среды думской работы нельзя было добыть горючихъ матеріаловъ для взрыва фракціи, поскольку относительно элементарный характеръ ея дѣятельности не далъ еще опредѣлиться рѣзко различнымъ линіямъ думской работы. Приходилось ждать, пока самое развитіе этой думской дѣятельности, стимулируемое ростомъ движенія, создастъ удобный поводъ для рѣзкаго противопоставленія двухъ думскихъ тактикъ, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой это имѣло мѣсто во второй Думѣ, когда массамъ можно было разобраться между тактикой Церетелли и тактикой Алексинскаго. Но несчастье демагоговъ въ томъ, что имъ почти никогда нельзя ждать. Они не могутъ довѣрять историческому развитію. Пока успѣли бы созрѣть тактическія разногласія въ думской работѣ,—кто знаетъ, удалось ли бы удержать въ состояніи раскола профессіональныя, страховыя и др. организаціи? Торжество принципіальныхъ раскольниковъ въ этихъ организаціяхъ было достигнуто использованіемъ случайной конъюнктуры; оно держится вѣрой опредѣленныхъ пролетарскихъ слоевъ, вѣрой въ чудесные результаты рекомендуемой демагогами „послѣдовательной" дѣятельности

(„стачечный азартъ“ и „использованіе союзовъ“ въ профессіональной области, обще-городская касса—въ страховой, возстановленіе старой іерархіи въ партійно-организаціонной и т. д.). Въ этой азартной игрѣ каждый день можетъ принести демагогіи полное фіаско. Надо ловить моментъ, ковать желѣзо, пока горячо. И шесть депутатовъ ленинской „куріи“, безжалостно двинуты въ раскольническій походъ при условіяхъ, когда за отсутствіемъ серьезныхъ мотивовъ раскола, его приходится прикрывать ребяческими претензіями, подрывающими къ нимъ уваженіе не только, какъ къ политическимъ дѣятелямъ, но просто, какъ къ людямъ.

Такъ или иначе цѣль достигнута; отдѣленіе овецъ отъ козлищъ проведено по всей плоскости рабочаго движенія. Дисциплинированная по военному секта сплотилась вокругъ своего вождя и ея фанатизмъ уже автоматически подогрѣвается горечью и озлобленіемъ, которыя она сѣетъ кругомъ себя, оставляя на своемъ пути руины съ такимъ трудомъ складывающейся организаціонной культуры пролетаріата.

Послѣднее слово раскола, во всякомъ случаѣ, сказано. Внутренняя логика развитія требуетъ собственно отъ раскольниковъ выработать вполнѣ самостоятельную, вполнѣ независимую отъ марксизма идеологію. Но это, вѣроятно, задача слѣдующаго историческаго періода, если только рѣшительное осужденіе его дѣятельности интернаціоналомъ не побудитъ нашего Швейцера теперь же начать работу по пересмотру „слѣва“ программныхъ основъ соціальдемократіи. Соціалистическимъ противникамъ сектантства не приходится отчаиваться по поводу видимыхъ успѣховъ послѣдняго. Съ расколомъ на двое думской фракціи, позиціи стали яснѣй, отчетливѣй. И слѣпые должны увидѣть, что не въ самомъ расколѣ, гложущемъ уже въ теченіе 10 лѣтъ партійный организмъ, заключается основной недугъ нашего движенія, а въ той, выражаясь словами нѣмецкой газеты, „фривольности“, съ которой въ данномъ случаѣ могъ быть затѣянъ расколъ думской фракціи и которая характерна также для расколовъ другихъ отраслей движенія. Пока подобная политическая безотвѣтственность можетъ играть роль вліятельнаго фактора въ классовомъ движеніи, послѣднее не вышло еще изъ пеленокъ. А въ этихъ условіяхъ самое единство классовой борьбы, идея котораго живетъ уже въ массахъ, еще не можетъ стать фактомъ. Партійное единство—а, слѣдовательно, и самое существованіе организованной пролетарской партіи, не можетъ быть декретировано съ сегодня на завтра; оно не можетъ быть достигнуто на пути дипломатическихъ комбинацій между соціалистическими группами, выражающими собой различныя *историческія ступени* въ развитіи пролетаріата, его вчерашній и его завтрашній день. Его единство можетъ быть завоевано только выходомъ передовыхъ элементовъ пролетаріата на широкую арену классовой борьбы, расширеніемъ политическаго размаха движенія, повышеніемъ теоретическаго его уровня. Политическія секты не могутъ быть

ни истреблены одной теоретической критикой, вліяніе ихъ на рабочую массу не можетъ быть локализировано и смѣшны надежды на ихъ „замиреніе“ словесными уступками, демонстративнымъ признаніемъ той или другой сектантской реликвіи. Но онѣ могутъ быть растворены въ классовой партіи, въ процессѣ перехода соціальдемократіи отъ политическаго кустарничества къ широкой политической и организаціонной дѣятельности, ставящей передъ пролетаріатомъ во весь ростъ его историческія задачи и связывающей эти задачи съ живымъ конкретнымъ политическимъ дѣломъ.

Лозунгъ „возстановленіе партійнаго единства“ означаетъ для насъ: преодолѣніе кустарничества, переходъ отъ политической декламаціи къ политической агитаціи, отъ организаціи кружковъ къ организаціи политическаго дѣйствія.

Въ этомъ дѣлѣ не малую роль можетъ сыграть и оставшаяся вѣрной пролетаріату, соц.—дем. фракція.

Л. Мартовъ.

ОТКЛИКИ.

Правительственно - октябристская свобода печати.

Съ чрезвычайной быстротой проводятъ гг. октябристы правительственный законопроектъ о печати въ думской комиссіи. Кажется, своими усиліями вѣрой и правдой послужить начальству они стараются заставить его забыть о тѣхъ крамольныхъ рѣчахъ, которыя раздавались на октябристской конференціи. Правда, на конференціи выступали съ сердитыми рѣчами по преимуществу *бывшіе* депутаты и наиболѣе круто посоленныя блюда подносилъ власти тоже бывшій депутатъ А. И. Гучковъ, но вѣдь и нынѣ служащіе депутатами октябристы плескали руками, дѣлали оппозиціонныя лица и принимали резолюціи съ кадетскимъ душкомъ. Сіе искупить надо! И искупаютъ...

На конференціи говорилось объ озорствѣ власти. Говорилось, что съ нимъ необходимо бороться. Вотъ теперь октябристы и изобрѣли способъ уничтожить озорство власти, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи печати, и въ то-же время заставить начальство забыть рѣзкое слово, пущенное на конференціи бывшимъ человѣкомъ. Октябристы услужливо рѣшили все то, что считалось проявленіемъ такого озорства, превратить въ норму права. Ясно, что въ случаѣ удачи озорство, какъ явленіе преступное, исчезнетъ.

Возьмемъ къ примѣру пытку; у насъ она офиціально не принята и офиціально-же считается примѣненіе ея преступленіемъ. Но стоитъ только, какъ того желали въ процессѣ Бейлиса Пранайтисъ и „Земщина“, возвести ее въ рангъ дозволеннаго пріема при розыскѣ и слѣдствіи, обставить ее извѣстными правилами и „гарантіями“—и нѣтъ пытки—преступленія! Останутся только преступленія въ видѣ *злоупотребленія* пыткой.

Этотъ геніально-простой пріемъ и пустили въ ходъ октябристы въ комиссіи о печати. Спѣшу отмѣтить, что они не были иниціаторами этого дѣла. Ихъ геніальность была имъ

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

П. Б. Аксельродъ. Историческій смыслъ интернаціональнаго чествованія памяти Бебеля.
П. Масловъ. Забастовка матерей.
Раф. Григорьевъ. Опять мужики.
Ц. Гарвй. Лѣтопись рабочаго движенія.

СРЕДИ ЖУРНАЛОВЪ.

А. Сѣдовъ. 1. Народники противъ капитализма. 2. Г. Рыкачевъ за капитализмъ.
М. Левитовъ. Задачи соціалъ-демократической фракціи въ области страхованія рабочихъ.
Раф. Григорьевъ. На грани двухъ міровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. Мартыновъ. Политическій кризисъ во Франціи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. Черевачинъ. О закончившейся сессіи Думы.

ОТКЛИКИ.

1. Къ Учительскому съѣзду. 2. Культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ. 3. За кулисами реакціи.

Библіографія.

Списокъ книгъ полученныхъ для отзыва и пожертвованій.

Объявленія.

№. 12. Спб. 1913. Ц. 30.

IV-й годъ изданія.

А. В. Лебедевъ

НАША ЗАРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 12.

С.-Петербургъ, 1913 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1913.

Историческій смыслъ интернаціональнаго чествованія памяти Бебеля [1]).

Одинъ изъ наиболѣе передовыхъ и талантливыхъ представителей русской рабочей интеллигенціи, въ своемъ горячемъ откликѣ на смерть Бебеля, подчеркнулъ, что „никто и никогда не былъ мнѣ такъ близокъ", какъ этотъ вождь германской и международной соціальдемократіи [2]). Такую же, своего рода интимную, близость къ нему чувствовали и *широкія массы* соціальдемократическаго пролетаріата въ Германіи и, въ значительной мѣрѣ, и въ другихъ странахъ Запада. Это отмѣчала и подчеркивала какъ соціалистическая, такъ и буржуазная пресса, указывавшая на то, что ни Марксъ и Энгельсъ, ни Лассаль и Либкнехтъ не пользовались такой глубокой любовью, такой горячей, можно сказать, нѣжной привязанностью этихъ массъ, какъ Бебель. Объясняютъ это совершенно справедливо тѣмъ, что, соединяя въ себѣ необычайно рѣдкія качества ума и характера, онъ въ тоже время былъ пролетарскаго происхожденія. Но при этомъ одни игнорируютъ, а другіе недостаточно учитываютъ вліяніе на отношеніе къ нему рабочихъ другого, не менѣе, если еще не болѣе, существеннаго момента. Я имѣю въ виду то обстоятельство, что онъ не только по своему соціальному происхожденію, но и по своему духовному и политическому развитію былъ „сыномъ народа", кровнымъ дѣтищемъ пролетаріата, *сознательной* исторической *активности* котораго онъ самымъ непосредственнымъ образомъ обязанъ былъ развитіемъ своихъ творческихъ силъ и своей политической ролью.

Безъ должнаго вниманія къ исторически *активной* роли рабочихъ массъ въ духовномъ развитіи и судьбѣ Бебеля, ихъ „безграничная любовь" и „безусловное довѣріе" къ нему представляются въ одностороннемъ свѣтѣ. Кромѣ того, изъ поля зрѣнія улетучивается и реальный историческій смыслъ того факта, что на кончину его вмѣстѣ съ милліонами пролетаріевъ почти единодушно откликнулись и „безчисленные политическіе противники его, съ буржуазной прессой во главѣ", какъ на огромную утрату для всего человѣчества. А между тѣмъ оставить въ тѣни, не освѣтить надлежащимъ образомъ внутренній смыслъ и значеніе этого знаменательнаго факта—было бы упущеніемъ со стороны соціальдемократіи.

---

[1]) *Прим. отъ ред.:* Статья эта первоначально предназначалась для № „Нов. Раб. Газеты", посвященнаго памяти Бебеля, но, по независящимъ обстоятельствамъ, опоздала

[2]) Въ № 6 „Н. Р. Газ.".

Марксъ, Энгельсъ, Лассаль и Либкнехтъ вступили въ ряды борющихся рабочихъ, въ качествѣ пришельцевъ изъ идеологической среды, высоко стоявшей даже надъ пролетарскими передовыми элементами, не только въ силу своей принадлежности къ высшимъ классамъ, но и по своему высокому образованію и теоретическому развитію. А первые три выходца изъ этой среды выдѣлялись и въ ней съ самаго начала геніальными дарованіями, глубиной и размахомъ своей теоретической мысли и радикализмомъ своихъ политическихъ воззрѣній. Къ рабочему движенію они примкнули практически всецѣло, имѣя уже готовое, въ основныхъ чертахъ выработанное міровоззрѣніе, вооруженные широкимъ образованіемъ и „знаніями своего вѣка", пріобрѣтенными ими въ буржуазной средѣ, при помощи тѣхъ культурныхъ, образовательныхъ и научныхъ средствъ и учрежденій, которыми обладала эта среда. Не только по своимъ кровнымъ связямъ, по своему происхожденію, но и духовно и культурно они были дѣтьми буржуазіи, умственно и политически развившимися въ атмосферѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ освободительнаго движенія ея передовыхъ элементовъ. И если вслѣдствіе всего этого они для пролетаріата представляли собою людей, хотя и одушевленныхъ благородными, великодушными желаніями, стремленіями и цѣлями по отношенію къ нему, но все же и всспитанными въ чужой средѣ, то въ силу ихъ безмѣрнаго превосходства, даже надъ передовыми рабочими своимъ творческимъ развитіемъ и образованіемъ, они, уже въ самомъ началѣ своей исторической карьеры, при первомъ вступленіи въ лагерь этихъ рабочихъ должны были являться для нихъ высоко авторитетными личностями, на которыхъ приходится смотрѣть снизу вверхъ. Но *не посредственно практическое* живое общеніе ихъ съ пролетаріатомъ, начавшееся въ дѣтскомъ, или точнѣе, зародышевомъ періодѣ его классоваго движенія въ Германіи, прекратилось на многіе годы послѣ того, какъ восторжествовавшая въ 1849 г. контръ-революція придушила континентальное рабочее движеніе болѣе, чѣмъ на цѣлый десятокъ лѣтъ. Въ эти годы не только ихъ частная жизнь, но и ихъ работа на пользу рабочаго класса протекала вдали отъ него, внѣ атмосферы его освободительнаго движенія (за исключеніемъ развѣ отчасти англійскаго). Поэтому, когда оно въ 60-хъ годахъ снова начало оживать, даже передовымъ рабочимъ, явившимся его иниціаторами и носителями, сами имена Маркса и Энгельса сначала совершенно не были извѣстны. А Лассаль, появившійся на зарѣ современнаго рабочаго движенія, какъ блестящій метеоръ, игралъ въ немъ скорѣе роль не то посторонняго благодѣтельнаго героя-спасителя по отношенію къ рабочимъ массамъ, не то главы и основателя секты слѣпо вѣрующихъ, чѣмъ роль пролетарскаго вождя въ современномъ смыслѣ. Либкнехтъ же, дѣйствовавшій непосредственно въ рядахъ пролетарской арміи непрерывно въ теченіе почти 40 лѣтъ, сталъ въ концѣ концовъ, если и не въ той мѣрѣ, какъ Бебель, то все же достаточно „близокъ" рабочимъ и при томъ не только ихъ избраннымъ представителямъ, но и широкимъ соціальдемократическимъ массамъ.

Въ противоположность этимъ знаменитымъ родоначальникамъ соціальдемократіи, Бебель былъ самъ, въ непосредственномъ субъ-

ективномъ смыслѣ, продуктомъ современнаго рабочаго движенія; онъ, конечно, имѣетъ вполнѣ заслуженное право, вслѣдъ за ними, на званіе одного изъ отцовъ этого движенія. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего — самъ его дѣтище. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и въ его атмосферѣ онъ началъ жить сознательной духовной жизнью, интересоваться общественными вопросами и стремиться къ активному участію въ ихъ разрѣшеніи. Вступленіе Бебеля въ періодъ своей сознательной жизни началось одновременно съ пробужденіемъ въ германскомъ пролетаріатѣ стремленія стать соціально-политически на собственныя ноги и начать жить самостоятельной исторической жизнью. Живя и умственно развиваясь въ рабочей средѣ, воодушевляемый стремленіемъ къ самообразованію и къ борьбѣ за экономическое и политическое освобожденіе своего класса, онъ въ одно и то же время испытывалъ на себѣ непосредственно возбуждающее вліяніе этой среды, и самъ скоро началъ вліять на нее. Онъ не пришелъ къ рабочимъ, какъ посторонняя имъ импонирующая, авторитетная личность, а духовно и умственно росъ и развивался среди нихъ же, пользуясь тѣми же культурными и образовательными средствами и учрежденіями, которыя и имъ, по крайней мѣрѣ въ городскихъ и промышленныхъ центрахъ, доступны были и которыми пользовались ихъ болѣе активные и любознательные элементы. Много усилій и энергіи приходилось этимъ элементамъ затрачивать для того, чтобы возможно лучше использовать наличныя и создать новыя средства и учрежденія для своего собственнаго умственнаго и политическаго развитія и поднятія его у болѣе отсталыхъ слоевъ своего класса. Въ этой коллективной исторической работѣ передовыхъ рабочихъ Бебель самымъ активнымъ образомъ участвовалъ, какъ равный съ равными, постепенно пріобрѣтая вліятельную и руководящую роль среди нихъ, благодаря своимъ дарованіямъ, неутомимой энергіи и необычайно боевому темпераменту. Но онъ пріобрѣталъ эту роль и становился все болѣе виднымъ политическимъ дѣятелемъ, по мѣрѣ того, какъ развивалась самостоятельность, росла и расширялась сознательная организованная самодѣятельность его класса, по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній поднимался изъ состоянія историческаго небытія на высоту передовой, *сознательной* активной революціонной исторической силы. Необычайная активность Бебеля была высшимъ проявленіемъ сознательной исторической активности самой пролетарской среды, къ которой онъ принадлежалъ, и вмѣстѣ съ культурнымъ подъемомъ и политическимъ ростомъ этой среды, росло и его собственное политическое значеніе.

Вслѣдствіе всего этого, какъ ни выдѣлялся *Бебель* даже среди руководящихъ элементовъ пролетаріата своими необыкновенными способностями, образованіемъ, энергіей и иниціативой, какъ ни высоко поднимался онъ на общественной аренѣ въ роли „генерала“, стоящаго во главѣ прогрессивно возроставшей классовой арміи рабочихъ массъ, офицера и рядовые этой арміи не переставали относиться къ нему, какъ къ своему близкому товарищу Августу. Вѣдь вмѣстѣ съ своимъ вождемъ росли культурно, умственно и политически и рабочія массы, завоевывая все болѣе и болѣе видное мѣсто на авансценѣ исторіи и для себя, и для него. Поэтому, когда Бебель пріобрѣлъ всемірное

значеніе и всемірную славу, старая, первоначальная близость его къ соціальной средѣ, въ которой онъ не только родился, но и духовно воспитался и созрѣлъ, ничуть не уменьшилась; старая товарищеская привязанность къ нему соціалистическихъ рабочихъ только осложнилась чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ его личности и „безграничной любовью“ и безусловнымъ довѣріемъ къ нему, какъ къ испытанному вождю.

Но если такова историческая и психологическая подкладка исключительнаго отношенія широкихъ пролетарскихъ массъ къ Бебелю, то они говорятъ не только въ его пользу, но и въ пользу этихъ массъ; ихъ исключительныя симпатіи къ *этому* вождю свидѣтельствуютъ не только объ его великихъ заслугахъ передъ рабочимъ классомъ, но и указываютъ на высокій уровень развитія и этого класса. „Скажи мнѣ, кто твой другъ, и я скажу, что ты самъ за человѣкъ“. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно судить о культурномъ и политическомъ развитіи цѣлаго народа, а въ особенности соціальныхъ низовъ его по тому, на какомъ уровнѣ культурнаго и духовнаго развитія стоятъ и какое мѣсто на общественной аренѣ занимаютъ ихъ наиболѣе любимые вожди или герои. Моральныя достоинства вождя, интеллектуальная высота, на которую онъ поднялся и общественное значеніе, пріобрѣтенное имъ, являются, въ большей или меньшей мѣрѣ, показателемъ и масштабомъ для оцѣнки культурнаго уровня, политической сознательности и исторической роли того класса или общественнаго слоя, который онъ представляетъ и который чувствуетъ себя психологически и идейно особенно близкимъ съ нимъ.—Но именно этотъ моментъ обошла молчаніемъ буржуазная пресса, отозвавшаяся на смерть Бебеля выраженіемъ своего глубокаго уваженія къ его личности и открытымъ признаніемъ его огромнаго значенія, какъ замѣчательнаго политическаго дѣятеля.

Такіе всемірно-извѣстные органы англійской буржуазной печати, какъ „Dayly Telegraph“ и „Thimes“ писали по случаю его кончины, что въ его лицѣ міръ лишился „одного изъ замѣчательныхъ людей нашего времени“, и характеризовали его какъ „великаго генерала въ парламентской борьбѣ“, какъ первокласснаго организатора массъ и рѣдкаго тактика. А въ нѣкоторыхъ органахъ нѣмецкой буржуазной прессы звучали нотки, выражавшія почти такую же искреннюю скорбь и такія же чувства глубокаго уваженія къ пролетарскому вождю и его дѣятельности, какія выражала соціалистическая печать. Такъ, напримѣръ, „Нѣмецкая Понедѣльничная Газета“ откликнулась на смерть Бебеля статьей подъ весьма характернымъ и выразительнымъ заглавіемъ: „Намъ недостаетъ такого вождя, какъ Бебель“ („Uns fehlt ein August Bebel“), въ которой съ горечью и завистью указывается и подчеркивается тотъ фактъ, что среди политическихъ вождей германской буржуазіи „ни одного, равнаго этому великану (seines Riesenmasses). Статья начинается *) словами: „Этого покойника, съ сѣдыми волосами оплакиваютъ не только тѣ четыре милліона, впереди которыхъ онъ несъ крас-

*) Я цитирую по перепечаткѣ въ швейцарской соціаль-демократической газетѣ „Цюрихское Народное Право“.

ное знамя", и заканчивается обращеніемъ къ усопшему: „Сѣдой борецъ, возьми съ собой въ свой цюрихскій гробъ и наши слезы: о тебѣ плачутъ и тѣ, которые не шли за твоимъ знаменемъ".— Другой органъ свободомыслящей германской буржуазіи, „Берлинская Народная Газета", съ особымъ удареньемъ отмѣтилъ и подчеркнулъ, что покойный отдалъ „всю свою, полную борьбы и жертвъ жизнь всему нѣмецкому народу, что именно любовь къ этому послѣднему и „жгучее исканіе помочь ему и улучшить его положеніе" были „источникомъ его дѣятельности". И на этомъ основаніи названный органъ заявлялъ, что „весь нѣмецкій народъ имѣетъ право" (darf) раздѣлять съ соціальдемократіей ея печаль по случаю смерти ея вождя.

Но тѣ же органы буржуазной прессы, которые въ такомъ тонѣ откликнулись на это событіе, насколько мнѣ извѣстно, не пытались и на выстрѣлъ подойти къ тѣмъ вопросамъ, которые, въ непосредственной сзязи съ огромнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ имъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, сами собой напрашиваются. Они жалуются, что ни одна буржуазная партія въ Германіи не выдвинула изъ своей среды вождя, котораго можно было бы поставить рядомъ съ Бебелемъ. Отчего же именно у пролетаріата оказался вождь такихъ „исполинскихъ размѣровъ"? Чѣмъ объяснить, что ни одинъ изъ вождей буржуазіи не пріобрѣлъ такой солидной симпатіи и такого уваженія „всего нѣмецкаго народа", въ роли борца за „улучшеніе его положенія"? И почему именно смерть самаго любимаго и популярнаго вождя соціалистическаго пролетаріата вызвала ощущеніе огромной, незамѣнимой утраты для всего человѣчества не только въ „милліонахъ его партійныхъ товарищей", но и въ разныхъ кругахъ его политическихъ противниковъ?

Добросовѣстный отвѣтъ на эти вопросы сводится прежде всего къ тому, что современные интересы, стремленія и домогательства буржуазіи настолько враждебны интересамъ и требованіямъ общечеловѣческаго прогресса вообще и свободѣ и благосостоянію „всего нѣмецкаго народа" въ частности, что она никоимъ образомъ не могла идти за вождемъ, который со страстью и неутомимостью Бебеля боролся бы за „улучшеніе положенія всего народа". Именно поэтому она не способна выдвинуть на историческую арену вождей такой высокой пробы, какъ рабочія массы въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ онѣ достигли высокаго культурнаго развитія и большой политической самостоятельности. По Сенькѣ и шапка. Буржуазія имѣетъ такихъ вождей, какихъ она заслуживаетъ. Вождь же бебелевскаго масштаба былъ бы ей не по плечу. И если у германскаго пролетаріата оказался такой вождь и при томъ пользовавшійся его „безграничною любовью", то, очевидно, потому что онъ достаточно выросъ для этого духовно и политически. А потому то отношеніе къ личности и дѣятельности Бебеля, которое проявили по случаю его кончины, какъ широкія рабочія массы въ передовыхъ странахъ, такъ и „безчисленные политическіе противники его съ буржуазной прессой во главѣ", объективно указываютъ и на первостепенную культуру и политическую роль, которую соціалистическій пролетаріатъ играетъ на міровой исторической сценѣ.

Но открытое признаніе всего этого буржуазными идеологами равносильно было бы моральной капитуляціи буржуазіи передъ арміей враговъ буржуазнаго строя. Поэтому, буржуазная пресса, воздавая должную дань уваженія усопшему любимому вождю рабочихъ массъ и искренно превознося его рѣдкія личныя достоинства, о роли этихъ самихъ массъ въ его счастливой судьбѣ, сознательно или безсознательно, совершенно умалчиваетъ. Когда органы этой прессы отмѣчаютъ исключительную привязанность соціалистическихъ рабочихъ къ Бебелю, она принимаетъ у нихъ характеръ отношенія „толпы“ къ герою, за которымъ она слѣпо идетъ, или арміи вѣрующихъ къ великому пророку, готовыхъ по первому зову его идти на смерть. Соціалистическая армія пролетаріата, сознательно борющаяся за освобожденіе пролетаріата и всего человѣчества отъ капиталистическаго варварства, превращается въ буржуазныхъ некрологахъ объ ея вождѣ въ мало—или совсѣмъ безсознательную массу, сердцами которой ея искусный вождь, какъ высшее „воплощеніе“ сознательности съумѣлъ до такой степени овладѣть, что она готова была во всякую минуту идти за нимъ въ огонь.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія величественная международная траурная манифестація по случаю смерти Бебеля лишается того историческаго значенія, которое она, въ дѣйствительности, имѣетъ. Все ея значеніе и весь ея смыслъ сводятся тогда къ тому, что въ ней ярко проявилось отношеніе разныхъ слоевъ населенія къ нему лично, какъ къ великому человѣку, пріобрѣвшему всемірную славу и извѣстность. Исторія даетъ намъ и другіе примѣры, если не точно такого, то подобнаго же всеобщаго признанія заслугъ и дарованій прославившихся выходцевъ изъ народа. У насъ, въ Россіи, большая слава и такое всеобщее признаніе крупнаго общественнаго значенія достались на долю напримѣръ Ломоносову, геніальному актеру Щепкину и великому малороссійскому поэту Шевченко, а въ новѣйшее время Горькому, также „сыну народа“. Но Ломоносовъ сталъ творцомъ и родоначальникомъ русской науки и литературы, Щепкинъ великимъ мастеромъ сценическаго искусства, Шевченко великимъ поэтомъ, не вслѣдствіе и не въ атмосферѣ культурнаго и освободительнаго движенія крестьянства, изъ среды котораго они вышли, а не смотря на отсутствіе въ немъ въ ихъ время болѣе или менѣе сознательнаго прогрессивнаго движенія, если не считать за таковое стихійныя возмущенія его противъ невыносимаго гнета государственнаго и помѣщичьяго крѣпостничества. Они были духовными дѣтьми не соціальныхъ низовъ, изъ которыхъ они вышли, а высшихъ, привиллегированныхъ сословій, по скольку эти послѣднія являлись тогда у насъ очагами и сознательно—активными носителями потребностей культурнаго, умственнаго и соціально—политическаго прогресса. Тоже самое приходится сказать и о Горькомъ, хотя развитіе и разцвѣтъ его огромнаго поэтическаго дарованія совпали уже съ началомъ эпохи пробужденія русскаго пролетаріата къ исторической активности. Развитіемъ своихъ творческихъ силъ и своей славой, всѣ эти геніальные дѣти народа обязаны—помимо такъ называемыхъ случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ индивидуальнаго и мѣстнаго характера—поступательному движенію и соціальной само-

дѣятельности не кровно родной имъ, а чужой соціальной среды. А разъ эксплуатируемыя и угнетенныя народныя массы не участвовали въ качествѣ передовой культурной и политической силы ни въ развитіи творческихъ силъ и опредѣленіи характера и содержанія дѣятельности названныхъ классиковъ русской литературы и исскуства, ни въ пріобѣтеніи ими того высокаго положенія, которое они занимаютъ въ исторіи этой литературы и этого искуства, онѣ и не могутъ претендовать, если можно такъ выразиться, на долю въ той славѣ и томъ уваженіи, которыми пользуются ихъ имена. Общепризнанное первостепенное общественное значеніе этихъ высоко даровитыхъ сыновъ народа не служило и не могло служить показателемъ уровня развитія и исторической роли тѣхъ соціальныхъ низовъ, изъ которыхъ они вышли. Наоборотъ, чѣмъ дальше они подвигались впередъ въ своемъ культурномъ и умственномъ развитіи, чѣмъ выше они поднимались на общественной аренѣ служенія дѣлу культурнаго и духовнаго развитія родины, тѣмъ больше они удалялись отъ этихъ низовъ, такъ что въ концѣ концовъ они оказались отдѣленными отъ своей родной соціальной среды культурной, духовной и идейной пропастью.

Правда, по отношенію къ Горькому это указаніе требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и ограниченій. Его произведенія читаются въ широкихъ кругахъ рабочихъ, большинство которыхъ такъ же думаетъ и чувствуетъ, какъ ихъ соціальдемократическіе братья на Западѣ. О существованіи культурной и духовной пропасти между Горькимъ и рабочими кругами, съ увлеченіемъ читающими его произведенія, не можетъ быть и рѣчи. Но вѣдь и Толстой и Чеховъ и Короленко также имѣютъ сравнительно широкій кругъ читателей въ народной средѣ*). И между этими нашими художниками слова и ихъ читателями нѣтъ, конечно, такой пропасти, какая въ прежнія времена лежала между интеллигенціей вообще и народными массами. Но это—проявленіе и результатъ процесса демократизаціи культуры, начавшагося и *до недавняго времени* совершавшагося по иниціативѣ и путемъ сознательныхъ организованныхъ усилій идеологическихъ элементовъ, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, къ непролетарскимъ общественнымъ слоямъ. Какъ бы то ни было, своей творической дѣятельностью и своимъ мѣстомъ на литературномъ Олимпѣ и Горькій, подобно другимъ нашимъ первокласснымъ писателямъ, не связанъ органически съ классовымъ движеніемъ русскаго пролетаріата, а потому и отношеніе къ нему читающей публики точно такъ же, какъ къ нимъ, не можетъ служить даже косвеннымъ показателемъ исторической роли и значенія рабочаго класса.

Весьма естественно поэтому, что при характеристикѣ и оцѣнкѣ личности и дѣятельности даровитыхъ выходцевъ изъ народной массы, пріобрѣвшихъ историческое значеніе независимо отъ этихъ массъ, послѣднія играютъ лишь роль своего рода исторической подпочвы, въ которой ищутъ психологическихъ корней тѣхъ или другихъ особенностей въ творчествѣ этихъ сыновъ народа.

---

*) Да и классики болѣе ранней эпохи читаются теперь въ этой средѣ. Я уже не говорю о Шевченко, ставшемъ на своей родинѣ народнымъ поэтомъ.

Въ примѣненіи къ роли пролетаріата въ жизни и дѣятельности Бебеля, такая точка зрѣнія логически исключается взаимоотношеніями между нимъ, какъ между вождемъ, и тѣми, кто за нимъ идетъ. Низвести участіе рабочихъ массъ въ его исторической карьерѣ до нуля невозможно уже потому, что эта послѣдняя неотдѣлима отъ его дѣятельности, въ роли ихъ вождя и слѣдовательно отъ ихъ собственной активности, если бы она даже проявлялась только въ томъ, что онѣ слѣпо шли за нимъ, какъ въ давнія старыя времена темныя, невѣжественныя народныя массы шли за своими пророками или полулегендарными вождями. Но, въ дѣйствительности, взаимоотношенія между соціалистическими слоями рабочихъ и самыми крупными вождями, какъ небо отъ земли, далеки отъ тѣхъ, которые существовали между такими массами и ихъ вождями, въ чудотворную силу или могущество которыхъ онѣ увѣровали.

Для того, чтобы пролетарій, объявившій себя непримиримымъ врагомъ всего буржуазнаго общества и находящійся въ непрерывной борьбѣ съ нимъ, въ ходѣ этой самой войны сталъ общепризнаннымъ „великимъ генераломъ въ парламентской борьбѣ“ и перворазряднымъ политическимъ дѣятелемъ, къ словамъ и дѣйствіямъ котораго прислушивается весь цивилизованный міръ, отнюдь недостаточно обладаніе одними дарованіями, боевымъ темпераментомъ и неутомимой энергіей. Для этого необходима еще наличность, за спиной вождя, большой, хорошо организованной постоянной политической арміи этихъ массъ, съ многочисленнымъ штабомъ теоретически развитыхъ и политически опытныхъ руководителей во главѣ, арміи, сознательно и планомѣрно стремящейся къ завоеванію для своего класса политической и культурной гегемоніи надъ міромъ, въ интересахъ освобожденія всего человѣчества отъ всякаго рабства и угнетенія. На такую внѣпарламентскую армію и опирался Бебель. И не только опирался на нее, не только былъ ею постоянно поддерживаемъ, но и получалъ отъ нея опредѣленныя директивы, боролся вмѣстѣ съ ней и во главѣ ея за ея же собственныя требованія, вмѣстѣ съ ней преслѣдовалъ задачи и цѣли, которыя она же сама ставила на очередь дня. Эта пролетарская армія есть продуктъ, довольно продолжительнаго періода все болѣе и болѣе расширявшейся и разнообразныя сферы общественной жизни охватывавшей самодѣятельности германскаго пролетаріата—сначала въ лицѣ малочисленнаго круга избранныхъ единицъ, потомъ, все болѣе и болѣе значительнаго слоя рабочей интеллигенціи, а затѣмъ и широкихъ рабочихъ массъ—для поднятія себя на все болѣе и болѣе высокія ступени культурнаго и политическаго развитія и для прочнаго завоеванія возможно лучшихъ условій существоованія еще на почвѣ капитализма. Въ теченіе этого періода все болѣе и болѣе широкія рабочія массы пробуждались отъ историческаго прозябанія, выступали на арену сознательной организованной борьбы, освобождаясь отъ духовной и политической опеки идеологовъ и партій эксплуататорскихъ классовъ; все болѣе и болѣе широкіе слои пролетаріата знакомились, на аренѣ этой борьбы, изъ своего коллективнаго опыта и постоянныхъ столкновеній съ организованными силами господствующихъ классовъ, съ природой и характеромъ органовъ общественнаго самоуправленія и государ-

ственной власти, научались контролировать эти органы и оказывать на нихъ вліяніе въ благопріятномъ для пролетаріата смыслѣ. Но въ тоже время эти рабочія массы пріобрѣтали и развивали въ себѣ навыки внутренняго самоуправленія, умѣнье управлять своими собственными культурными и образовательными учрежденіями и своими экономическими и политическими организаціями. И по мѣрѣ того, какъ подвигался впередъ этотъ историческій процессъ классоваго самоопредѣленія и классовой самоорганизаціи пролетаріата, широкія рабочія массы становились все болѣе и болѣе на собственныя ноги, все болѣе самостоятельны и по отношенію къ самымъ авторитетнымъ и любимымъ вождямъ и опережали своихъ эксплуататоровъ прогрессивнымъ характеромъ своихъ очередныхъ требованій, стремленіемъ къ общечеловѣческому благосостоянію и свободѣ и живымъ сочувствіемъ борьбѣ за эту свободу и это благосостояніе—гдѣ бы она ни происходила.

Такъ создалась, въ лицѣ германской и международной соціальдемократіи, та политическая армія, которая является силой передовой и самой послѣдовательной носительницей и поборницей общечеловѣческаго прогресса и которая именно поэтому могла своему вождю доставить роль „великаго генерала“ на міровой аренѣ соціально политической борьбы. Передовой, не въ смыслѣ стихійной силы, безсознательно носящей въ себѣ революціонныя потребности и тенденціи, сознательными выразителями которыхъ являются *немногіе руководители:* нѣтъ, не только въ лицѣ своихъ вождей, но и массы своихъ рядовыхъ членовъ, армія эта является сознательнымъ носителемъ революціонныхъ интересовъ, потребностей и объективныхъ тенденцій классового пролетарскаго движенія, центромъ и авангардомъ котораго она служитъ.

Не только ея генеральный штабъ, но и „нижніе чины“ и даже ея рядовые „солдаты“ проникнуты сознательнымъ стремленіемъ служить дѣлу освобожденія всего человѣчества отъ всѣхъ видовъ рабства и пониманіемъ условій и путей борьбы за осуществленіе этого стремленія. Эта духовная и идейная солидарность между вождями и соціалистическими рабочими массами имѣетъ свои глубокіе корни въ общей школѣ политическаго воспитанія—первыхъ и вторыхъ, въ однородности условій и общихъ путяхъ и средствахъ ихъ культурнаго развитія и самообразованія. Великая партійно-политическая армія, созданная великими коллективными усиліями тысячъ, десятковъ и сотенъ тысячъ сознательныхъ пролетаріевъ, выдвинула изъ своей среды и вождя исполина, соотвѣтственно задачамъ и высокому уровню развитію массъ, составляющихъ ее. А потому колоссальное по силѣ и распространенію впечатлѣніе, произведенное смертью Бебеля въ цивилизованномъ мірѣ и единодушные отклики на нее со стороны различныхъ общественныхъ слоевъ чуть не во всѣхъ культурныхъ странахъ, являются отраженіемъ современной всемірно-исторической роли и значенія международнаго соціалистическаго пролетаріата вообще, и его авангарда—германской соціалдемократіи—въ особенности. И если буржуазная пресса Германіи съ завистью и глубокимъ огорченіемъ указываетъ на то, что вожди буржуазіи являются чуть не пигмеями рядомъ съ усопшимъ вождемъ соціалдемократіи,—то это равносильно косвенному, хотя и невольному, признанію съ ея стороны

огромнаго превосходства классовой политической арміи пролетаріата, какъ авангарда человѣчества, на пути его прогрессивнаго движенія, надъ буржуазными партіями, безпомощно путающимися въ противорѣчіяхъ капиталистическаго прогресса.

Органы этой прессы, естественно, стараются затушевать внутренній историческій смыслъ явленія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Они объясняютъ присоединеніе „безчисленныхъ политическихъ противниковъ“ соціальдемократіи къ ея скорьби о кончинѣ своего великаго вождя исключительно всеобщимъ преклоненіемъ передъ „личнымъ характеромъ“ Бебеля и его личнымъ безкорыстнымъ служеніемъ „всему народу“. Но они умалчиваютъ при этомъ, что признаваемыя теперь всѣми его индивидуальныя качества и заслуги передъ всѣмъ германскимъ народомъ далеко не были бы такъ оцѣнены противниками соціальдемократіи и, сами по себѣ, рѣшительно не могли бы поставить его на высоту общепризнаннаго виликаго „генерала“ на политической аренѣ, еслибы за нимъ не стояла великая пролетарская армія—великая не только численно, но и по своему совмѣстному съ нимъ служенію народу и достигнутому ею всемірно историческому значенію. Но соціалъ-демократія заинтересована въ томъ, чтобы пролетарскія и демократическія массы имѣли возможно болѣе ясное представленіе о той зависимости, въ которой находится общественная роль и значеніе ихъ крупнѣйшихъ вождей отъ собственной организованной самодѣятельности, политической ролью и значеніемъ на всемірно-исторической сценѣ. Она заинтересована въ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что одной изъ ея основныхъ задачъ является развитіе соціальнаго или историческаго самосознанія въ пролетаріатѣ. Развитіе этого классоваго самосознанія ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ культивированіемъ среди рабочихъ, при помощи грубой демагогіи и лести, самохвальства или бахвальства, которое съ такимъ цинизмомъ практикуютъ наши «послѣдовательные» и которое съ негодованіемъ осуждалъ Марксъ 50—60 лѣтъ съ лишнимъ тому назадъ.

Дѣйствительное сознаніе исторической роли, задачъ и силы своего класса развивается въ рабочихъ массахъ въ процессѣ преодолѣванія ими, собственными организованными усиліями, препятствій, стоящихъ на пути ихъ восходящаго историческаго движенія. Завоевывая для своего класса и для своихъ вождей все болѣе и болѣе видное и вліятельное положеніе въ общественно-политической жизни страны, поднимаясь все выше и выше въ своемъ умственномъ и политическомъ развитіи, непрестанно сталкиваясь съ партіями и тенденціями, враждебными пролетаріату, „всему народу“ и общечеловѣческому прогрессу, передовые слои пролетаріата проникаются сознаніемъ всемірно-исторической освободительной миссіи своего класса и пониманіемъ своихъ собственныхъ великихъ культурныхъ и политическихъ задачъ въ современномъ обществѣ. Своимъ собственнымъ примѣромъ и своими собственными усиліями втягивать все болѣе широкія, сравнительно, отсталыя рабочія массы въ сферу своего идейнаго и политическаго вліянія, соціальдемократическія партіи сами, становящіяся все болѣе и болѣе массовыми рабочими организаціями, съ успѣхомъ работаютъ надъ искорененіемъ въ этихъ массахъ

унаслѣдованнаго ими отъ прошлыхъ временъ чувства соціальной приниженности и безпомощности. Это чувство, проявляющееся, съ одной стороны, въ покорности эксплуататорамъ и властямъ предержащимъ, а съ другой и въ слѣпомъ подчиненіи волѣ отдѣльныхъ личностей, иногда просто демагоговъ или авантюристовъ, съумѣвшихъ тѣмъ или инымъ путемъ, вызвать въ отсталыхъ массахъ довѣріе къ себѣ и вовлечь ихъ въ борьбу съ ихъ дѣйствительными или мнимыми угнетателями, это чувство, подъ вліяніемъ ростущей силы пролетарскаго соціалѣдемократическаго авангарда и его непосредственнаго воздѣйствія на эти массы, все болѣе вытѣсняется въ нихъ ростущимъ сознаніемъ силы и значенія ихъ класса и осмысленнымъ, критическимъ отношеніемъ не только къ враждебнымъ партіямъ и ихъ вождямъ, но и къ своимъ собственнымъ авторитетнымъ вождямъ. И однимъ изъ наиболѣе сильно дѣйствующихъ факторовъ развитія и распространенія такого пролетарскаго классоваго самосознанія въ широкихъ массахъ является освѣщеніе передъ ними истиннаго смысла такихъ событій и фактовъ, въ которыхъ, въ крупномъ масштабѣ, ярко проявляется моральная сила соціальдемократіи и невольное преклоненіе передъ ней и непролетарскихъ передовыхъ слоевъ, какъ передъ единственной большой истинно культурной политической силой, неутомимо борющейся со всѣми врагами „всего народа“ и всего человѣчества.

И едва ли не самымъ знаменательнымъ изъ такихъ событій является международное чествованіе памяти наиболѣе любимаго и самаго крупнаго изъ соціальдемократическихъ вождей, вышедшихъ изъ нѣдръ пролетаріата и его классоваго движенія.

Вотъ почему я остановился спеціально на критикѣ тенденціи буржуазной прессы истолковывать это, исторически крайне знаменательное, событіе исключительно, какъ проявленіе личнаго отношенія рабочихъ массъ и передовыхъ элементовъ буржуазіи къ „личному характеру“, высокимъ дарованіямъ и индивидуальнымъ заслугамъ Бебеля передъ народомъ. Психологической и логической предпосылкой для этой тенденціи служитъ отношеніе къ соціалистическимъ пролетаріямъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ на полѣ борьбы съ буржуазнымъ обществомъ, какъ къ стихіи, способной только идти за своими вождями, которые съумѣли овладѣть „сердцами рабочихъ“.

Этому ложному взгляду мы должны противопоставить настойчивое указаніе и выясненіе той рѣшающей роли, которую начавшійся больше полустолѣтія тому назадъ неуклонный культурный и политическій подъемъ рабочаго класса игралъ въ развитіи и примѣненіи творческихъ силъ Бебеля, какъ организатора и политическаго дѣятеля. Въ атмосферѣ этого подъема, подъ прямымъ вліяніемъ расширявшейся и углублявшейся самодѣятельности рабочихъ массъ, развитію которой онъ такъ много способствовалъ, онъ и самъ духовно и политически росъ и становился все болѣе крупнымъ и виднымъ историческимъ дѣятелемъ. Поэтому, и тогда, когда онъ уже сталъ общепризнаннымъ, высокообразованнымъ „великимъ генераломъ“ на міровой политической аренѣ и „политическимъ мыслителемъ“, вмѣсто психологической и культурной пропасти, между нимъ и этими массами оказалась такая внутренняя, духовная близость, что

онѣ могли бы, примѣнительно къ себѣ, повторить слова товарища, приведенныя много вначалѣ статьи: „Никто не былъ намъ такъ близокъ, какъ Августъ Бебель“. Онъ былъ имъ такъ интимно близокъ потому, что полнѣе, ярче и разностороннѣе другихъ вождей воплотилъ въ своей личности и выразилъ въ своей дѣятельности благороднѣйшія стороны ихъ собственной психики и тѣ же общественно-политическія стремленія, культурные интересы и запросы, которые и ихъ воодушевляютъ. Въ лицѣ Бебеля, ихъ собственное культурное, умственное и политическое движеніе достигло высшей точки своего развитія до настоящаго времени. А потому безчисленныя проявленія глубокой скорби международнаго пролетаріата сильно и ярко подчеркнули не только „безграничную любовь“ соціалистическихъ рабочихъ къ усопшему вождю, но и то, что борющіяся подъ знаменемъ соціальдемократіи рабочія массы заслужили такого великаго вождя, какимъ былъ Бебель.

По той же причинѣ проявившееся по случаю его кончины отношеніе къ нему „безчисленныхъ политическихъ противниковъ“ является объективнымъ отраженіемъ, слѣдствіемъ и показателемъ того мірового культурнаго и политическаго значенія, котораго достигъ соціалистическій пролетаріатъ. Оплакивая потерю, понесенную въ лицѣ вождя, какъ незамѣнимую потерю для всего человѣчества, передовые элементы буржуазіи этимъ самымъ, помимо своей воли и своего сознанія, склоняются передъ растущей силой рабочаго класса и выражаютъ свое предчувствіе приближенія эпохи культурной духовной и политической гегемоніи его надъ міромъ. Величественное интернаціональное чествованіе памяти пролетарскаго вождя, чествованіе въ которомъ, въ той, или иной формѣ, приняли участіе, кромѣ рабочихъ, представители буржуазныхъ классовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что международная соціальдемократія, съ германской рабочей партіей во главѣ, довольно далеко подвинулась впередъ на своемъ историческомъ пути къ освобожденію человѣчества отъ капиталистическаго рабства и поддерживаемыхъ имъ остатковъ средневѣковаго и азіатскаго варварства.

П. Б. Аксельродъ.

„Забастовка матерей“.

I.

Осенью текущаго года въ Германіи надѣлали большого шума рабочія собранія, посвященныя обсужденію вопроса о „забастовкѣ матерей“, о борьбѣ съ ухудшеніемъ положенія рабочаго класса путемъ сокращенія рождаемости дѣтей рабочихъ.

Возбужденіе вопроса въ настоящее время о рождаемости дѣтей рабочихъ является признакомъ того, что теперь при необычайномъ вздорожаніи жизни воспитаніе дѣтей дѣлается для